

У Р А Л Ь С К И Й ISSN 0134-241X
Снеговым
8•2001

● 300 ЛЕТ УРАЛЬСКОЙ МЕТАЛЛУРГИИ ● СЛОБОДА НА ЧУСОВОЙ ●
ОКОНЧАНИЕ «СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ФАНТАЗИИ» ● ЛЕТО — ЭТО МАЛЕНЬКАЯ
ЖИЗНЬ ● О ЧЕМ ПОЮТ ЛОШАДИ ● ЛЕТНЯЯ «КАРАВЕЛЛА» ● НОВОСТИ ●

УРАЛЬСКАЯ ГОРНАЯ СТРАНА

СРЕДНИЙ УРАЛ

Южная граница Среднего Урала обозначена широтным направлением реки Уфы в месте слияния ее с Уфалейкой, северная — на картах последних лет проходит между горами Ослянка и Конжаковский Камень.

Характерной особенностью гор Среднего Урала является их небольшая высота и усложненная орография хребтов, часто не имеющих строгой ориентировки из-за сложного геологического строения. Преобладающее направление Уральского Хребта и параллельных ему хребтов и увалов с ЮЮВ на ССЗ.

В южной части прослеживаются два близко расположенных хребта — Уфалейский (г.Березовая, г.Азов — 589м.), Коноваловский (г.Шунут-Камень-726 м.). Параллельно им на западе идет Бардымский хребет со своим северным продолжением — Киргишанским Увалом.

В районе Ревды и Первоуральска имеются значительные межгорные понижения и как раз здесь река Чусовая пересекает Уральский хребет.

Между широтами Первоуральска и Нижнего Тагила Уральский хребет представлен Весельными горами с наиболее известными вершинами Старик Камень — 755м. и Белая — 712м.

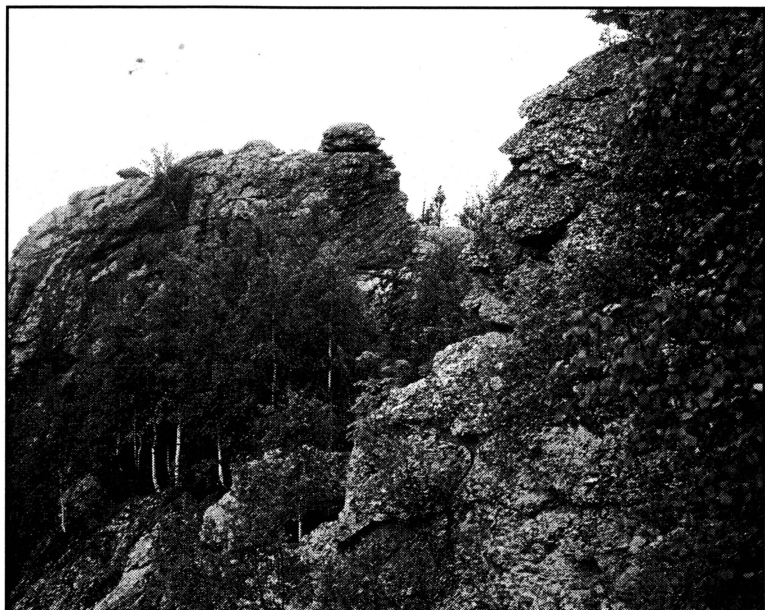
Севернее Н. Тагила количество гор высотой более 500м. растет, хребет поворачивает на СЗ в сторону хребта Басеги, горы Ослянки и Лялинского Камня. Ширина массива в этой части более 100 км.

Самые высокие вершины Среднего Урала находятся ближе к границе с Северным Уралом: гора Ослянка — 1119 м., хребет Басеги с вершиной Средний Басег — 994м. и гора Качканар — 878м. Как часто бывает на Урале, все эти вершины расположены в стороне от главного Уральского хребта.

ШУНУТ-КАМЕНЬ

Самая высокая гора в окрестностях Екатеринбурга(726 м.), длиной 15 км. Сложена кварцитами. В структуре скал преобладают округлые конгломератообразные формы.

Гора в основном покрыта лесом за исключением вершины и ряда примыкающих к ней скал. Она плохо просматривается из лесистых окрестностей и найти ее, не зная точных ориентиров, бывает сложно. К горе подходит грунтовая дорога, идущая от окраины Мариинска. Шунут-Камень часто посещается любителями уральской природы. Рядом с Шунут-Камнем есть целебный родоновый источник Платонида, имеющий интересную историю.

Продолжение на 3-й странице обложки.

**«Хочешь
двигаться —
ищи
попутчика»**

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт

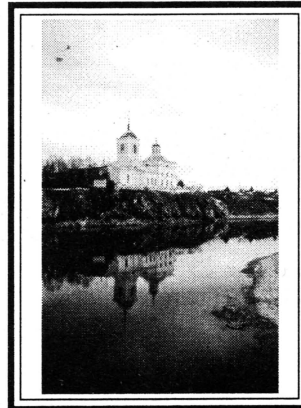

ИСТОРИЯ, ФАНТАСТИКА, ПУТЕШЕСТВИЯ

В номере:

8"2001

**Владимир ВЯЗОВСКИЙ
Василий ИЩЕНКО
Мария СТУПИНА
Андрей РОМАШЕВ
Любовь БАСИНА
Владимир ГАЛАНОВ
Елена ВАЛЕЕВА
Владимир ТРУСОВ
Ольга КОЛОТОВА
Николай БЕРЕЗОВСКИЙ**

**РЕКА
ВРЕМЕНИ**

СТР. 3-28

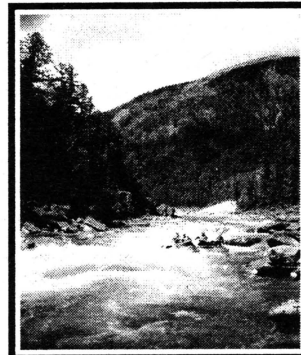
**Владислав КРАПИВИН
Виталий КАПЛАН
Евг. АЛЕКСАНДРОВИЧ
Михаил МИРКЕС**

АЭЛИТА

СТР. 29-60

**Леонид ДОРОНИН
Яна ТАМПЛОН
Юлия СУДЬБИНА
Юрий НИКИТИН
Александр ПОЛЕЖАЕВ**

**ВСТРЕЧНЫЙ
ВЕТЕР**

СТР. 61-78

УРАЛЬСКИЙ
следопыт

БЖ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС
«БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ»

При поддержке полномочного представителя президента Российской Федерации в Уральском Федеральном округе П.М. Латышева, Министра культуры Свердловской области Н.К. Ветровой.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ КОНКУРСА:

Поиск и объединение начинающих поэтов, фантастов, историков и краеведов Урала, которые со временем станут постоянными авторами журнала «Уральский следопыт».

ОРГАНИЗАТОР КОНКУРСА — ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт».

СООРГАНИЗАТОРЫ КОНКУРСА — Урало-Сибирская ассоциация клубов ЮНЕСКО, областная Детско-юношеская библиотека.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ НОМИНАЦИИ:

1. Фантастика и сказка.
2. Проза и публицистика.
3. Поэзия.
4. История и краеведение.

Объем и количество представленных работ не ограничивается. К участию в конкурсе приглашаются школьники и молодежь до 18 лет.

ПРИЗОВОЙ ФОНД ПО КАЖДОЙ НОМИНАЦИИ:

1 место — 6 000 руб.; 2 место — 4 500 руб.; 3 место — 2 000 руб.

Произведения победителей будут опубликованы в номерах журнала «Уральский следопыт» и оформлены отдельным изданием.

Участники конкурса будут отмечены поощрительными призами и дипломами, все конкурсные работы будут размещаться на сайте:

<http://uralstalker.ekaterinburg.com>

Присылать или приносить работы можно по адресу:

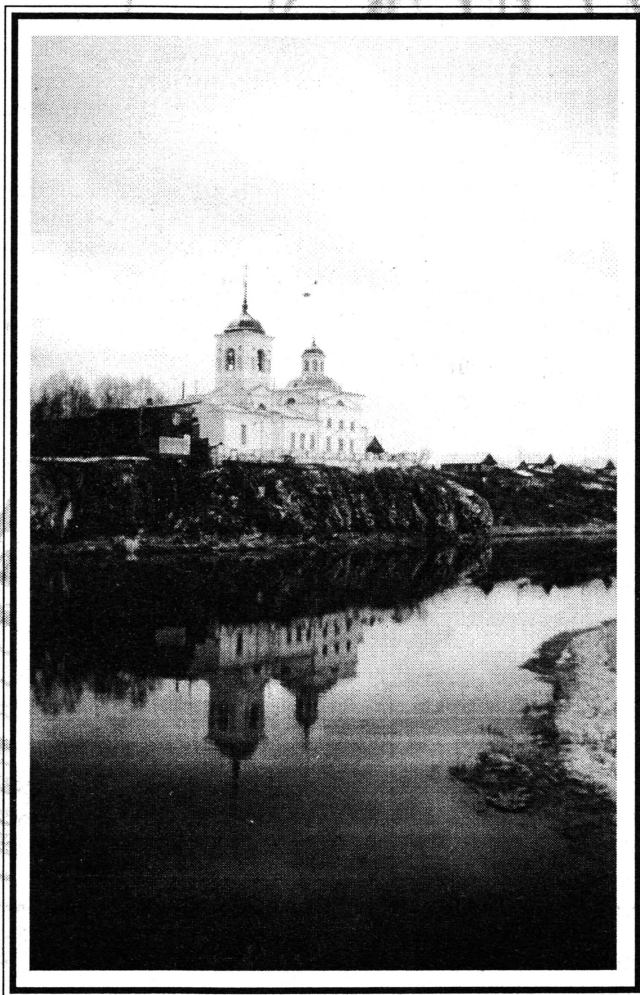
**620142, ЕКАТЕРИНБУРГ, ДЕКАБРИСТОВ, 67,
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».**

С конкурсными работами обязательно присылать:

- заявление (рукописное) на участие в конкурсе;
- анкета участника (адрес, сколько лет, в каком учебном учреждении учится конкурсант);
- копия подписного абонемента на журнал «УС».

Телефон для справок: (3432) 22-36-62, 22-45-01

РЕКА ВРЕМЕНИ

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	4
Владимир ВЯЗОВСКИЙ «Баллада о металлах»	5
Василий ИЩЕНКО «На древней Вишерской дороге»	6
Мария СТУПИНА «Старая любовная история»	9
Андрей РОМАШЕВ «Серебряный туман»	12
Любовь БАСИНА «Письмо из прошлого»	14
Владимир ГАЛАНОВ «Смоленская находка»	18
Елена ВАЛЕЕВА «Мы сами определяем наше сегодня и наше завтра»	19
Владимир ТРУСОВ «Слобода на Чусовой»	20
Ольга КОЛОТОВА «Флот Византии»	22
Николай БЕРЕЗОВСКИЙ. Рассказы	24

ГОРОДА-ИМЕНИННИКИ

Триста лет спустя на территории Свердловской области было положено начало уральской металлургии. Именинниками чувствуют себя прежде всего два наших старейших города — Каменск-Уральский и Невьянск.

В Каменском казенном чугуноплавильном заводе, что возник на месте домниц Далматовского монастыря, в октябре 1701 года был получен первый чугун, а в декабре того же года отлиты первые пушки. Еще полтора года спустя с Уткинской пристани ушел первый караван с пушками и мортирами Каменского завода, коим предстояло участвовать в Полтавской битве.

А в декабре того же 1701-го домна Невьянского казенного железодельного завода тоже дала России свой первый чугун. Вскоре этот завод был передан в частные руки — Никите Антупьеву Демидову и затем стал крупнейшим металлургическим предприятием России.

Земляки щедро и достойно чествуют своих юбиляров. Журнал «Урал» полностью посвятил городу Каменску-Уральскому, его истории и жителям один из своих очередных номеров.

Издательство Уральского университета приурочило к юбилею выпуск книги «Старый Невьянский завод». А в издательстве «Сократ» скоро увидит свет второй сборник из серии «История в лицах городов», который называется «Демидовские гнезда». Его открывает очерк Всеволода Слукина «Город легенд», посвященный богатому прошлому и менее впечатляющему настоящему города Невьянска. Два других очерка сборника представляют еще два «гнезда» заводчиков Демидовых — Нижний Тагил и Верхний Тагил.

Как и триста лет спустя, сегодня предприятия государственные и частные соперничают между собой, подчас с пользой, а иногда и не без ущерба народному хозяйству. Но не случайно на площади Екатеринбургa мирно сошлись на одном пьедестале убежденный «государственник» Василий Татищев и не менее ревностный приверженец частного капитала Виллим де Геннин. Исполать им обоим!

Юний ГОРБУНОВ

В Ирбите побывали мотопутешественники из Голландии — 40-летняя Дафни и ее муж 47-летний Роб Йонг

На мотоциклах они путешествуют пятый год с небольшими перерывами на отдых. Проехали Южную и Северную Америку. Роб в прошлом мотоспортсмен, ныне механик. Дафни — график-дизайнер. Свою «Ямаху» японского производства, оснащенную коляской, они ведут по очереди. В коляске — необходимый запас продуктов и палатка. Путешествие через Россию началось с востока. В Ирбите иностранцы намеревались посмотреть «Уралфабрику», как они назвали мотоциклетный завод. Особый восторг у гостей вызвал заводской музей, где представлено множество отечественных и зарубежных моделей машин. После путешествий супруги публикуют в журналах заметки. Муж с женой свободно общаются на английском, испанском, немецком языках. Из Ирбита голландцы направились в Башкирию.

Японские палеонтологи откопали массивную окаменевшую кость, принадлежавшую, как полагают, вновь открытому виду гигантского ископаемого ящера «титанозавра».

До сих пор останки этих животных находили в Африке, и эта находка произвела фурор в научных кругах Японии.

Почти полутораметровая кость ноги титанозавра, найденная в префектуре Миз, дала основание предположить, что ее хозяин достигал в длину 16-18 метров, а весил до 32 тонн. Ящер обитал на Земле примерно 138 миллионов лет назад.

Кость титанозавра — самая крупная находка японских палеонтологов, хотя следы обитания ящеров на территории современной Японии попадались и раньше. Пару лет назад в префектуре Кауэяма были найдены осколки скорлупы яиц динозавров раннего мелового периода. Их возраст — 120 млн лет.

Вучительской средней школы № 1 города Заречного, что в Свердловской области, можно увидеть необычную коллекцию школьных шпаргалок — Левша бы позавидовал!

Что ни экземпляр, то образец сообразительности и фантазии. Одна из «шпор» сделана в виде миниатюрного свитка, который перекручивается с одной спички на другую. Следующая представляет собой настолько маленькую книжечку, что впору читать под увеличительным стеклом. Есть и такие, что набраны на компьютере мельчайшим шрифтом.

«Больше всего шпаргалок изготавливают учащиеся при «подготовке» к экзамену по истории, — говорит директор школы Наталья Мокиенко. — Объем материала для усвоения достаточно велик. При всем том, как ни странно, результаты на экзаменах они показывают весьма неплохие, многие впоследствии поступают в гуманитарные вузы и учатся там успешно».

Владимир Вязовский, Полевской

БАЛЛАДА О МЕТАЛЛАХ

Тяжелая промышленность — прочтем металлургия,
Три века — славный юбилей, и торжество России.
Нам службу бессрочную вечно нести
В стремлении к звездам... на Млечном пути.

Металлы повсюду,
их метр характерный
В могучем дыхании карьеров, мартенов:
Бравурны литавры и посвист мечей,
Веселые блики на створах печей,
И всплесками — платина,
камни в подвесках,
Солидно мерцанье спасаемых фресок...

И образы снова встают образами...
Дедов, умудрившихся домны возами
Рудой накормить,
и в итоге — броня,
И мирно над дверью
— подковы коней,
И тайной — булат,
павильон,
завитушки...
И море... гремят корабельные пушки.

И мысль, зазвеневшую звуком полета,
Строкою стихов чиркнул след самолета,
Небесная, четкая вязь виражей —
И песней,
и вечною сканью стрижей.
Стремительно к дальним мирам,
как ракета,
Пространством живет
голубая планета.

Мосты, фонари и машины, машины...
Шуршат по шоссе кубометрами шины,
И так же, без устали

— в цехе краны
И в мирное время,
и в годы войны...

И годы,
и силы,
и души — заводу,
Металлы — деревне, продукты — народу.
Да синюю — картина
...по золоту хлеба:
Бездонным.
Безбрежным.
Безоблачным — небо...
А в залах,
стараньями флейт — соловьи...
Автографы трактор плугами свои,
Вплетая оттенки в гризайль черноземов,
В кудряшки до одури снежных черемух.

Уралец
— на «ты» с огнедышащей лавой,
Державы защитник, овейный славой.
Единая связка — «Металл» и «Урал»
Отчизны опора — ее пьедестал,
За павших
— подыдем солдатские кружки, —
И снова ЛЮБОВЬ,
и гармонь,
и частушки...
и лица уральцев — нельзя не влюбиться,
В их озаренные пламенем лица...
Уральская, тяжелая — читай металлургия,
Три века славный юбилей,
и праздник всей России!

Василий ИЩЕНКО, Екатеринбург

На древней Вишерской дороге можно найти следы первых уральских рудников

В этом году (24 августа) исполняется 300 лет со дня учреждения Петром I «Приказа рудокопных дел». Начиная с этого времени на Урале бурно развивается горнозаводская промышленность. За первые 50 лет было построено 63 завода, которые давали 90% меди и 67% чугуна России. По выплавке металла Россия выходит на второе место в мире, уступая только Швеции. И в наше время Урал остается краем с высокоразвитой горно-металлургической промышленностью.

Но, отмечая эту дату, нельзя забывать и о начальном этапе горного производства на Урале. Без него не достиг бы таких успехов даже Петр I.

Среди ученых нет единого мнения о первых рудниках на Урале. Некоторые историки считают первым медным рудником — Григоровское месторождение, но большинство специалистов не придерживаются такого мнения, считая, что рудники на Урале появились значительно раньше.

Иван III — первый из русских царей предпринимает меры для отыскания золота и серебра в России. С этой целью он привлекает специалистов из других стран, особенно из Германии. В Германии серебро получали из медных руд, добываемых в горах (в Тироле). Поэтому, приехав в Россию, немецкие специалисты по аналогии со своей страной направлялись в Уральские горы и там на медных месторождениях искали серебро и золото.

Известно, что первым рудником в России был рудник на Цильме. Здесь добывали медь, серебро и золото. Место его нахождения до настоящего времени остается неизвестным, хотя в источнике сказано, что он находится «...не доходя Космы (Косьвы) реки за полдня, а от Печоры-реки за семь дней». Карамзин пишет,

Промывка шурфа на платиновом приiske

что когда в 1492 году в Россию приехал из Германии Снупс, как считают, для ознакомления с месторождениями России, то он хотел поехать в «полуношные» страны к берегам Оби. Н. Полевой в «Истории русского народа» отмечает, что одновременно с добычей меди на Цильме добывали серебро и золото. Горный инженер Банников утверждает, что месторождение на Цильме находилось недалеко от Чердыни.

Видимо на Цильме из-за бедного содержания серебра в медных рудах разработка была приостановлена. Несмотря на это, Россия успела прославиться открытием золота и серебра. Из полученного золота даже была отлита медаль для Феодосии — дочери царя Ивана III.

При Иване Грозном, когда потребовалась медь, на Цильму вновь направляется экспедиция (в 1553 году) во главе с Иваном Федоровичем Шишкиным.

Через три года после похода Шишкина царь посылает на поиски руд Григория Строганова. И уже в 1557 году про русскую медь узнают даже за границей. Таможенное купеческое общество в Лондоне потребовало от своих поверенных в Москве доставать образцы русской меди с обстоятельными о ней сведениями.

Выбор царем Григория Строганова был не случайным. Строгановы практически первыми вступают в торговые отношения с коренным вогульским населением еще до получения соликамских вотчин. Познав выгоду от торговли, Строгановы стали посылать своих людей в разные места за «Камень». Тогда за «Камень» ходили Вишерским путем.

Миллер даже считал, что Вишерский путь открыли Строгановы. (Видимо, он имел в виду путь по Улсую, так как путь по Велсу был известен еще новгородцам). В это время Строгановы узнают от вогул про богатства Северного Урала и сообщают о них царю.

Известно, что услугами вогул пользовался и заводчик Походяшин, когда искал месторождения. Даже существует об этом такое предание: «Однажды к Походяшину пришел знакомый вогул и показал ему несколько кусков самородной меди и сказал, что знает у «Камня» место, где такая руда имеется в большом количестве. Походяшин «загорелся», услышав про такое богатство, и стал упрашивать вогула показать ему эти места. Вогул согласился, но запросил за это 10 рублей. Таких денег у Походяшина в тот момент не оказалось, и он стал уверять его, что обязательно отдаст их ему в следующий раз. Но вогул был неумолим. Тогда Походяшину ничего не оставалось, как предложить ему самую ценную вещь в доме — кумачовый сарафан жены.

И вогул согласился. Жена со слезами расставалась с сарафаном. После получения сарафана, вогул повел Походяшина на месторождение. Оно действительно оказалось богатым. Походяшин вскоре получил у казны ссуду и весной 1758 года начал строить Петропавловский завод. Так, благодаря сарафану, Походяшин стал миллионером».

Очевидно, что Григорий Строганов также с помощью вогул находит месторождения, так как через два года после царского поручения он получает соликамские земли, видимо в награду. Тогда существовал такой способ поощрения.

Григорий Строганов не только преуспел в поиске месторождений, но и научился плавить руды. Поэтому, отдавая ему земли, Иван Грозный вынужден был предупредить, чтобы он не производил опытных плавок руд, и, если найдет серебряные, медные и оловянные руды, то сразу бы сообщил ему.

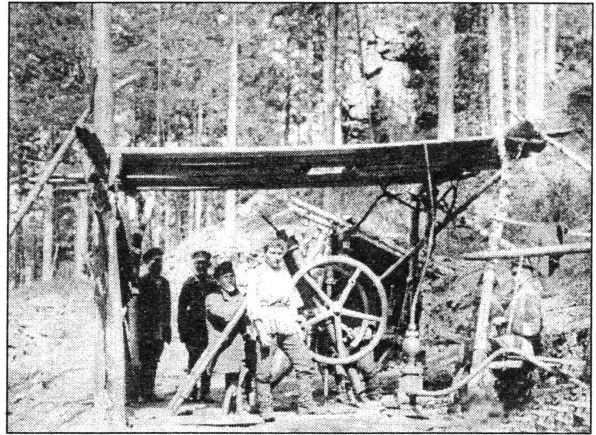
В 1574 году царь вновь обращается с заданием к Строгановым. В грамоте он повелевает им вести войну с Кучумом за Уралом и защищать от нападения югорские народы. За такую услугу им разрешается плавить железо на открытых ими месторождениях и даже производить опытные плавки меди, олова, свинца и серы, но до определенного времени. Вскоре братья умирают, так и не успев воспользоваться данными льготами.

С открытием Бабиновской дороги все существующие пути через «Камень» закрываются. Места на Вишерской дороге становятся безлюдными, и медные месторождения, открываемые попутно с поиском серебра и золота, предаются забвению. Даже городок Лозьвинск (Лозьва), построенный в 1590 году на Вишерской дороге, полностью ликвидируется.

Только значительно позже, когда был снят запрет на переход гор в других местах, на Вишерской дороге вновь появляются рудознатцы и обнаруживают на протяжении всего пути от Вишеры до Лозьвинска более 20 месторождений, начатых разработкой.

Особый интерес представляет рудник на реке Велс. Он находился на Вишерском пути, недалеко от впадения в Велс реки Чурол. По берегам этой реки в скальных обнажениях были видны жилы медной руды. Там же обнаружены обвалившиеся шахты и заготовленная для вывоза руда. Немецкие специалисты, проезжая этим путем, не могли не заметить ярко-зеленых подтеков от медных руд и радужных переливов медного колчедана. Да и Строгановы многократно проходили этой дорогой. Поэтому не вызывает сомнения, что месторождение было открыто еще во время первых поисков руд на Урале.

Более загадочным и таинственным является серебряный рудник у Вагран-озера. Он также находился по Вишерской дороге, но только на пути через Улсуй. Это рудник — легенда. Кто и когда его открыл и разрабатывал — остается тайной. Известно только, что слава о нем была настолько громкой, что местные жители на протяжении нескольких веков сохраняли в

Буровая машина на магнитном руднике

памяти этот рудник и время от времени сообщали о нем царям.

Алексей Михайлович, услышав о серебряном руднике у Вагран-озера, посылает туда стрельцов. Он так был уверен в нахождении там руд, что дал задание: «...поставить караул и приказать беречь накрепко, чтобы никто тое руды не имал до Указу».

Стрельцы взяли образцы медных руд и увезли их в Москву, но дальнейшей разработки месторождения не последовало.

При Петре I вновь поступило сообщение о серебряном руднике у Вагран-озера. Берг-коллегия срочно направляет туда экспедицию. Экспедиция также берет образцы для исследований. И снова рудник не разрабатывается.

В третий раз сообщение о серебре у Вагран-озера поступает Екатерине II, которая повелевает провести более качественную разведку в тех местах. Но и повеление царицы не привело к открытию серебряных руд.

Если проанализировать все сведения о серебряном руднике у Вагран-озера, то можно предположить, что рудник был медным и находился он у Вагранской горы (в 26 км от Североуральска). Видимо, там когда-то был сооружен пруд, который вначале называли «Варган», а затем «Вагран-озером». Пруд мог потребоваться рудокопам для измельчения руды пестами, приводимыми в действие водяным колесом. (Медный колчедан, по словам горного инженера Чеклецова, поддавался плавке только после его измельчения и промывки). Возможно, местные жители были сильно удивлены таким сооружением и рассказывали другим, как вода «варганит», т.е. приводит в действие песты. От этого и могло произойти название пруда и реки.

Загадка с серебряным рудником объясняется довольно просто. Когда-то, на заре горного дела, на этом медном месторождении было обнаружено серебро и золото, и его стали разрабатывать. (Последующий анализ руд подтвердил наличие в них серебра и золота). Но содержание серебра и золота в руде оказалось незначительным, и добычу вскоре прекратили. Несмот-

ря на это, местные жители сохранили его в памяти, как серебряный рудник. Цари, прослышав о серебряном руднике, срочно направляли туда экспедиции, но узнав, что там медные руды и с небольшим содержанием серебра, оставляли его без внимания.

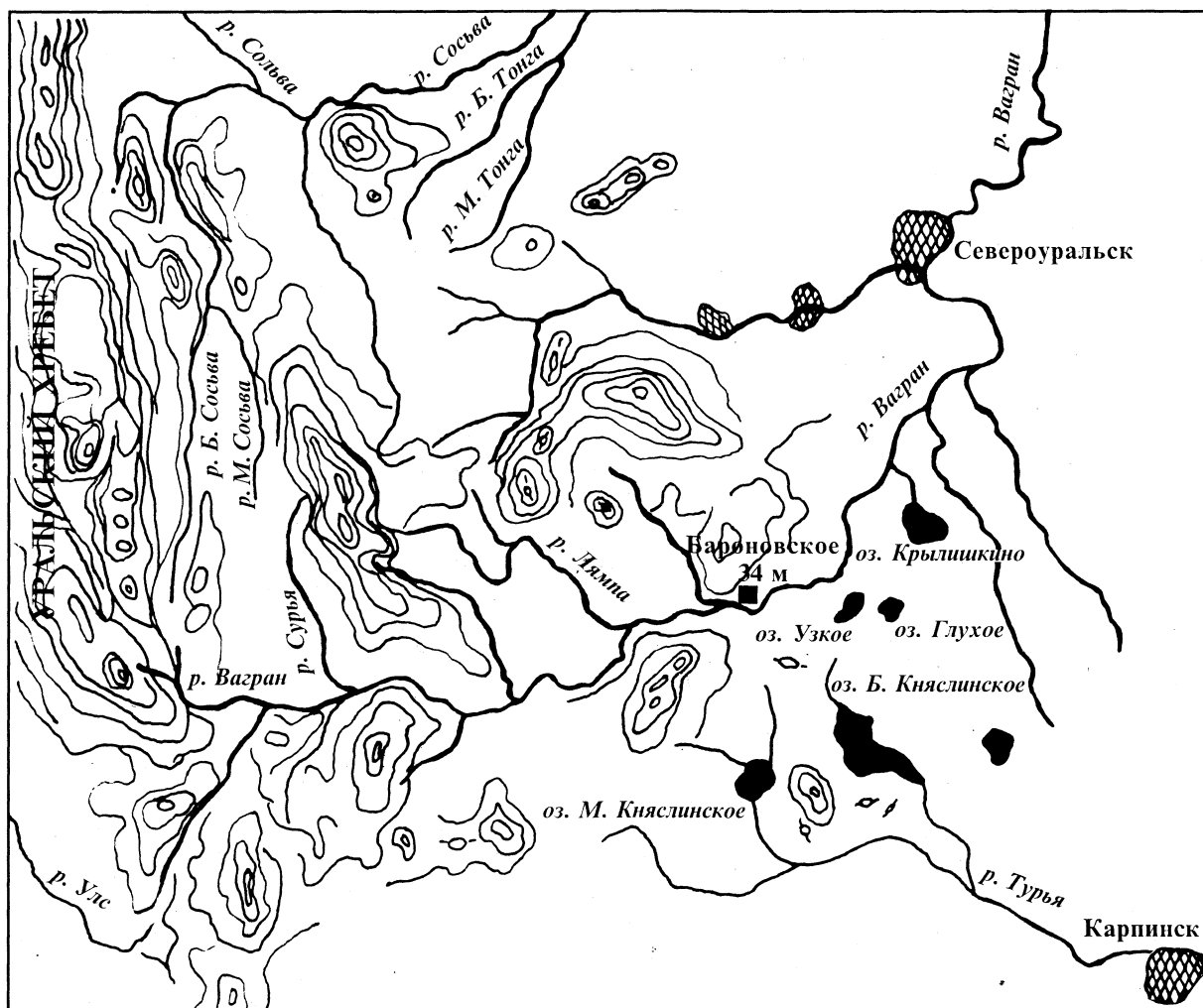
Все это доказывает древность рудника. Недаром уроженец этих мест и современник Походяшина — П. Слопцов ставит его первым в списке старинных рудников Урала и Сибири. Э. Гофман сообщает, что утес на Вагранской горе издавна называют серебряным, так как в этих местах добывали серебро. Паллас, даже при беглом осмотре месторождения, находит в медном колчедане этого рудника включения золота.

Поиском серебряного рудника в свое время увлекся и Н. Чупин, но Вагран-озера к этому времени уже не существовало. Знакомясь с местными картами, он обнаружил серебряный рудник у Крылышкиного озера и принимает его за Вагран-озеро. (Действительно, недалеко от Крылышкиного озера в 1797 году был найден свинцовый «блеск» с содержанием серебра). Для подтверждения своего решения, Н. Чупин ссылается

на карту по отводу земель под рудники и заводы Походяшину, на которой Крылышкино озеро названо Вагранским. (Тогда безымянные озера, которые имели сток в реку, называли именем реки). В последующем пруд был ликвидирован. Плотину на нем могли сломать Строгановы, которые в этих местах собирались строить Вагранский завод, или Походяшин, когда не стало хватать воды для Петропавловского завода, так как она уходила из Вагран-озера через Турьинское озеро (сейчас Б. Княспинское) в реку Турью.

Другими рудниками, заслуживающими внимания, являются Первый и Второй Сольвинские рудники. Они располагались также на Вишерской дороге в 30 км от рудника на Велсе, не доходя 25 км до реки Косьвы. От реки Печеры рудники находились за 250 км, то есть это совпадает с «привязкой» рудника на Цыльме. (Косьва впадает в р. Шегультан).

Основываясь на вышеописанных рудниках, можно сказать, что именно на Вишерской дороге и были открыты первые месторождения и возникли первые рудники на Урале и, возможно, в России.

Мария СТУПИНА, Екатеринбург

Старая любовная история

Хочу рассказать вам одну старую историю.

В большой и работающей семье четвертой после трех братьев и одной из трех сестер росла девушка, звали её Анфисой Демидовой. Братья, работники от Бога, были тульскими мастеровыми людьми. Дело их приносило барыши семье, отец и мать не нарадовались на сыновей. Дочери, особенно старшие, от братьев не отставали, их ручная вышивка хранится в Тульском краеведческом музее. Мастерницами слыли известными. Семья была крепкой и ладной, на счастье себе и на добрую славу людям.

Семейный капитал большим не бывает. Старшую сестру на семейном совете решили отдать в монастырь, вначале послушницей, а потом-монахиней. Прожила бы она свой век тихо, возле родительского дома, в пении псалмов и в работе, которую не переделает никогда — иголка в руках всегда найдет себе дело. Отцовская власть господствовала тогда в семье безраздельно, поддерживаемая властью старшей домохозяйки-домоправительницы, матери и, по доверию, иных домочадцев. По существу это ответственная поддержка своей властью домашних на их жизненном пути. Должность старшего в семье выполняет задачу правильно распределить обязанности и наблюдать за своевременным и рачительным их выполнением. Девушка не была против, она поперек семье не приучена была ходить.

Связь любой русской семьи и монастыря проследить в те времена не сложно. Монастырь, и служба в нем, схема — явление для той России обычное, избавление от ртов, которые семья прокормить не может, подготовка к смерти, утешение вдовства и девства. Службы церковные девушка стояла, как свеча, не шелохнувшись, голос ее на клиросе звучал низко и чисто, молодое лицо, освещенное трепетным огоньком церковной свечки, не было ни слишком красивым, ни слишком ярким — она просто была молода. Сама Анфиса рассуждала просто: братья на себя взваливают тяжелейший труд, семья приблизилась к государю-царю Петру Алексеевичу, в трудах братьям как не грешить, а кто их грехи отмолит, кроме сестры? Да и приданое выдлить ей большое не сможет семья, не с чего. Деньги

они прибывают от работ не просто, делить семейное нельзя. Она молода, вся её жизнь пройдет в монастыре. Монастырь и его игуменья, мать Марфа, даст отцу ссуду под строительство заводов на Урале, все это на пользу семье. Так поступить и надо. Это просто и разумно, а она, как и все Демидовы, любила простые и разумные решения. Так Анфиса начала свою службу послушницы.

Царь Петр I понял решение Демидова. Он сам был человеком с безусловным церковным, православным душевным фундаментом. Он знал на память страницами Евангелие и Апостолов, читал и пел на клиросе, склонялся перед прахом св. Макария Воронежского, который при жизни обличал царя за его беспутное западничество, обличал Меншикова и Брюса святыми мощами. Царь понимал церковность русской души. Его реформы не отменили Православия и еще не раскололи его, но отменили всеобщую связанность людей церковным сознанием. Решение Демидова было не типичным для того времени. Оно было целиком и полностью светским, а не церковным. Демидов приобщал накопленные монастырем богатства к промышленному, развивающему Россию, капиталу, обрекая дочь отрабатывать этот кредит пожизненным церковным заточением.

Демидов вбирал в себя все «годное» из окружающей действительности, рожденное её настоящим и прошлым, а «годное» определялось так же, как у Петра Алексеевича, — служением идеалу великой России, как государства мирового значения, страны во всю ширь развернувшей свои возможности, страны славной, вооруженной, богатой, могущественной. И если Петр воспринимал церковь как препятствие для тех или иных государственных начинаний, то Демидов — как ошутимое подспорье. Но увидеть и оценить, еще не значит освоить. Эта затея Демидова не приживется. Русские церковные деньги так и не пойдут на развитие страны.

Женский монастырь в Туле был средней руки. Женщины там жили келейно, у каждой был свой уголок, послушницы спали в общей большой спальне. Анфисе выделили келью с первого дня ее жизни в монастыре. Во-первых, её работа — вышивка золотом церковных покрывал и риз, вышивка мел-

ким и мельчайшим бисером икон, — требовала сильного освещения, во-вторых, уединения, в-третьих, она просто, видимо, любила одиночество, и, может быть, мать игуменя уважала её семью. Девушку не обижал никто. Службы она стояла не все, мать игуменя от многих служб её освобождала, но держала в строгости; сестры-монахини вначале частенько заглядывали к ней, чтобы проверить, а не грешит ли юная послушница бездельем, но не грешила она, шила у окна, склонив голову под черным платком.

Женский монастырь делал много полезного населению России. Деток, не рожденных от надсады материнской, не доношенных до срока, умерших без крещения, отмаливал, и мать не страдала из-за загубленной души младенца. Бедолаг, мучающихся с мужьями-драчунами, утешал. Детей без роду и племени принимал и наставлял крестьянской и женской работе. Старость свой век доживала в монастырских семьях без попреков молодых. Да и образование женщина в те времена могла получить только при монастыре или дома. Читать по святам умели все приютские дети. Многие умели считать и вести амбарные учетные книги.

Монахини считают, что девство, невинность, позволит будущей монахине пройти свой жизненный путь без особых телесных мучений. Это на самом деле так: девушек в монастыри принимали много проще женок и вдовиц. У сестер девицы пользовались большим почтением, чем прожившие в миру, в браке женщины. Молитва девицы врачевала многие семейные и душевные болезни простых людей, все они прибегали к этой святой и невинной молитве. Было убеждение, что молитвой девицы можно умилостивить Бога так, что он исполнит любое твоё желание. Анфису Демидову тоже ценили, как Божью молеельницу.

Постриг приближался, впереди были большие церковные праздники. Весь монастырский люд: монахини, послушницы — приемные, брошенные родителями, девочки из монастырского приюта, монастырские крестьяне, оброчно работающие на землях монастыря и живущие в принадлежащих ему домишках, поселяне, считающие монастырский храм своим, — все собирались на заутреню.

Вот эта-то заутреня и переменяла судьбу Анфисы Демидовой необратимо и навсегда.

Как Анемподист её высмотрел в монастырском хоре, как узнал, чья она дочь, как сумел ей сказать, что жить без неё не сможет? И что это было за чувство, проникшее через монастырские стены, о

кчем ей поведала не кто-нибудь, а сама мать-игуменя на следующей её исповеди? Именно мать-настоятельница монастыря рассказала ей о тридцатипятилетнем парне, когда-то подброшенном к монастырским воротам. Парень, мол, работающий, расторопный, умный, руки золотые, сирота и, видимо, зачат в пост, потому и имя ему дали при крещении в святцах редкое — Анемподист.

Родня Анфисы ответила ему на сватовство односторонним резким отказом.

Не затем выращена дочь, не затем даны ей такие умения и навыки, не затем озарил её Бог подвижничеством, чтобы все это растратить в обычной бытовой суете, у горшков и люлек.

А молодой человек пусть пришлет себе другую невесту.

Не стал Анемподист искать и просил у родителей её руки ещё два раза, всего трижды. Однажды — так прямо на церковной паперти, после службы, когда все расходились по домам. В такой просьбе — в просьбе, прилюдно высказанной семье три раза — христианам отказывать не принято, а он просил руки их старшей дочери и в храмах, при всех, и с помощью свах, дома. Отец сказал, как последний аргумент, что по решению семьи Анфисе приданного дадут так мало, что молодым не на что будет купить даже свой дом. Анемподист не отступался.

Брат Анфисы, Акинфий, в это время собирался уже на Урал надолго, он и высказал отцу такую мысль: если уж судьба сестры так повернулась, что за жениха перед ней ходатайствует даже мать-игуменя монастыря, то не забрать ли сестру с мужем в Невьянск, обживутся там. Анемподист — помощник в делах такой, что лучше и просить не надо. Да и свой человек всегда надежнее нанятого работника. А на Урале и малых денег хватит молодым, остальное наживут. Семейный капитал дробить не будут, всё в дело пустят.

На том и порешили. Анфиса вернулась из монастыря домой и месяца через три повенчалась с Анемподистом. Родители её благословили. Интересно, о чем думала эти дни девушка, у которой так резко переменялась жизнь? Любила ли она жениха, или, не привыкшая перечить семье, просто покорила мужскому семейному решению? Вообще, кто скажет мне, какими были те женщины, которые предвосхитили подвиг декабристок? Обживали с братьями и мужьями неведомые дали, неизвестные края, чтобы были их мужики-работники обстираны, сыты, приласканы и поддержаны в дальнем краю. Чтобы край повернулся к ним не как

чужбина для разграбления, а становился родным домом сразу, с первого дня. Интересно, какими они были, такие женщины из промышленной и купеческой среды той России? Откуда эта смелость в поступках? Может быть, именно от кротости, от того, что сильнее церковного и родительского, семейного благословения нет ничего на свете, и ничто надежнее этого человека не оборонит от бед и напастей?

Годовщину знакомства они отметили уже в Невьянске. Прожили в браке всего три года. Детей им Бог не дал. Анемподист разбился, сорвавшись со стены во время строительства завода. Он успел построить жене дом (когда только и успел, ведь на работе был днями и ночами?). Дом построен был, как и положено для любимой, на утренней тени ее, на берегу пруда, на приволье. Анфиса после смерти мужа полгода была ни жива, ни мертва. Лежала и смотрела в потолок и не к каждому поворачивала голову.

Прошло самое острое горе, и, поднявшись, она принимала у себя отца, наезжавшего в Невьянск, братьев и была для них для всех наверно тихим и радостным пристанищем. Замуж больше не выходила.

Научила местных девушек ручной вышивке, для храма в Невьянске сшила всё необходимое, и с её легкой руки гуляют по Уралу редкие даже для центральной России мелким бисером выложенные иконы. Женщины в России по-другому не имели права участвовать в иконотворчестве.

Бисер на Урале редок. И опять же с ее легкой руки, прижился искровой промысел среди рабочих женок. Картины и иконы, выложенные мельчайшими кристаллами цветных уральских камней на тонких каменных пластинах. Очень вредный для здоровья промысел.

Когда я думала об этой семье, о заводчиках Демидовых, я не понимала, как они держали связь между собой. Когда я узнала об Анфисе, то поняла, что это она и была автором писем Акинфия отцу. Почерк в письмах женский, мелкий. Информация,

которая передавалась в этих письмах, могла быть и зашифрованной своим, семейным шифром. Кто-то должен постоянно быть при деле, к кому-то должны были приходиться старатели и рудознатцы, кто-то должен был собирать сведения о месторождениях руд ежедневно, потому что рудознавец и старатель выходил из тайги не к приезду Демидова, а когда у него припасы кончатся. Кто-то должен был создать ощущение надежности своей ежедневной. Кто как не женщина? Кто как не сестра хозяина? Кто бы мог оценить находку и выплатить рудознатцу деньги за разведку рудного месторождения? И сведения эти должны были остаться в семье, потому что это и была главная ценность присутствия Анфисы на Урале.

А Анфиса жила долго и в конце жизни наложила на себя обет молчания. С посторонними не общалась. Предания говорят, что ходила в черном, вдовий наряд не снимая. Монашеский наряд так-таки нашел её.

В храме (он тогда еще деревянный был) у неё имелось своё место, огороженное, куда не заходили посторонние.

В селе Николо-Павловском были некие строения, которые назывались вдовьи дачи. Они не сохранились. В Николо-Павловском у Анфисы, похоже, была дача. Людный для тех времен Невьянск, видимо, утомлял её.

Не сохранились могилы Анфисы и Анемподиста на кладбище маленького сегодня, тихого Невьянска.

Об Анфисе и её муже ничего не напоминает, они никогда не были наверно, среди популярных, публичных, известных людей города или своей семьи. Всё забыто, как будто и не было.

Невьянск жив, хоть и городок маленький и тихий. Иногда мне кажется, что жив он именно потому, что в этом городе жили и любили друг друга два человека, жила женщина, молившаяся за покойного мужа и за дело семейное, российское, отнявшее у неё такую коротенькую любовь...

Исполнилось 75 лет со дня рождения российского писателя-уральца А.П. Ромашова (1926–1995), автора повестей «Старая пашина», «Первый снег», «Одолень-трава», романа «Осташа-скомо-рох» и, наконец, повестей «Диофантовы уравнения» и «Ярость».

Писателю недоставало жизни завершить все задуманное и начатое, ибо к художественному слову и мысли, им выраженной, Андрей Павлович относился бережно и трепетно, как к явленному дару.

Отмечая семидесятипятилетие замечательного прозаика, мы печатаем один из последних его рассказов и (в сокращении) воспоминания его жены Л.И. Басиной.

Андрей РОМАШОВ

СЕРЕБРЯНЫЙ ТУМАН

«О, братья, я знаю многое, но говорю только полезное». Это Будда... Отшельник из племени Шаниев, самонадеян и глуп. Что полезнее жизни, от которое он отказался, и что прекраснее травы и Солнца, которых он не увидел! Это говорю я, человек Земли, живущий среди белого ужаса. Стены мои враги. Белые, холодные, грубые, они похожи на санитаров. Мне не верят! Когда я кричу, что смысл жизни в самой жизни и красота нашей Земли в опасности, появляется белая женщина. Бережно, как святые дары, она несет тонкую стальную иглу... Это опыт, познание. Говорят, я не признавал теорий, не подтвержденных опытом. Да, опыт... Он убедил меня, что от крика раздвигаются стены, появляется белая женщина с тонкой стальной иглой. Исчезает из памяти прошлое, разорванное иглой на куски. Остаются белые стены. И страх! Страх не за себя, а за Солнце, за траву. Милые люди, не убивайте мой голос! Милые люди, прошу вас...

Не знаю, как я попал на космический корабль. Помню только, что ничего нового или особенного на корабле не было: те же шкафы и те же приборы, как в нашей лаборатории. Естественно, я не мог почувствовать и движения, пока не отстегнул ремни и не встал с кресла. Невесомость меня не пугала. Встать — еще не значит проснуться, а во сне я летал часто, без усилий, легко и свободно. Я обманывал себя, но приборы были неумолимо безжалостны. Они свидетельствовали: корабль движется с огромной скоростью, близкой к скорости света. «Скорость света» — веселая сказка Земли! Я смеялся и кричал, что я единственные и счастливые, что я проживу на корабле две жизни. Но здравый смысл был убедительнее математических расчетов — кто знает, думал я, может, и Земля от меня улетает с такой же скоростью...

Появилась белая женщина, и я сказал ей:

— Очень жаль, что Анри Пуанкаре отрицал абсолютное движение.

Она промолчала. Что ей Анри или лицедей Раймонд! Незнакомые имена, лишённые плоти и смысла. Ее мир был прост и устойчив. Знакомые люди дежурили или отдыхали. Иные плакали, потеряв себя. К таким она приходила с тонкой стальной иглой.

Белая женщина ушла, не закрыв дверь. Я надел халат, прошел по узкому коридору и увидел серебряную пустыню. Через открытые люки полз ко мне запах, сладковатый и манящий. Он напоминал запах убийцы. Но я всегда стремился к непознанному и загадочному и легко, без раздумий, покинул корабль. Пустынно и голо было вокруг, даже небо казалось чужим и грубым. Только серебряный туман над пустыней был понятным, своим. Мы получали его в лаборатории. Оседая, серебряный туман превращался в серый порошок.

— Порошки вы получите на ночь, — сказала белая женщина, и пустыня исчезла. Я лежал на колючей сухой траве. Рядом сидела Майя — тоненькая светлая девушка из моей юности. Она, конечно, не узнала меня. У нее было свое горе: ее жениха и возлюбленного старейшины прогнали в серебряную пустыню. Она помогла мне встать, и мы пошли от домов-казанок через грустный вишневый сад на собрание.

Под чахлыми березами сидели мужчины, женщины, дети. Было безветренно и душно. Лениво бродили тихие собаки с ласковыми глазами. Люди ждали. По серебряной пустыне шел к ним высокий старик. У берез он остановился и сказал, что на Острове Жизни случилась беда.

— Слушайте и запоминаете, — сказал старик. — Наши предки считали себя царями природы,

потом сделали царем свой разум и перестали слушаться сердца. И царь-разум сначала убил все живое, потом самого себя...

Старик обвинял жениха и возлюбленного Майи, грозил пустыне, проклинал отступников и самоубийц. Майя обнимала горбатые и шершавые корни берез и громко плакала. Я не слушал сердитого старика, но знал — о чем он говорит. Ведь я был женихом и возлюбленным Майи. Не сейчас, не здесь, на Острове Жизни, а дома, на большой реке. Вода на большой реке была чистой и голубой, а пароход розовым. Сияло раннее солнце, и Майя, светлая Майя вся была в капельках росы. Милые люди, скажите несколько раз «Майя» и вы поймете, как прекрасна она была — тоненькая нежная девушка на розовом пароходе.

— Будь благословенна жизнь и раннее утро с капельками росы на ладонях Майи!

Время никогда не начиналось и никогда не окончится. Но мое время — коррелят памяти, его можно разорвать тонкой стальной иглой... Середина июня, светлая Майя и цветы. Много цветов! Я хочу вспомнить лицо. Ее лицо! На верхней губе у нее маленькая царапина. Я поцеловал царапину-зернышко, и Майя исчезла. Я не искал ее... Проверенные и апробированные слова всегда приходили мне на помощь, и я твердил их, как молитву, — смысл жизни в познании, все человеческие ценности основываются на научном мышлении. Я работал, работал много и самозабвенно. Я старался понять — где и в чем сходство магнетизма и катализаторов? Ночами мне снился проклятый незаполненный электронами д-слой, а суетливые безбородые старики объясняли мне, что детерминистическое обоснование событий — пред-рассудок.

— Аденин не пахнет землей и травами! — кричу я и жду белую женщину, а приходит Майя и ведет меня к своему жениху. Мы идем по серебряной пустыне. Я не оглядываюсь, потому что знаю — за нами остается след из серого порошка. Но Майя не знает. Она радуется... В руках у нее узелок с огурцами, лепешками и луком. Молчать невыносимо тяжело, и я рассказываю ей, что мой мозг был красив и строг, как формула аденина. Майя меня не слушает, у нее свои заботы. Ее жених и возлюбленный изобретает телегу с парусом. Ветер поможет ему на такой телеге пересечь серебряную пустыню и найти другие Острова Жизни. Только успеет ли? Серебряный туман коварен. Я гляжу на хижину ее жениха и удивляюсь — как можно жить в такой конуре! А Майя расстилает платок и раскладывает на нем огурцы, лук, ячменные лепешки. Жених ее голоден, ест жадно.

Она сидит перед ним и ждет. Может быть, насытившись, великий изобретатель вспомнит о ней. Но он не вспомнит, я это знаю. Он расстроен, сердит на свою беспомощность — деревянные оси гнутся, много недель он держит их в соленом растворе, а они не твердеют.

— Посмотри, — говорит ему Майя, — даже руки мои, мои глаза и ресницы любят тебя! — Она плачет, а я кричу, что так не было! Белая женщина поправляет подушку и успокаивает меня. Я говорю ей, что мне тепло и не страшно, что я усну без тонкой стальной иглы. Я говорю ей, что сочиняю фантастический рассказ о неодолимой страсти к познанию, и, чтобы задобрить ее, рассказываю о бойких авторах, которые посылали землян сначала на пушечных ядрах, потом на космических кораблях к инопланетянам. Странные существа, обладающие совершенным мозгом, были или враждебны, или доброжелательны. У них не было рук, не было ног, тела, но был мозг, мозг-демиург. И этот демиург, божественный строитель, мог сделать все из ничего. Иногда космические путешественники попадали к страшным чудовищам. Кровожадные и равнодушные, похожие на корни старых деревьев, страшные чудовища особенно любили закусывать землянами с учеными степенями...

Белая женщина жалеет меня, считает большим и говорит, что сама она лечится травами. От простуды — ромашкой, от сердца — богородской травой. Она хвалит лекарственные травы, а я спорю с прошлым — ведь все было не так. Не так! Пароход тогда не дошел до пристани, пристал к берегу, матросы выбросили трап, я взял на руки Майю. Под качающимся трапом вода была чистой и голубой, а берег желтым. За желтой береговой полосой пели цветущие луга. Я не оговорился — луга действительно пели. Ведь у всего живого на Земле своя песня. Луговая речка поет скромно и ласково, а лесная речка с каменистыми перекатами — хвастливо и звонко. Возле нее мы не услышали, о чем шепчутся березы, а за березами нас встретил золотой и веселый бор, и облитые солнцем березы негромко смеялись. Майя шла впереди меня. Она знала дорогу.

— Я иду к счастью! — кричала она мне. — К счастью...

Я шел за ней... Иду и сейчас. Сколько прошло месяцев или лет, я не знаю. Но светлая, тоненькая девушка из моей юности со мной, и я думаю не о белом ужасе, а о ней, о ее ресницах, думаю и шепчу:

— Будь благословенна жизнь и капельки росы на ладонях Майи...

Любовь БАСИНА

Письмо из прошлого

К портрету писателя Андрея Ромашова

Андрей Ромашов и Любовь Басина

Как и когда Андрей Павлович осознал свое предназначение, вступил на писательское поприще? Предполагаю — давно, еще в молодости.

Мы же с ним встретились, когда нам было по 28 лет, в середине пятидесятых годов. Помню первое впечатление: худощавый, невысокого роста, бедно одетый... Поразили глаза — большие, карие, выражавшие, как бы одновременно удивление, иронию и... беспомощность. Большой мудрый ребенок... Таким был и остался для меня мой муж и друг.

Какой была жизнь Андрея до меня? По его же рассказам, трудной, беспокойной, непростой. Во многом перипетии ее были обусловлены характером — всегда ищущим, стремящимся всё познать и, в первую очередь, самого себя. Позади были: страшная война с немецкими фашистами, куда пошел добровольцем, потом учеба в Пермском государственном университете, поездки с археологами по Пермской области, по югу России, Украине, несколько лет жизни в Забайкалье, где работал в школах, неудачная попытка пойти в науку в одной из престижных ленинградских аспирантур... По возвращению в родные края, в поисках себя и заработка — работа в геологической партии, начинающим журналистом в газете «Лесник Прикамья» и даже... дворником.

Вот, пожалуй, все перипетии жизни Андрея в самые-самые молодые годы. Университет подарил ему жажду знаний, научил любить книгу. Стремление познать жизнь, все сущее в ней звало в дорогу.

И он ездил, больше ходил пешком, с рюкзаком за плечами, знакомился с разными людьми, старался, видимо, понять глубины человеческого «я», неразрывные связи всех и каждого с окружающим миром.

Да, молодой Ромашов черпал знания из книг (которых прочел множество) и из жизни. Писал ли он что-либо в те годы? В г. Березники, где мы провели начало нашей совместной жизни, он упомянул, что еще будучи студентом написал драму в стихах «Царевна Софья», ездил с ней в Москву, но .. безрезультатно. Кому нужен был неизвестный автор со своей пьесой о царевне, которую наша официальная историография считала поборницей старины, восхваляя деяния ее брата Петра I. А ведь молодой автор, никому неизвестный провинциал, высказал в драме крамольную по тем временам мысль: возможно, реформы царевны Софьи определили бы более эволюционные пути развития России, без лишних войн, кровавых казней. Кто знает, кто ведает?

А пока в Березниках, работая в тамошнем краеведческом музее, у большого знатока и эрудита Ивана Федоровича Коновалова, Андрей продолжал накапливать знания. Помогал и богатый документальный архив музея, и беседы с директором, летние поездки за новыми экспонатами, встречи с людьми. Бывал он на предприятиях города — с лекцией о первобытнообщинном строе. Казалось бы, не ко времени тема, но Андрей уже тогда мечтал написать повесть о трагедии художника, в частности первобытного, которого убивают люди, не поняв и не оценив его. Осуществить же эту мечту он сумел только в конце жизни. Последняя повесть «Ярость» вышла в свет после его кончины.

Вспоминая наши молодые годы, могу утверждать, что процесс накопления знаний был бесконечным. Андрей не мог не познавать, не мог не писать. Уже в первый год жизни в Березниках он закончил свою первую повесть «Раннее утро». Писал быстро, как-то радостно. Думаю, что бумаге он доверил все то, что было продумано и даже проговорено: и содержание, и образы героев, и стиль. Повесть была в известной степени автобиографична, он описывал свою ребячью жизнь, свое раннее детство, дедов, молоденькую мать, знакомых сельчан. Но было в этой повести нечто тре-

возное — ведь за ранним утром приходит день. Каким он будет? Тридцатые годы в деревне не предвещали хорошего...

«Раннее утро» Пермское книжное издательство выпустило в свет в 1957 году, а главный редактор Борис Никандрович Назаровский благословил Андрея на тернистом писательском поприще и стал для него мудрым старшим другом на всю жизнь.

Первая удача окрылила автора. Продолжались поиски тем, жанров и так называемого звука. Об этом последнем я напишу позже. Мы уже жили в Перми, у нас была первая квартира. Андрей, помню, тогда много и хорошо работал. Будучи редактором литературно-драматического вещания на телевидении, он с удовольствием осваивал новое дело (помню хорошие передачи о поэтах Дмитрие Кедрине и Василии Федорове), а вечерами писал свое. Одна за другой выходят в свет повести «Золотой исток», «Лесные всадники», «Земля для всех». Они были динамичны по сюжету, отличались хорошим литературным языком, а поэтому читались с интересом.

Однако автор остался недоволен этой своей работой. С точки зрения истории, этнографии всё было в порядке. Но не хватало звука. Именно тогда в лексиконе молодого еще Ромашова появилось это слово, оно означало многое в процессе творчества. Как я поняла, звук произведения — это свой особенный стиль, найденный писателем для той или иной книги, это волшебное сочетание слов, фраз, которые позволяли не описывать, а творить живую жизнь!

Думаю — о значении и поиске звука знали и знают другие писатели. Но Андрей Павлович сам открыл это понятие для себя и потом, в других последующих повестях искал и находил единственно неповторимый звук. На это уходили месяцы, иногда и годы. Может быть, поэтому писал он долго и успел оставить читателям не так уж много книг.

Помнится, Андрей Павлович не раз говорил о Лескове, которого любил и почитал, как самого русского писателя. Ему, мол, Лескову, было легче, чем мне. Он нашел свой лесковский стиль, свое лесковское звучание и талантливо пользовался ими почти во всех своих произведениях.

Долгие поиски звука у Андрея Павловича начались с повести «Лесные всадники». Был до мелочей продуман сюжет, образы героев, для песен певца Оскура написаны стихотворные тексты, в которых ощущалось дыхание прочитанных «Калевалы» и «Песни о Гайавате». Сколько раз он рассказывал о людях на конях, которые когда-то появились на Каме и освоили тамошные земли. Судьба лесных всадников сложилась по-разному. Одни из них ушли на Запад и стали венграми, другие — на восток, дав начало нашим манси. Фабула научно обоснована, а звук не найден. Поиск

продолжался неделя за неделей, месяц за месяцем. Наконец, наступил день, когда Андрей показал мне чистый лист бумаги, на котором была одна фраза «Прели в мшистых ямах травы и шишки» (пишу по памяти!). Она, эта фраза, и определила особенное словесное построение этой повести. А написал ее быстро.

С той поры и повелось. Сначала поиски звука, а потом рождение книги. Конечно, озвучивание повествования было бы невозможно без многолетней, кропотливой работы по изучению, осмыслению самых различных знаний — от кибернетики, основ астрономии, архитектуры, языкознания, истории и других наук, постоянных размышлений. Ведь писатель Ромашов создавал каждый раз еще одну неповторимую жизнь, он жил среди своих героев. Возможно, поэтому в реальной жизни он был немногословен, чаще молчалив.

У Андрея Павловича была прекрасная, в основном, рабочая библиотека. Собирал ее, как говорится, с дальним прицелом: знал, какие книги, журналы, сборники статей, справочники понадобятся через несколько, даже много лет. Творческих задумок у него было немало и каких-то необычных и интересных. Часто, сидя в окружении своих любимых книг, он мне рассказывал о древнегреческом философе и математике Пифагоре, об индийском принце Гаутаме, ставшем богом Буддой, древнеегипетском фараоне-реформаторе Эхнатоне, поборнике единобожия, его великой любви к еврейке Кийе... Да, Андрея Павловича привлекали особенные люди, которых называют светочами. Ведь именно они освещали путь человечеству!

Не ошибусь, если напишу, что блистательным творением многолетних трудов писателя стала повесть «Диофантовы уравнения». Позволю себе высказать сокровенное, которое не уходит от меня и по сей день. Очень сожалею, что эта очень умная, проникновенная книга читается немногими. Возможно, ее высокий художественный интеллектуальный уровень не всем доступен? Но верю, что нынешнее и последующее поколения оценят писателя-затворника Ромашова. Ведь повесть «Диофантовы уравнения» рассказывает об очень главном, что нужно знать человеку.

Кто-то из читателей назвал ее «могучей книгой».

Прошли годы, и немалые, прежде чем Андрей Павлович написал последнюю фразу, которая не забывается: «Разве мы люди, великая, мы — пыль на горячем ветру пустыни?!» Это произошло в Свердловске. Помнится, что тогда он сказал: ему, мол, не страшно будет умирать, так как успел сказать людям самое главное, что понял сам за долгие годы жизни, как говорится, суть всего сущего.

«Диофантовы уравнения» — повесть, рожденная титаническим трудом писателя. Он отдал сво-

ему детищу лучшие годы молодости, свое здоровье, свой талант. Сколько было прочитано книг — от сугубо научных до популярно-исследовательских, сборников стихотворений! Сколько лет без отдыха, ночей без сна, с сигаретами и крепким чаем!! Да, живя в Свердловске, Андрей Павлович как бы одновременно находился в древней Александрии, среди своих героев, жил их непростой жизнью, и до поры до времени никого туда не приглашал...

Говорят, что, мол, рукописи не горят. Но они могут молчать годами на горе своих авторов. А.П. Ромашовым, как сейчас говорят литературоведы, было создано выдающееся произведение. Публикация его в начале 80-х годов стала проблемой. Тем более в провинциальном Свердловске. Помог счастливый случай. В редакцию журнала «Урал» пришел новый главный редактор Валентин Петрович Лукьянин. Он был широко образованным человеком, пользующимся авторитетом как в научном мире, так и у вышестоящей власти. Он захотел и смог напечатать повесть в журнале. Это спасло рукопись и автора. Потом «Диофантовы уравнения» были опубликованы в сборнике повестей Ромашова. О ней заговорили ученые, журналисты и читатели.

Наступил «звездный час» Андрея Павловича. Появилась возможность издания повести за рубежом, что сулило известность и некоторые средства. Но Андрей Павлович не воспользовался своим «звездным часом». Видимо, не захотел, а может быть, не сумел... Сожалел об этом? Возможно. Ведь понимал, что «Диофантовы уравнения» прочтут немногие, и только на Урале. А могли бы — тысячи в России и за ее пределами.

«Диофантовы уравнения» — вершина творчества Ромашова. Он шел к ней всю свою писательскую жизнь, обретая мастерство, совершенствуя свой художественный метод. Ныне, вспоминая год за годом прошлое, могу сказать, что создание ромашовской прозы, которая учит и волнует, началось в рассказе «Огонь». Тогда, в 60-х годах, еще молодой, Андрей, может быть, не задумывался о создании символической художественной прозы, но в том небольшом произведении сделал первый шаг в этом направлении. За «Огонь» его похвалил известный прозаик Г. Троепольский, с которым Андрей познакомился на семинаре молодых литераторов в Москве. Троепольский взял рассказ с собой в Воронеж и опубликовал в журнале «Подъем».

Содержание рассказа «Огонь» не может не тронуть человеческое сердце. Деревенская женщина теряет на войнах своих любимых — сначала мужа, потом сына. Горе превращает ее в инвалида. Спасает от горестного одиночества маленький внук. Он растет, а старой женщине нет покоя, в душе

царит страх за судьбу мальчика. А вдруг опять война...

Такая концентрация бед потрясает читателя, заставляет его переживать о судьбе матери, задуматься о зле войны. Такова сила так называемой художественной правды. И она, эта правда, дарит произведению долгую жизнь! Рассуждая в последние годы своей жизни о лучших своих повестях, Андрей Павлович с удовлетворением сказал о том, что сумел прозу сделать символической, обладающей силой художественного воздействия.

Безусловно, самой значительной и совершенной среди уральских вещей является «Осташа-скоморох». Писал ее уже маститый литератор, много умеющий и много познавший. Писал несколько лет, а готовился долгие годы. Это был поистине титанический труд. Впечатления детства и отрочества, встречи с земляками в последующие годы, поездки, а потом житее летом на малой родине. Кладезь знаний, почерпнутых из книг по истории, фольклору, природе уральского края. Рождалось неторопливое повествование о жизни людей в заброшенной деревушке Косорыловка накануне первой империалистической войны.

Андрей Павлович часто читал то фрагменты, то целые главы «Осташа». Жизнь многочисленных героев переставала быть чужой. Я слушала байки и песни дяди Осташа, ездила с его однодеревенцами на сенокос, спускалась по высокому угору к «харьюзной» речке, приходила и на сельские праздники. Давно ушедшая жизнь становилась явью. Такова была сила воздействия этой замечательной прозы!

Высокохудожественная символика, которой достиг автор, дарила долгую жизнь обыкновенным людям! Помнится, Андрей Павлович не один раз шутил: «Если бы дядя Осташа прочитал мою повесть, наверняка засмеялся, а потом и сплясал». Да, дядя Осташа и его жена Параня были родственниками Андрея. Он встречался с ними, когда гостил у бабушки Акулины в деревне Старая Пашня. Конечно, в повести они стали другими, но все равно живыми.

Последние годы свои Андрей Павлович продолжал собирать материалы для второй книги об Осташе-скоморохе. Те же самые герои повести, та же самая деревня Косорыловка, то же село Ильинское, но уже после тяжелых времен революций, гражданской войны, коллективизации. Впрочем, должны были появиться новые персонажи — представители новой власти, например, председателем местного ЧК. Перемены в государственном устройстве, в жизни крестьян требовали глубокого осмысления. Для этого Андрей Павлович предполагал обратиться к мудрости древних. Устами новых героев книги, людей большой культуры, которые волею судеб оказались в селе Ильинском, должны

были быть рассказаны притчи о Будде, Пифагоре, Заратустре, для того, чтобы ответить на главные вопросы бытия.

Замыслу этому не суждено было осуществиться. Андрей Павлович успевает сдать в журнал «Урал» рукопись своей последней повести «Ярость». Она с первой до последней страницы пронизана печалью об уходящей жизни. Великое оледенение, воцарившееся на земле, принесло гибель всему живому. Умирает в одиночестве, брошенный сородичами и старый художник. Этот образ был особенно близок Андрею Павловичу. Он тоже был стар и болен, и также готовился к смерти. Журнал «Урал» с повестью «Ярость» вышел в свет, когда писателя уже не было среди живых.

RS. Творчество Андрея Павловича питали не только разносторонние знания, почерпнутые из книг, раздумья по поводу прочитанного, но и постоянное общение с всегда прекрасной природой Урала.

Лето почти каждый год мы проводили вместе. То на далекой Вишере и ее притоках, то в Чусовском, Добрянском и, конечно, Ильинском районах. Бродили с поклажей вдоль речек, по проселочным дорогам, ночевали у костров. Потом приобрели небольшую избушку в селе Богородском, неподалеку от Ильинского. Там прошло самое счастливое время нашей жизни. Среди сказочных полей, буквально, покрытых земляникой и клубникой, веселых светлых лесных просек, усыпанных грибами. Все это великолепии я вновь ощущала, перечитывая страницы про Осташу-скомороха.

Да, воистину прекрасные, богатые места выбрали для своей вотчины Строгановы и умели беречь лесное и речное диво! Как сейчас вижу маленькую деревеньку Воробьи, приткнувшуюся на высоком зеленом угоре. Внизу среди заросших ольхой и черемухой берегов бежала речка Большуха.

*Алексей Домнин, Виктор Астафьев
и Андрей Ромашев на охоте*

Переходя по мостку, Андрей увидел, как через каменный перекаат проскользнул большой серебристый хариус. Заманчивая добыча! Андрей Павлович был рыбаком особенным, ходил только за этой редкой рыбкой. Конечно, сразу же решил остановиться в деревеньке. Там нас с неохотой приютила пожилая староверка. Оказалось, что в Воробьях доживали свой век приверженцы старой веры. Эта и другие подобные встречи и породили на страницах повести «Осташа-скоморох» персонажи староверов.

Путешествуя по родным местам, Андрей Павлович всегда молодец душой, его посещало тихое спокойное счастье. «Андрей совсем другой человек на природе, какой-то светлый, открытый людям», — говаривал Виктор Петрович Астафьев. В те шестидесятые годы они были большими друзьями — Андрей Павлович, Астафьев и Алексей Домнин. Ходили на охоту (дичи почти не приносили), рыбалку. Дни и ночи, проведенные вместе, сближали их, как и занятия литературой.

К слову сказать, Астафьев и Домнин описанию природы посвящали страницы своих книг, а Андрей Павлович был скуп в описании природы. Питая душу художника, она буквально освещала страницы его уральских повестей. И являлась скупая, пронизанная отсветом красоты ромашовская проза!

С годами пути друзей разошлись. Они жили в разных городах, не встречались. Но Астафьев (мне передавали!) когда-то сказал, что «годы их дружбы были самыми счастливыми в его жизни». Думаю, что так же думал и Андрей Павлович.

Благодать природы нашего уральского края не только вносила радость в жизнь Ромашова, но и приносила огорчения. Он видел оскудение лесов, лугов и рек, гибель флоры и фауны и очень скорбел об этом. Андрей Павлович не публиковал в газетах гневных статей, не участвовал в дискуссиях, а написал печальный рассказ о жизни и гибели красавца-хариуса из-за нерадивости и равнодушия людей и назвал его «Последний хариус». Несмотря на несомненные художественные достоинства рассказа его трудно было напечатать. Гибель живой природы некоторым редакторам казалась мелкой темой на фоне растущих темпов добычи нефти... Рассказ «Последний хариус» все же был опубликован дважды: в многотиражной газете «Лесник Прикамья» и много лет спустя в журнале «Уральский следопыт».

В последние годы своей жизни лето Андрей Павлович проводил в деревне Нижняя Баская Шалинского района. Там все напоминало милые сердцу ильинские края. И, кто знает, может быть, эти короткие летние месяцы и помогли писателю, несмотря на нездоровье, написать свое последнее — «Осташа-скоморох» и «Ярость».

Владимир ГАЛАНОВ, Смоленск

Смоленская находка

В нумизматической коллекции Смоленского государственного музея-заповедника есть небольшая подборка суррогатов денежных знаков. До настоящего времени они не были атрибутированы и опубликованы.

Речь идёт о так называемых угольных печатках. В музее их четыре экземпляра. Ранее они учитывались под «псевдонимом» — «знак денежный, в форме квадрата, Россия (?)». В «Кратком каталоге предметов-древностей Смоленского городского историко-археологического музея» (Смоленск, 1908 год), который был составлен хранителем В.И. Грачевым, они числятся под № 1506 и относятся к большой нумизматической коллекции, пожертвованной музеем в 1904 году генерал-майором А.П. Клачковым.

Текст каталога гласит «четыре уральские горно-заводских знака четырёхугольной формы» (орфография подлинника). Как известно, основным назначением этих монетовидных знаков был учет сырья (древесный уголь, руда, известь), сдаваемого на различные металлургические заводы Урала и Сибири. Добыванием и доставкой его занимались приписанные к заводам (позднее — вольнонаемные) крестьяне.

Благодаря труду И.Г. Спаского и О.С. Тальской «Угольные печатки собрания Государственного Эрмитажа», а также изданному в 2000 году в Екатеринбурге каталогу угольных печаток Э.А. Григорьева и В.В. Машкова, смоленские раритеты

были атрибутированы. Все печатки относятся к раннему типу. Три датируются 1749 годом, а одна — второй половиной XIX века. Печатки принадлежат разным металлургическим заводам Урала. Две из них — угольные, а две — рудные. В екатеринбургском каталоге три печатки помечены высшей степенью редкости — R4.

Остановимся на особенностях наших экземпляров, с отсылкой к каталожному номеру.

Полевской завод, рудная (каталожный № 289). Отличие — в дополнительных знаках на оборотной стороне. Утолщенная к центру линия делится пополам короткой чертой. Один конец линии заканчивается точкой, другой — насечкой (рис. 1).

Императрицы Анны. (Сысертинский завод, рудная, каталожный № 318). Замечательна тем, что не имеет надчеканок, т. е. вторично не использовалась. Это повышает ее редкость (рис. 2).

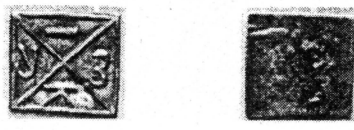
Юговский завод, угольная (каталожный № 344). Весьма примечательна тем, что имеет две надчеканки с годом, а еще точку в центре оборотной стороны. Там же надчеканен год 1803, а на ли-

цевой стороне — предположительно цифра 808 (вероятно, 1808 год). В результате надчеканок печатка деформировалась. Разновидность печатки данного типа, с надчеканками и точкой, в каталоге не оговорена. Это позволяет присвоить и этому экземпляру высшую степень редкости (рис. 3).

Уткинский завод, угольная (каталожный № 326). Отличается от трех предыдущих простотой оформления лицевой стороны и несоблюдением квадратности формы (22x20). Причина в том, что эта печатка была изготовлена на месте, в то время как три предыдущие чеканились в единой серии на Екатеринбургском монетном дворе.

Несоответствие формы этой печатки стандартному квадрату отличает ее от экземпляра, указанного в каталоге (рис. 4).

Выявленные в Смоленском музее угольные печатки позволяют пополнить информационную базу одного из интереснейших разделов отечественной нумизматики. А экземпляры, не включенные в известные каталоги, требуют дальнейшего изучения.

МЫ САМИ ОПРЕДЕЛЯЕМ НАШЕ СЕГОДНЯ И НАШЕ ЗАВТРА

Лето — это хорошая возможность для молодых людей сделать что-то большее по сравнению с тем, что они делают в своей обычной повседневной жизни. Это возможность выйти за рамки своих личных дел и забот, и совершить что-то доброе, полезное для других, даже незнакомых тебе людей. Главное — чтобы нашлись те, кто смог бы это хорошо организовать и привлечь к этому молодежь. Тогда возникает вопрос: «Существуют ли у нас в России такие люди, и каким должно быть это мероприятие?».

Могу с уверенностью сказать, что этим летом я побывала как раз на таком мероприятии — 10-м благотворительном проекте молодежного служения «Сотвори добро сам», который проходил на базе Детской клинической больницы станции «Свердловск-Пассажирский» с 26 июня по 26 июля в Екатеринбурге. Организаторами данного мероприятия выступили Екатеринбургский филиал Российского отделения Международного фонда помощи и дружбы и администрация самой больницы.

Подобные проекты проходят на Урале каждый год, все больше и больше привлекая внимание общественности, СМИ и самой молодежи. На этот раз в проекте приняло участие 46 студентов и школьников, приехавших в Екатеринбург из городов Урала и Сибири. Многие из них уже ведут общественную работу, просветительскую деятельность в своих городах — это представители волонтерских групп из Удмуртии, «Молодежной инициативной группы» Омска и Уфы, а также участники «Общественного молодежного объединения за нравственность» из Пермской области.

Проект включал в себя разного рода деятельность. За месяц планировалось осуществить уборку и благоустройство сада больницы, а также произвести ремонт коридора и гардероба. Чтобы успешно выполнить задуманное, подготовка к проекту началась за месяц до его открытия. Его организаторы обратились за помощью к предприятиям, фирмам и учреждениям города. Около 40 организаций сделали пожертвования строительными материалами, инструментами, продуктами питания, канцелярскими принадлежностями, а также для участников были изготовлены памятные сувениры с симво-

ликой проекта. Администрация больницы помогла организовать проживание и питание участников. Проект проходил в два этапа по две недели. Каждая смена была особенна по-своему.

По словам ребят, многие из них до конца не представляли, что их ждет в Екатеринбурге. Знали только, что до обеда работа, а после — культурная программа. Казалось бы, все просто — обычный трудовой лагерь. Но те, кто сначала так думали, вскоре поняли, как сильно заблуждались. Идея проведения данного проекта заключалась в том, чтобы программа составлялась не только организаторами, но и включала инициативу самих ребят. От творческого вклада и инициативы каждого участника зависело, насколько это мероприятие станет ярким, запоминающимся, и оставит след в истории больницы и самого города. Ведь главное в этом проекте была даже не сама работа, а то, чему ребята смогли здесь научиться и насколько сумели раскрыть лучшие качества своего характера. От того, каким традициям во взаимоотношениях с людьми они научатся за это время через совместную работу и отдых, будет зависеть, какие принципы лягут в основу их отношений с родителями и незнакомыми людьми в будущем.

В начале было трудно даже представить, к какому результату мы придем в конце проекта. В течение 10 лет в больнице не проводился ремонт, а сад превратился в джунгли! Первые две недели основной работой была очистка территории от травы, мусора, веток и поросли. Но вот

наступил долгожданный момент, когда мы начали благоустраивать наш сад: делать дорожки, песочницы, скамейки, клумбы, а также раскрашивать детские конструкции и горки. Глядя на эту красоту, сделанную своими руками, каждый испытывал радость и настоящую гордость.

Как я уже говорила, на проекте мы не только работали. Свободное время мы тоже старались организовать так, чтобы оно не прошло даром и оставило не меньший след в памяти и в жизни тех, кто приехал в наш город. Мы ездили на экскурсию по городу, ходили в музеи, в зоопарк, кино. Кроме того, нам удалось познакомиться с молодежным объединением «МИГ», побывать на их программе. В выходной день мы смогли почувствовать себя в роли моряков и походить на яхтах вместе с детским отрядом «Каравелла».

Ребята быстро подружились друг с другом и стали единой командой. Несмотря на все разнообразие культурной программы, одним из самых трогательных событий для нас стало выступление перед детьми, которые лечатся в этой больнице.

Вечерами после ужина мы устраивали друг для друга интересные конкурсы, где каждый смог проявить свои творческие таланты, смекалку и сообразительность. А также мы проводили дискуссии и занятия на тему значения благотворительности и общественной деятельности, говорили о проблемах молодежи, о здоровом образе жизни. Я думаю, что через такие совместные мероприятия мы узнали друг друга и стали настоящими друзьями. Ведь ничто так не объединяет людей, как общее дело и единая цель. Мы стали как одна большая семья, где не было места притворству и лжи. Конечно, в каждом деле человек сталкивается с какими-то ограничениями, но главное — довести дело до конца и достичь результата.

Собравшись все вместе, организовав и осуществив этот проект, мы доказали себе и всем, что мы можем решить проблемы. Надо лишь поверить, объединить усилия и в чем-то преодолеть себя. Именно так человек может расти, обретая уверенность в себе. А его добрые дела становятся для многих примером, источником вдохновения, импульсом к действию.

Владимир ТРУСОВ, Первоуральск

СЛОБОДА НА ЧУСОВОЙ

Старинному поселению исполнилось 350 лет

Сведения об истории деревни Слобода находим в «Пермской летописи» Василия Шишонко.

«В сем 1651 году стали распространять Уткинскую слободу на месте, где р. Чусовая в течении своем дает кривизну на пять верст и затем эти кривизны между собой сходятся на весьма близкое расстояние, не превышающее 50-ти сажень в ширину. Здесь же, в 1,5 версты от слободы впадает в р. Чусовую и р. Утка.

Едва началось строение Чусовской слободы, как несколько татар из верховьев р. Сылвы, полагая, что от этого последует им стеснение, собравшись скопом человек в 50, куда вошли Черемисы Казанского уезда, сделали нападение на слободу, жителей ея разогнали и имения их разграбили. Для усмирения их из Верхотурья была послана вооруженная команда».

Большой прирост населения Уткинской слободы произошел при строительстве казенной пристани на реке Чусовой. Первый караван из 40 дощаников ушел с этой пристани 27 апреля 1703 года. В Москву он прибыл 18 июля и доставил 350 пушек и mortar Каменского завода.

Местные жители были заняты на работах по строительству коломенок, подвозу зимой с заводов на пристани железа, чугуна и меди, а также на весеннем сплаве барок. Но кроме казенной пристани была в Слободе еще и частная — Турчаниновская. Описание этой пристани Сысертских заводов есть в книге В.М. Лохтина «Сплав по реке Чусовой горнозаводских караванов».

«Самой неудобной из числа имеющих гавани

пристаней должна быть признана Турчаниновская Сысертских заводов. Караван, принадлежащий этим заводам, обыкновенно заключает в себе более 50 судов, выше и ниже пристани мелко, и удобное для грузки место имеет столь малое протяжение, что приходится ставить барки в несколько рядов, причем они загромождают всю реку и задерживают караван. Здесь играет весьма важную роль и совпадение отвала сысертского каравана со временем прохода мимо пристани верхних караванов.

Казалось бы, весьма легко устранить препятствие, представляемое Сысертской пристанью, а между тем на практике выходит не то; достигнуть соглашения между грузоотправителями бывает гораздо труднее, чем преодолеть затруднения, представляемые рекой. Соглашение не достигается, и барки бьются и мелеют по-прежнему».

Жемчужина здешних мест — это Слободские скалы на берегу Чусовой, на которых расположена церковь. О ней узнаем из книги «Приходы и церкви Екатеринбургской епархии» (Екатеринбург, 1902).

Первая — деревянная — церковь в Уткинской слободе во имя св. великомученика Георгия Победоносца, была построена в 1690 году. Она в 1801 году сгорела «до основания». Прихожане опять хотели строить деревянную, но на прошении об этом Пермский преосвященный Иустин положил резолюцию: «Деревянной церкви по имянному указу строить не позволяется. А о строении каменной, хотя не высокой и не пространной, должно просить особливо». Вследствие такой резолюции и своей

Деревня Слобода

Река Чусовая и Слободские скалы

крайней бедности, прихожане приступили к постройке каменной церкви только в мае 1805 года, когда были заготовлены в достаточном количестве нужные материалы. Освящение новой церкви состоялось только в 1831 году — по благословению Пермского и Екатеринбургского преосвященного Мелетия.

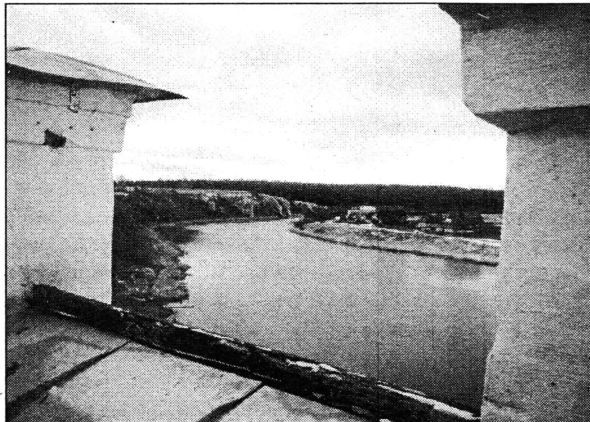
Храм во имя святого великомученика Георгия Победоносца в Слободе — единственный в Первоуральском районе, который не закрывался и не разрушался при Советской власти.

После постройки на Урале железных дорог металлургические предприятия стали отправлять продукцию в вагонах по рельсовой колее. Чусовской сплав барок прекратился.

Местное население стало добывать средства к жизни главным образом от выжега угля на заводы и приисковых работ по добыче золота и железной руды. Летом из Уткинской слободы многие уходили в Красноуфимский уезд и в Уфимскую губернию на жатвенную страву.

В 1931 году здешние крестьяне объединились в колхоз имени газеты «Правда», а в 1958-м сельхозугодья перешли совхозу «Уткинский». Затем с отъездом молодежи в города сельское хозяйство пришло в упадок.

Еще в конце 1920-х годов в Уткинскую слободу стали приглашать туристов. Во-первых, там жили мастера, изготовлявшие очень удобные для плавания по Чусовой мелкосидящие плоскодонные лодки, а, во-вторых, от этих мест начинались самые живописные и интересные в геологическом отношении места. Лодки для путешествия рекомендовалось заказывать заблаговременно. Плавсредство, рассчитанное на четырех человек, обходилось в 20 рублей. После окончания похода лодки можно было продать рублей за 10-15 в Чусовском заводе, Чусовских Городках или в Перми. В 30-х годах в Слободе на скалах Собачьи Ребра была

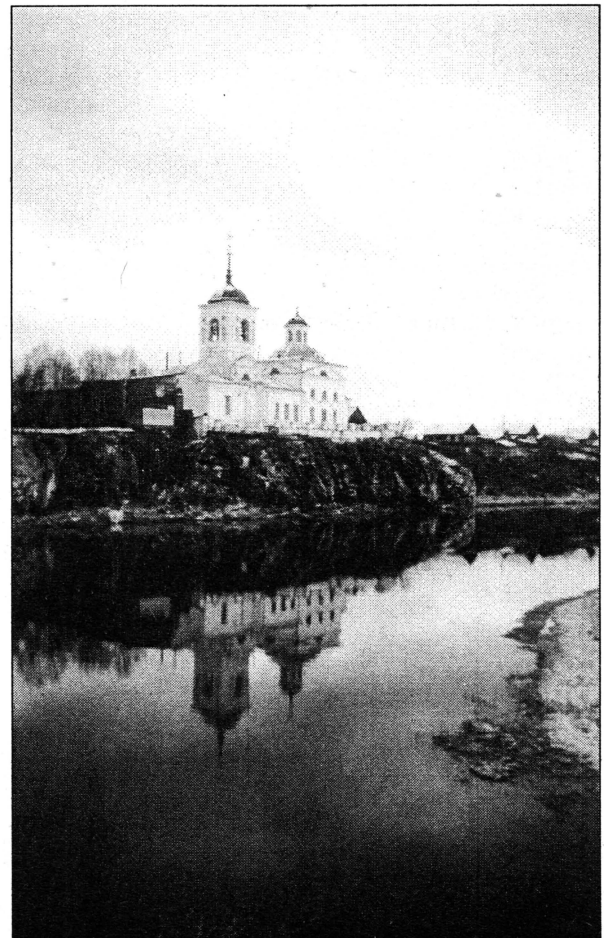
Вид на Чусовую из ограды церкви св. Георгия Победоносца

построена туристическая база. Пик популярности водного маршрута по Чусовой приходится на 1970-1985 годы. В летние месяцы, когда работал Всесоюзный маршрут № 58, в день с турбазы отправлялось по 1-2 группы в количестве 25-30 человек в каждой. Сейчас турбаза «Чусовая» работает, но былого нашествия туристов уже нет.

В 1965 году рядом с турбазой построена Коуровская обсерватория. Место под строительство было выбрано не случайно. Еще в 1961 году уральские астрономы на этом самом месте наблюдали полное солнечное затмение. После распада Советского Союза на российской территории осталось всего пять обсерваторий.

Сейчас в Слободе живут в основном бабушки-старушки. Многие дома проданы под дачи жителям Екатеринбурга и Первоуральска. Немногочисленное старшее поколение работает на турбазе, обсерватории и железнодорожной станции Коуровка.

Фото автора.

Церковь св. Георгия Победоносца в Слободе

Ольга КОЛОТОВА, Екатеринбург

Флот Византии

История византийского флота — это путь от славы и могущества к упадку и гибели. Наследница Римской империи, усвоившая ее стремления к господству над миром, Византия долгое время обладала и властью над морем — талассократией, а ее военно-морской флот представлял собой самую грозную силу в Черном и Средиземном морях.

Основным военным кораблем византийцев был дромон, впервые появившийся примерно в V-VI веках н. э. Прообразом его послужила римская бирема — гребное судно с двумя рядами весел. У дромона также было два ряда гребцов, размещенных один над другим. В каждом ряду насчитывалось не менее 25 банок — скамей для гребцов. Каждым веслом управлял один человек. Следовательно, на дромоне была как минимум сотня гребцов. Кроме них, экипаж корабля включал капитана, двух его помощников, рулевых, матросов и воинов. Во время сражения солдаты обстреливали противника из луков со специальных башен, размещенных на носу и корме судна. Таким образом, общее число членов команды могло доходить до трехсот, в зависимости от размера дромона. Хотя основной движущей силой дромона были гребцы, корабль мог идти и под парусами: на дромоне имелись две мачты с латинскими — косыми — парусами.

Дромон был вооружен тараном и катапультами. Таран располагался точно по ватерлинии и, кроме нанесения удара по корпусу вражеского суд-

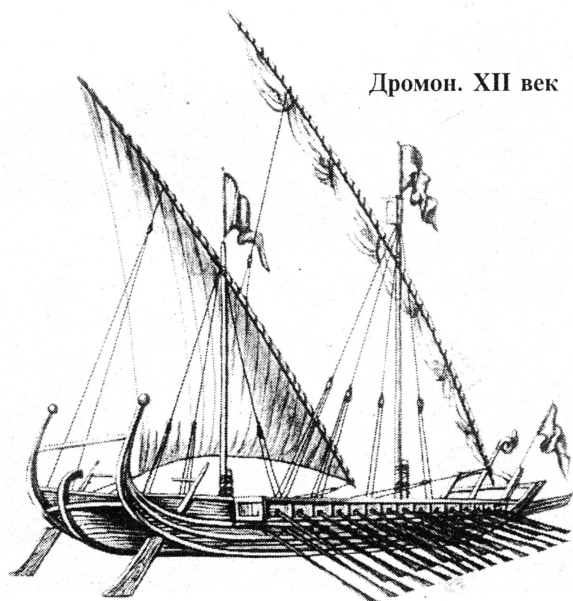
на, мог служить абордажным мостиком. Катапульти, скорее всего, были небольшими, но имеются сведения, что самые мощные из них метали груз в 500 кг на расстояние до 1000 м. Кроме того, дромоны были оснащены, пожалуй, самым устрашающим оружием средневековья — «греческим огнем». Эта адская смесь состояла из селитры, толченой серы, смолы, нефти и растительного (оливкового) масла. Впрочем, точный рецепт его приготовления не известен, потому что, во-первых, со времен своего возникновения в VII веке его состав не оставался неизменным, а во-вторых, потому что византийцы оберегали секрет его составления как страшнейшую государственную тайну. По словам летописцев, «греческий огонь» испепелял камни и железо, горел на воде и уничтожал все живое. Погасить его было возможно только вином, уксусом или песком.

Этой смесью начинялись глиняные шарики, которые метали из специальных медных труб. Трубы встраивались в пасти драконов, львов и прочих чудовищ, украшавших носы греческих кораблей. Такие огнеметы назывались сифонофорами. Глиняные шарики лопались при ударе о твердую поверхность или, при неудачном выстреле, в воздухе. Между прочим, именно «греческим огнем» византийцы уничтожили в 941 году огромный русский флот, прибывший к стенам Константинополя под предводительством князя Игоря. По преданию, в походе участвовало около 10 тысяч ладей, большая часть которых была сожжена.

Перед боем дромоны выстраивались в линию, соблюдая, однако, дистанцию, чтобы не поломать весел. При большом количестве кораблей на расстоянии полета стрелы устанавливалась вторая линия, за ней — третья.

Размеры дромона колебались от 30 до 50 м в длину и от 6 до 7 м в ширину. Малый, легкий дромон назывался панфилом («всеми любимым»). Его длина достигала 20 м. Имелись и другие типы кораблей: галера («меч-рыба»), хеландий, элурра — но о них известно гораздо меньше.

Византийский флот не знал поражений до тех пор, пока в VII веке в Средиземноморье не появились арабы, затем, в XI веке норманны, и наконец громко не заявили о себе итальянские морские республики. Морская мощь Византии начала слабеть. Итальянские купцы из Генуи, Венеции, Пизы постепенно прибирали к рукам византийскую торговлю. Наконец, в 1204 году империи был нанесен жесточайший удар, от которого она в полной мере уже никогда не смогла оправиться: крестоносцы овладели Константинополем. На месте Византии

возникла слабая и недолговечная Латинская империя (1204-1261), совершенно неспособная наладить действенный контроль над морскими путями. Не удивительно, что в это время Восточное Средиземноморье превратилось в рассадник пиратства. Морские бродяги всех сортов всегда чувствуют, где им не способны дать отпор, но есть чем поживиться.

Самую эффективную из неоднократных попыток возродить греческий флот предпринял Михаил VIII Палеолог (1259-1282), восстановитель Византийской империи, в 1261 году возвративший под свою власть Константинополь. Византийцы остроумно решили проблему набора кадров, вербуя во флот многочисленных эгейских пиратов. Однако независимые морские разбойники стали жестоко преследоваться. Как хвастливо заявлял в своей автобиографии сам император, «мы прогнали хозяйничавший в море пиратский флот, напавши в Эгейском море на триеры, которые они (пираты) за несколько лет перед тем здесь завели, и тем, с одной стороны, мы освободили от тирании острова, находившиеся под их тиранией, с другой, — плавающим по морю обеспечили безопасность».

Даже если Михаил VIII несколько преувеличивал свои заслуги, все равно византийский флот на короткое время стал достаточно сильным: в 1275 году он насчитывал не менее 80 кораблей.

В последний раз Византия обладала действительной властью над морем. В последний раз Эгейское море было подлинно византийским. В последний раз, потому что успех все же оказался непрочным и недолговечным. Византийская эра неумолимо клонилась к упадку. Уже в 1285 году сын Михаила VIII Андроник II повелел распустить флот, потому что его содержание требовало больших средств, а казна была пуста. Придворные льстецы подали совет, который пришелся по душе императору: отказаться от расходов на корабли.

Однако скупой платит дважды, и императору пришлось жестоко поплатиться за свою скарденность. Оставшиеся не у дел византийские моряки разбрелись кто куда: одни занялись ремеслом и земледелием, другие нанялись к латинянам, а третьи вновь вернулись к своему первоначальному занятию — морскому разбою. В то время как брошенные византийские корабли гнили в гаванях, всевозможные пираты безнаказанно опустошали острова и побережье империи. Морскую торговлю почти полностью монополизировали венецианцы и генуэзцы.

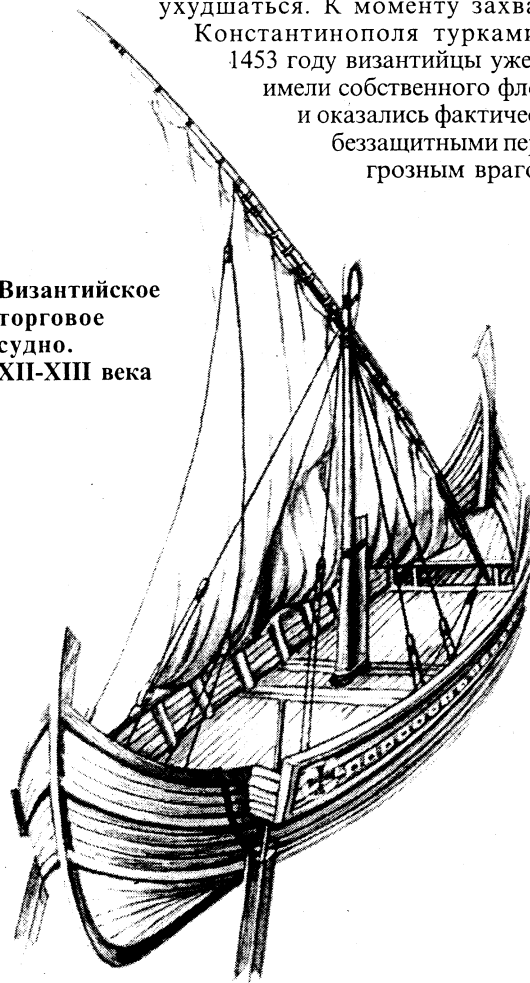
Еще одно усилие построить военно-морской флот предпринял император Иоанн VI Кантакузин (1341-1354), но оно закончилось довольно плачевно. Сперва корабли, еще находившиеся на верфи, сожгли генуэзцы, против которых, главным образом, и планировалось это вооружение. Когда же наконец, а именно в 1348 году, имперский флот был построен и готов выйти в море, а население Константинополя собралось на городских стенах, что-

бы своими глазами увидеть победу этого нового флота, неожиданно поднялся сильный ветер. Один из кораблей, самый большой и неустойчивый, опрокинулся, а остальные суда были в панике брошены их экипажами...

Имеется, однако, любопытное свидетельство русского путешественника Стефана Новгородца, примерно в это время посетившего Константинополь. «Если от Ипподрома пойти мимо Кандоскамии, — пишет он, — то есть ворота городские, железные, решетчатые, очень большие. Этими воротами море введено внутрь города. Когда бывает нападение войск с моря, то тут держат парусных кораблей и гребных катарг (т.е. галер) до трехсот. На катарге имеется двести весел, а на иных и триста, на этих судах рать всегда по морю ходит. Какой бы ни был ветер, они на веслах идут. А корабли, парусные суда, стоят, погоды ждут». Правда, здесь нужно принять во внимание особенности средневекового мировоззрения. Если гавань могла вместить триста кораблей, это совсем не значит, что они там были...

Положение Византии продолжало ухудшаться. К моменту захвата Константинополя турками в 1453 году византийцы уже не имели собственного флота и оказались фактически беззащитными перед грозным врагом.

Византийское торговое судно. XII-XIII века

Николай БЕРЕЗОВСКИЙ, Омск

Мухомор

Мухомор, всем известно, гриб не только поганый, но и всех поганок, вместе взятых, поганее — своей ядовитостью. А мой двоюродный дед Володька на мухомор, как на Бога, молится. Считает его спасителем. И уплетает в жареном виде за обе щеки. Вот уже десятилетие подряд. А самому минувшим апрелем восемьдесят пять стукнуло. Но он как звался Володькой с молодости, так Володькой до преклонных лет и остался. Поскольку всю жизнь непутёвым был в глазах людей. Жил одним днём, профессии не обрёл, сколько раз женился-разводился — и сам не помнит. И детей никогда у него не было, а если и были где-то, он про то не знал и знать не хотел.

Десять лет назад Володька не имел, как говорится, ни кола, ни двора, скитался, всегда пьяненький, по родственникам да общежитиям, если в примаки к какой-нибудь бабенке не пристраивался на время, — и вдруг разбогател. И счёт у него в сберегательном банке появился, и прекрасную однокомнатную квартиру государство ему выделило в новостроящемся районе Омска на левом берегу Иртыша. Нет, не наследство на него заокеанское свалилось — в нашей фамилии родни за морями-океанами не наблюдалось. Дед Володька, оказалось, в

юности троцкистом был, а потом четверть века платил за этот политический грех в сталинских лагерях на Колыме. И кто-то надоумил его подать бумаги на реабилитацию. Володька и подал. Вот его, как незаконно репрессированного, и отблагодарило на старости лет государство.

Заживший по-человечески, дед Володька сразу стал завидным женихом. Тем более завидным, что привалившее к нему богатство плохо отразилось на его прежде крепком здоровье. Он стал сохнуть, плываться кровью, и врачи определили диагноз: открытая форма туберкулёза, последняя стадия. Даже в больницу забирать отказались. А разбитная сорокалетняя дедова соседка Клава, с которой у Володьки после новоселья были шуры-муры на почве совместных выпивок, наладилась за ним ухаживать И вскоре, чуть ли не на руках деда в ЗАГС отнеся, с ним и расписалась. Мол, любит она Володьку без памяти, хочет скрасить оставшиеся ему дни, но каждому было ясно, какую она истинно выгоду преследует. Родня, конечно, бросилась Володьку уговаривать срочно развестись, да он никого не послушал. И зажил с Клавой на законных основаниях, поплёвывая в углы кровью, а боль в груди заглушая водкой.

И год живёт, и другой, не умирая. Да ещё молодую жену уму-разуму поучивает, поколачивая. Ревнив Володька перед смертью сделался и, думается, не без оснований. Клава, понятно, не рада уже своим корыстным намерениям, но и бросить Володьку жалко: и квартиры лишится, и кой-каких деньжонков на его сберегательном счету, а ведь столько уже оттерпела! И решила она поспособствовать Володьке в скорейшем его уходе на тот свет.

Тогда Левобережье нашего города было почти в девственных берёзовых колках, не только грибы, но и лесную землянику местные жители у своих многоэтажек собирали. А мухоморы так прямо сами норовили под ноги залезть. Сейчас, правда, одни мухоморы и остались... Вот Клава однажды и нажарила их вместо съедобных Володьке на закуску. К вечеру всё спроворила — перед уходом на ночную смену. Бутылку водки к сковороде приставила — и на работу уехала: тогда ещё завод СК (синтетического каучука) вовсю дымил. Утром, думает, вернётся, а Володька холодный. Вскрывать его, поскольку старый и с таким диагнозом, не станут, рассудила, и всё будет шито-крыто. Утром же, вернувшись, смотрит — сковорода пуста, как и бу-

тылка, конечно, а Володька её жив-здоров. Ещё грибков пожарить просит.

Слово мужа — закон. Клава в колки кинулась, мухоморов набрала помухомористее, смекнув, что прежние, должно, яд свой по каким-то причинам растеряли. И опять жарёхой Володьку потчует, в стопку ему, не жадничая, подливает, а свою корочкой хлеба занюхивает: мол, не голодная. А дед мой пьёт, ест и похваливает.

Всё лето, короче, Клава мужа мухоморами травила. А к осени он о кашле забыл, кровью харкать перестал, на баб помоложе Клавы стал заглядываться, а очередное диспансерное обследование показало, что туберкулёза у него как не бывало. Клава взвыла, запыла по-чёрному, а вскоре, наевшись от отчаяния вместе с Володькой жареных мухоморов, и преставилась. Так что богатство деда пополнилось квартирой Клавы, которую он тот-

час сдал квартирантам, чтобы с них живые деньги иметь, а не со счёта. А после, пораскинув мозгами, уразумел, что мухоморы его на ноги-то и поставили. И если кто, оказавшись в Омске, увидит на Левобережье старика, собирающего яркочапочные грибы, опасные для всех нормальных людей, знайте — это дед Володька мой и есть.

Мухоморы Володька теперь сам себе жарит, а вот варить никогда не варит. Организм, мол, не приучен. А жареные-то он едал ещё на Кольме, чтобы с голода не загнуться. На костерке, вздетыми на веточку, мухоморы обжаривал. Правда, на масле, с луком, специями и посоленные, мухоморы гораздо вкуснее.

На левобережном кладбище дед Клаве памятник из белого и красного мрамора поставил. Памятник приметный — мухомор напоминает, если присмотреться.

ПОСЛЕДНЯЯ РЕЧУШКА

1.

В первую весну нового века и тысячелетия Омь сделалась такой же полноводной, какой была разве что в годы раннего моего детства. Эта речушка, если кто не знает, начинается в Васюганских болотах Сибири, протяжённость её чуть больше тысячи километров, а впадает в Иртыш прямо в центре Омска. Когда-то в Оми, название которой в переводе с одного из тюркских языков означает Тихая, не только купались и ловили рыбу, но и брали воду для питья и приготовления пищи. Но за последнее десятилетие она совсем захирела, отравленная промышленными стоками и отходами жизнедеятельности огромного города, и если кто осмеливается ступить, желая освежиться, в её воды, на него смотрят как на сумасшедшего или самоубийцу. Так же, впрочем, и на рыбаков. Рыба в умирающей речушке ещё водится, да вся она сплошь заразная, а порой и невесть какая. Вытянет рыбак удочкой или закидушкой чешуйчатое и с жабрами — и за голову схватится, гадая, что это за добыча: вроде бы и карась, а пасть щучья; подлещик, казалось бы, но — с одного бока, а с другого — окунь; или, вот, несомненно, налим, но почему тогда он одноглаз явно от рождения?..

Этой же весной, которой предшествовала необычайно снежная зима, Омь из погибающей речушки вновь стала полноводной рекой, грозя затопить низинную часть города, и муниципальные власти

разработали даже план эвакуации населения из зоны наводнения. Прогноз, однако, не оправдался, хотя некоторые строения, близкие к ней, речка и подтопила в одну из последних ночей апреля, тотчас откатившись в прежнее своё русло. Местные газеты сообщили о не случившемся наводнении коротко и с явным сожалением, как бы сквозь зубы. Потому что, понятно, корреспонденты рассчитывали на сенсационные материалы о разрушениях, а то и жертвах в результате стихийного бедствия, а тут лишь с полсотни залитых водой подполов и погребов да вынесенный Омью на берега мусор, — какая сенсация?

Но Омь после неудавшейся попытки выказать свою былую мощь оставила не только мусор. Под железнодорожным мостом через неё наряд военизированной охраны обнаружил на арматурном прутке, торчащем из береговой опоры, странный труп. Явно женский, но почему-то со сросшимися ногами. А их стопы гораздо длиннее обычных и как бы развёрнуты параллельно плечам. «Уродка какая-то», — решили медики, а милиция в своих криминальных сводках стандартно сообщила: обнаружен труп неизвестной женщины лет 25 — 30; всем, кому что-то известно о таковой, просим позвонить. Но никто не позвонил, и утопленницу похоронили на участке кладбища, отведённом для неопознанных лиц. А вскоре после этого знакомый следователь из милиции показал мне несколько её фотографий в полный рост. Я посмотрел их — и вспомнил...

2.

Коренной омич, я в пятидесятые (Господи, уже минувшего столетия!) годы жил с бабушкой в её доме по улице Депутатской. Дом этот и сейчас, пусть и наполовину врос в землю, на том же самом месте. Как и улица Депутатская на Лугах — так называют в Омске низину вдоль левого берега Оми от мелкооптовой ярмарки до трикотажной фабрики. Бабушка рассказывала, что давно, когда она была девчушкой, здесь были заливные луга, на которые летом выгоняли пастись коров, коз и других домашних животных. Омь каждой весной выходила из берегов, заливала низину, а как вода спадала — и начиналось луговое буйство разнотравья... Поэтому в низине тогда не строились, а строились и жили «на горе», которая в доисторические, наверное, времена и была материнским берегом Оми.

Но и в мою малолетнюю пору, когда от бывших лугов осталось одно название, Омь тоже непременно разливалась вёснами, превращая Луга в Венецию, и мы, ребяташки, плавали по улицам Лугов на наскоро сбитых из досок или даже брёвен плотках, но чаще в оцинкованных ваннах и корытах. А немногие из нас, родители которых считались богатыми, выпендривались, как тогда выражались, в лодках. Моей «лодкой», как у большинства сверстников, было корыто, которое я про себя мнил кораблём. Правда, из-за бдительной бабушки в «большое плавание» отправляться удавалось мне редко, почему я путешествовал в основном по огромному огороду нашей усадьбы. Вёсла, парус, мотор заменяла обыкновенная жердь, тайком выдернутая из плетня нашего с бабушкой соседа деда Данилы.

На ночь через дырочку в плоской верхней окантовке корыта я привязывал его бечёвкой к перилам крыльца, чтобы не уплыло ненароком в Омь, если вдруг начнет спадать вода. Вода спадала, как правило, ночью и неожиданно. Вечером стоит ещё по пах или колени, а утром проснёшься — грязь да лужи везде. Болото, и только, а не недавнее море-океан.

Так же внезапно вода ушла и в ту весну, когда мне было лет пять. Едва продрал глаза, я отправился на причал, которым на период наводнения становилось, понятно, крыльцо, чтобы пуститься в житейски необходимое плавание, а корыто, оставленное минувшим вечером покачивающимся вровень с причалом, опустилось до нижней ступеньки. Само-то оно ещё на воде, а ступишь в него — ложится дном на грунт. Не поплавать уже, даже если очень захочешь!

Утро было по-летнему тёплое, как и вся тогдаш-

няя весна, а может, и не утро ещё, а только предутренник. Даже бабушка — ранняя птаха, как она говорила о себе, поднимавшаяся всегда с восходом солнца, — не проснулась. И я, забравшись ногами, как в трюм, в резиновые её сапоги, представляемые мной, впрочем, ботфортами, как у царя Петра I, зашлёпал туда, куда и короли, говорят, пешком ходят. Да и корыто зачем-то потянул за «конец», отмотанный с «кнехта». И вдруг услышал со стороны, где у нас росли яблони:

— Мальчик!

В удивлении оглянувшись на голос, я увидел между яблонь женщину, невестку как здесь оказавшуюся. Усадьба наша была обнесена высоким забором, через какой женщине вряд ли перелезть, а калитка в нём запиралась на ночь, как и ворота, кованым засовом. Впрочем, краем глаза я тут же заметил, что калитка-то как раз и нараспах. Бабушка, должно быть, про засов забыла, а распахнула калитку настежь уходящая в своё русло река. И вот, прислонившись спиной к стволу одной из яблонь, в нашем саду полусидела-полулежала женщина, меня окликнувшая.

Почки на яблоневых ветвях уже лопнули, выбросив с клейкими зелёными листочками и цвет, но листочков пока ещё было гораздо больше, чем раскрывшихся лепестков, и их отсвет окрашивал распушенные её волосы зеленью. А может, зелёными были сами волосы — я тогда спросонья и от неожиданности встречи не очень разглядел. Лицо незнакомки было тонким и нежным, как у принцесс в сказочных фильмах, а плечи, грудь и руки обтягивала да пояса тугая серебристая кофточка, как бы собранная из мельчайших чешуек. «Это женская кольчуга», — подумал я, дошлёпав вместе с корытом до женщины под яблоней.

— Мальчик, ты мне не поможешь? — скорее не услышал, а прочёл я в её голубых бездонных глазах. И с готовностью ответил, ничуть, отчётливо помню, не боясь чужачки:

— А что надо, тётенька?

— Отвези меня на своём корабле к речке.

— Воды мало, не поплывёт, — сказал я, польщённый, что наконец-то хоть один человек, кроме меня, назвал моё корыто кораблём.

— Я и говорю — отвези, — слабо, точно преодолевая боль, улыбнулась женщина. — Я лёгкая. Ты потянешь, а я помогу тебе. Подгони свой корабль ко мне...

Я сделал, как она попросила, и женщина будто вспорхнула в корыто, которое, и правда, лишь качнулось на низкой воде, почти не осев. Я только успел заметить, что нижняя часть её тела какая-то странная, смахивающая на рыбий хвост, но тотчас

списал эту странность на грязь и тину, облепившие ноги женщины.

— А вы почему в нашем саду? — озаботился тут же по-хозяйски.

— Яблонями дышала, — сказала женщина. — Я люблю яблони, когда лопнут почки, а лучших яблонь, чем ваши, во всей округе не знаю... Вот и надыхалась, — тихо и по-доброму, но и с едва заметной горчинкой засмеялась она.

«С яблони грохнулась», — сообразил я, а вслух потребовал объяснений.

— Вам куда к речке — к самой или на Луговую? — потому что, если «к речке», то это, значит, прямо к воде Оми, но и Луговая, в отличие от Депутатской и других улиц Лугов, считалась самой «речной», поскольку её дома облепили как раз весь берег.

— Да, мальчик, к речке, к речке, — не очень-то понятно пояснила женщина, но я уже не сомневался, что ей надо именно на Луговую. На реку в такую рань только рыбачить отправляются, а в наводнение какая рыбалка? Да и с ногами у неё что-то...

Я потянул за собой корыто со двора, представляя себя Гулливером в стране лилипутов, «переплыл» Депутатскую, и через садовый участок бревчатой начальной школы № 26, куда через два года бабушка приведёт меня в первый класс, легко вытянул свой корабль с пассажиркой на Большую Луговую. Здесь вода заплескивалась уже в сапоги, и начинался овраг, сбегаящий, расширяясь, через просто Луговую в Омь, и вода, стекающая в него, наверное, со всего Луга, шумела, как водопад. Вдоль оврага, но не в опасной близости к нему, и был самый короткий путь «к речке».

— Ближе, ближе к оврагу, мальчик! — почти простонала за спиной женщина, но я, напротив, стал забирать от провала в земле, чувствуя, как меня начинает утягивать за собой поток воды, рвущийся в местную пропасть.

— Ближе, мальчик, ближе! — молила за спиной женщина, но я не слушал её, выбираясь из потока. Бечёвка, привязанная к корыту, больно врезалась в ладони. И вдруг звонко, как струна, лопнула. И я, потеряв равновесие, упал лицом в воду. Но тут же вскочил, мгновенно промокший до ниточки, чтобы успеть поймать корыто с беспомощной женщиной, сломавшей, должно быть, ноги, когда свалилась с яблони. Но было уже поздно. Корыто, подпрыгивая на бурунах, мчалось по оврагу к Оми. Женщины в нём я не увидел. «Утонула!» — сжалось моё сердце, и я заорал от ужаса и страха во всё горло. По этому дикому крику и нашла меня бабушка, давно всполошенная моей пропажей. До

дома на Депутатской она донесла меня на руках, сунув подмышку спавшие с меня её сапоги. Дома, немного отойдя, захлёбываясь слезами, я и рассказал бабушке про женщину, которая, может, ещё не успела утонуть.

— Не выдумывай! — утешала меня бабушка. — Начитался книжек с таких-то годов! А что корыто утопил — Бог с ним, новое купим...

Новое корыто покупать не пришлось. Через неделю, когда о наводнении на Лугах уже стали забывать, к бабушке пришёл наш сосед и заядлый рыбак дед Данила. Отдав бабушке гостинец — кушан с наловленной с утра рыбой, — он сказал:

— Слышь, Семёновна, а не выйти ли тебе на крыльцо?

— А зачем мне на крыльцо выходить, когда у меня дорогой гость в доме? — удивилась бабушка.

Всё это я видел и слышал, тихонько поднявшись с постели и подкравшись к чуть приоткрытой двери моей комнаты, едва в дом вошёл наш старый сосед.

— А выйдешь — и увидишь, — хитро, но и озбоченно усмехнулся дед.

— Всё-то ты мудришь, Данила, не по возрасту — как малое дитя, — подбоченилась было бабушка, но всё же пошла, куда велели. И вернулась растерянной с пропавшим, казалось, навсегда корытом в руках. У меня, притаившегося за дверью, подкосились колени.

— Где ж ты его выловил, Данила? — опустив корыто на пол, со вздохом присела она на лавку у печи.

— Это оно меня, похоже, выловило, Семёновна, — тоже вздохнул дед, примостившись рядом с бабушкой.

Дед Данила рассказывал долго, но суть его рассказа была короткой.

Явившись спозаранку на давно им прикормленное и самое любимое место у оврага, сползающего в Омь, он уже через пару часов был с уловом.

— Наловил бы и больше, — рассказывал бабушке дед, — да только поднял глаза-то от поплавок, и не верю тому, что вижу. По Оми-то и поперёк течения прямо к моему месту плывёт ваше корыто, которое я сначала невесть за что принял. Ровнёхонько так, не медленно и не быстро плывёт, точно его на невидимой привязи тянут. А не мне тебе рассказывать, Семёновна, какое у нашей речки течение после половодья...

— Тише ты, старый! — шикнула на него бабушка, сама взволнованная не меньше Данилы. — Внука разбудишь. А дальше-то что, Иваныч?

— А дальше обыкновенно, — уже будничным голосом закончил тот свой рассказ. — Корыто ткнулось прямо к моим ногам. Я смотал снасти, подхватил вашу собственность — и ноги в руки.

— Видел хоть мельком, кто корыто-то толкал? — шёпотом спросила его бабушка.

— Видеть, врать не стану, не видел, но знаю...

— Кто, Данила Иванович? — выдохнула бабушка.

— Ты ведь сама ведаешь, Семёновна, — как-то беспомощно отозвался дед.

— Ведаю, старый, — не стала скрывать бабушка. — Да вот думала, они все вывелись давно в нашей Оми...

— Получается, не вывелись, Семёновна.

Когда через месяц меня выписали из больницы, в которой лечили от двустороннего воспаления лёгких, бабушка и разъяснила мне всё, что я не понял из её разговора с дедом Данилой.

3.

— Правда, на русалку смахивает — и волосы зеленоватые по пятки, и ноги, как рыбий хвост, и кожа какая-то серебристая, как рыба чешуя, — говорил следователь, разглядывая вместе со мной фотографии. — Я её в морг отвозил, так ещё вот что скажу тебе — рыбой она пахла.

— Это не русалка, — сказал я, возвращая фотографии, — а речалка. Я с такой сам в детстве встречался. А бабушка рассказывала, что в старину они в Оми ни для кого диковинкой не были, открыто к людям выплывали. Эта, может быть, последняя — уплывала, воспользовавшись половодьем, из нашей грязной речки. Надеюсь отыскать более чистые воды, да на пруток арматурный, бедная, наткнулась...

— Ну, ты и загнул! — уставился на меня следователь. — Да и какая разница — русалка или речалка? — отвёл он взгляд, чтобы меня не обидеть. — В водах же обитают, да и то в сказках...

— Разница большая, — не обиделся я. — Русалки в морях и озёрах живут, а речалки только в малых реках и в одной Сибири. Русалки, тешась с людьми, могут до смерти защекотать или утянуть с собой под воду, а речалки никому никогда зла не причиняют. И ещё речь у них, как и у людей, — не отличить по разговору. Отсюда и речалка — от речи и от речек, в которых живут...

— Рассказывай! — засмеялся следователь, и я понял, что он не поверил ни одному моему слову, и я ни в чём не смогу его убедить. И перевёл разговор на другое.

Рисунки Елены МАЛЬКОВОЙ

АЭЛИТА

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	30
Владислав КРАПИВИН «Давно закончилась осада...». Роман. окончание	31
Виталий КАПЛАН «Тебя берут»	55
Евг. АЛЕКСАНДРОВИЧ «А в это время...»	58
Михаил МИРКЕС «Урания — 2001»	59

ПРОРОКИ

Можем ли мы предвидеть будущее?

Есть люди, которые считают, что это им вполне по силам. Писатели-фантасты. Действительно, смелые люди. Из поколения в поколение они предсказывают, предостерегая или с оптимизмом глядя через годы и века вперёд. Правда самые серьёзные из них утверждают, что писали и пишут о нас, о своих современниках, помещённых в чрезвычайные обстоятельства. Но извините, какие ж это чрезвычайные для героев книг обстоятельства, если живут персонажи в необычном для читателей мире — и ничего-то их в нём не удивляет, ни техника, ни магия, ни социальное устройство. А нас удивляет. Значит всё-таки не о нас пишут фантасты, значит в том числе и о потомках?..

Но давайте не будем гадать и спорить. Ведь стоит всего лишь посмотреть на то, как сбываются, например, технические предсказания писателей (а скорее — не сбываются), и мы согласимся — не шибко-то фантасты «видят» то, что когда-то будет изобретено, открыто, придумано. Только не надо спешить обвинять их в некомпетентности. Сочинение «историй» всё-таки ближе процессу написания картин (но никак не процессу реализации возможностей технического прогресса!), здесь в первую очередь потребно художественное видение предмета описания, а уж потом передача его правдоподобия и создание сопутствующего антуража (потрудитесь хотя бы вспомнить произведения Пикассо).

Писатели-фантасты конечно же пишут о будущем. И конечно же они пишут о нас в этом самом будущем. Но почти всё, что они создают — только литературные фантазии, вымысел. И не стоит судить художников слова за то, что их откровения не становятся пророческими. Пусть бы только нам нравилось читать как новые, так и старые (к сожалению, сейчас подзабытые) фантастические рассказы, повести, романы.

Доброй Вам фантастики!

Евгений ПЕРМЯКОВ

6 июня на торжественном приеме в Канзасском Университете Джеймс Ганн объявил имена **ЛАУРЕАТОВ ЕЖЕГОДНЫХ МЕМОРИАЛЬНЫХ ПРЕМИЙ ИМЕНИ ДЖОНА В. КЭМБЕЛЛА (JOHN W. CAMPBELL MEMORIAL AWARD) И ТЕОДОРА СТАРЖДОНА (THEODORE STURGEON MEMORIAL AWARD)**.

Премию за лучший НФ-роман 2000 года получил Пол Андерсон (Poul ANDERSON) за роман «Genessis». Лауреат на церемонии присутствовать не смог. Премию за лучший фантастический рассказ 2000 года получил Иэн Макдональд (Ian McDonald) за рассказ «Tendeieo s Story».

Было также объявлено, что Зал Славы Фантастики (Science Fiction and Fantasy Hall of Fame), учрежденный тем же Канзасским Университетом, пополнили имена Альфреда Бестера, Фрица Лейбера, Джека Вэнса и Урсулы Ле Гуин.

21 июня в ходе церемонии в Санкт-Петербургском Доме журналистов **БЫЛИ ОБЪЯВЛЕНЫ ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ В ОБЛАСТИ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ («АБС-премии»)**.

По номинации «Художественная проза» премия присуждена Вячеславу Рыбакову за роман «На чужом пиру».

По номинации «Критика и публицистика» премия присуждена Анатолию Ф. Бритикову (посмертно) за книгу «Отечественная научно-фантастическая литература»

27 июня в возрасте 86 лет после долгой болезни скончалась ТУВЕ ЯНССОН, автор детских повестей о Муми-троллях. Туве Марика Янссон жила в Финляндии, но писала на шведском языке. Повесть «Муми-тролль и комета» была впервые опубликована в 1946 году, за ней последовали другие повести о Муми-троллях, а также сборники рассказов, пьесы и автобиография «Дочь скульптора». За свое литературное творчество Туве Янссон удостоена множества наград. Книги о Муми-троллях переведены на тридцать четыре языка, что сделало Туве Янссон самым публикуемым за рубежом писателем Финляндии.

Сергей БЕРЕЖНОЙ, С.-Петербург

1 июля в городе Волгограде прошла очередная **МИНИКОНФЕРЕНЦИЯ «ВСЕДЕФАН»** (Всемирный день Фантастики), называемый иначе «лунным днем 31 июня». В одиннадцатый раз любители фантастики г. Волгограда собрались на другом берегу Волги. Среди присутствующих были как известные уже авторы - Евгений Лукин с супругой, Сергей Синякин, Сергей Зайцев, так и малоизвестные По отзывам свидетелей праздник удался на славу

Борис ЗАВГОРОДНИЙ, Волгоград

Владислав КРАПИВИН

Давно закончилась осада...

Севастопольская фантазия

Роман

Рисунки Евгении СТЕРЛИГОВОЙ

Окончание. Начало в № 4-5, 2001

Нить от воздушного змея

Это случилось за две недели до прогулки в Херсонес.

В то утро ждали туристов сразу с двух пароходов — английского и американского.

Английский «Ройал стар», своим рангоутом похожий на фрегат, уже четвертые сутки торчал на Северном рейде, у входа в Сухарную бухту, но до сих пор с него никто не сходил на берег. Городские власти всех рангов терпеть не могли англичан и привычно чинили экипажу и пассажирам всякие препятствия. То, будто бы, неправильно оформлены карантинные документы, то не в порядке судовые бумаги, то что-то неладно с паспортами пассажиров. Придирки, надо сказать, часто были несправедливы. Но что подделаешь, такое отношение к сынам Альбиона сохранилось в городе со времен осады. И не потому, что были они тогда врагами, а потому, что, не проявляя большой доблести в ратных делах, чванливость демонстрировали сверх меры...

Возможно, портовое начальство мариновало бы «Ройал стар» еще, но стало известно, что среди пассажиров есть жители Франции, а к французам отношение, как известно, было иное...

А ночью из Босфора пришел американский «Грейт Миссури», совершавший путешествие из Штатов в Европу. Ему тут же позволено было стать на якорь напротив развалин Николаевской батареи, чтобы шлюпочный путь от парохода к пристаням был самый короткий. И пожалуйста на берег, никаких проверок. Потому что американцы были друзья. Во-первых, Россия никогда не воевала с Америкой. Во-вторых, Соединенные Штаты недавно сделали то же, что и наша империя — избавились от рабства. Правда, у нас это случилось по воле государя, а в Америке царя не было, и поэтому там пришлось изрядно повоевать, прежде чем крепостники-плантаторы поняли, что время кнутов и цепей кончилось навсегда.

Русские очень близко принимали к сердцу события этой войны. Несколько наших корветов даже ходили в Америку, чтобы поддержать северные штаты в борьбе с рабовладельцами-ножанами, которые назывались «конфедераты». Правда, в военные действия не ввязывались, но, как говорится, «дали кой-чего понять»...

Все это делало американских туристов желанными гостями.

...Шлюпки с туристами обычно швартовались в Артиллерийской бухте у специального причала. Случалось, подходили и к Графской пристани, но в Артбухту чаще. Коля, Фрол, Поперешный Макарка и Федюня со своим «товаром» заранее заняли места на ракушечном парапете вблизи от пристани. Жени с ними не было — уехал к тетке в Ялту. Ибрагимка помогал в лавке деду. Савушка с вечера маялся животом (переел незрелых слив) и мать его сегодня не пустила.

По соседству оказалось немало знакомых и незнакомых

мальчишек (да и девчонок тоже). Но Коля с друзьями успели прежде других и заняли самое удобное место — у ступеней, что вели от причала на набережную. Не один турист не минует этот широкий каменный выступ на повороте.

Разложили свое добро: грудки крутых пуль, полушарок и минек, осколки, гудзики, значки и пряжки с фуражек и мундиров. Были тут и более редкие вещи. У Федюни, например, медная рукоять французской сабли с остатками темляка, у Фрола сломанный английский тесак, у Коли тяжелая белая медаль с вензелем королевы Виктории на лицевой стороне и выпуклым изображением индийского храма на обратной. Коля нашел ее недавно на «чужой территории» вблизи Третьего бастиона...

Шлюпок долго не было. Солнце поднялось уже высоко и грело изрядно. Высвечивало над берегом склоны Хрустального мыса. Никакой «хрустальности» в мысе не было. Он напоминал громадного горбатого зверя, прилепшего у моря. Сквозь его пыльно-зеленую шкуру желтели голые ребра каменной.

В прозрачной зелени воды неподвижно висели медузы. У берега под мысом стояли несколько рыбачьих шхун с черным рангоутом и такелажем, от них ощутило пахло нагретой смолы. За крайней шхуной был виден изогнутый форштевень «Кургана» — бывшего «Македонца».

Наконец с каменных глыб взорванной батареи закричали, замахали маленькие ребятишки, специально поставленные для сигналов. Первый вельбот, равномерно махая желтыми длинными веслами, вошел в бухту. Над ним густо пестрели разноцветные зонтики и шляпы. И вот вельбот прильнул бортом к дощатым мосткам (доски под гостями начали прогибаться). Повизгиванья, смех. Шляпы и зонтики, светлые сортуки и пышные платья, трости и веера двинулись вверх по ступеням.

— О-о, souvenirs!..

— Les petits commercantes!

А иногда по-русски:

— Мальчик, сколько есть стоит этот троф-фей?

Тут главное успевай ответить каждому и не пропусти выгодного покупателя. Мальчишки иногда на пальцах, иногда словами бойко объясняли, что три пули — копейка, осколок средних размеров — три копейки, а вот этот (похожий на скорлупу кокоса) — пятиалтынный.

— Что есть пья... ти... лтын?.. О, это не совсем мало!

— Ну и не совсем много. Ты, месье, иди полазай сам по бастионам, тогда узнаешь...

— О, бастион — это да, это les Braves c'est le Sort!..

Коля, если был вместе с ребятами, не пользовался французским, это было бы как-то нечестно. Так же, как другие, жестикулировал, вскидывал растопыренные пальцы, мотал головой, если давали слишком низкую цену. А по-иностранному только: «Мерси, мадам... Сэнкью, сэр...»

Лишь один раз он «открылся» и поговорил с пожилой

французской парой — помог Савушке получить двугривенный за пробитую солдатскую фляжку. Он сообщил почтенным супругам из Нанта (крайне изумленным!), что фляжка найдена у оборонительной башни Малахова кургана, где в последний день обороны было самое пекло, и продырявлена она самодельной полусферической пулей, каковы пули русские солдаты отливали прямо в траншеях, когда не хватало боеприпасов.

Насчет пробоины была, возможно, правда, а все остальное — беспардонное вранье. Фляжка была английская, а британцы, как известно, Малахова кургана не нюхали. Но Савушка таксиял, получив серебряный двугривенный, что Коля не испытывал ни малейших утрызений совести за свою фантазию. Дома Савушка гордо отдал матери заработанные деньги, был расцелован и обласкан («Смотри, дед, еще один помощник растет») и получил в награду пятак. На него он купил в лавке Ибрагимкиного деда кулек леденцов и полдня гордо угощал друзей.

Сейчас Коля устал продать полдюжины пуль и гудзиков и мяту бляху от шардинского ремня (за пятак), когда в трех шагах от него остановились двое. Один — кругловатый, в соломенном канотье, светлом пиджаке и канареечном жилете. Второй — весь в темно-сером, в цилиндре, высокий, с длинным лицом и рывжавыми бакенбардами. Они беседовали по-французски. Кругловатый похотывал, длинный отечал коротко. Он говорил с акцентом — видно было, что англичанин.

Француз, хохотнув очередной раз, взял англичанина под локоть и подвел к ребятам. Точнее — прямо к Коле.

— Вот вам и первая картинка здешней экзотики, дорогой мистер Брайтон...

Англичанин рукой, затянутой в серую перчатку, перехватил трость и гнутой рукояткой осторожно поворошил Колин товар. На самого Колю он, кажется и не взглянул, но глянул на француза и заметил:

— Вам не кажется, месье Дюваль, что хозяин этих сувениров мог бы сойти за английского мальчика? Если бы не был столь растрепан и помят...

— Хо-хо... Юнги на пристанях Темзы бываюк не менее помяты и лохматы!

— Пожалуй, вы правы... Гм... смотрите-ка... — Согнувшись, мистер Брайтон взял в лайковые пальцы медаль. — Вы знаете, месье, что это?

— Хо! Понятия не имею!

— Такими медалями награждали солдат британских колониальных полков за участие в боях с индийскими повстанцами. Видимо, она принадлежала ветерану войск ее величества... Представьте, какая горькая судьба. Явиться на эти дикие берега, под стены варварского города, чтобы потерять прежние славные награды и, скорее всего, жизнь... И то, что город был в конце концов взят, — слабое утешение...

«Ну, всё! Пора» — понял Коля. Зря он, что ли, учился изъясняться на языке Руссо и Лафонтена? Он поставил левую пятку на парапет, сцепил на колене пальцы, уперся в него подбородком. Поднял глаза на француза.

— Месье, спросите вашего английского друга, почему он решил, что этот варварский город был взят?

Поняли, кажется оба.

— О!.. Хо-хо! — это, конечно, месье Дюваль. Англичанин сохранил невозмутимость, лишь приподнял под цилиндром бровь:

— А разве нет?

— А если да, то почему же мистер Брайтон ходит здесь не как победитель, а как турист?

Англичанин выпрямился и сказал с высоты роста:

— Это следствие великодушнот европейской политики... если русский мальчик понимает, о чем речь.

— Русский мальчик не понимает, — сообщил Коля, не меняя позы и взгляда (а на щеках холодок), — почему господа считают, что они взяли город. Всем известно, что русская армия сама оставила южную сторону и отошла на северный берег, чтобы закрепиться на новых позициях. Союзники их даже и не пытались штурмовать... Французам удалось штурмом взять Курган, но вот и всё. А храбрым солдатам ее величества в этой кампании вообще ни разу не везло...

Коля выговорил это, почти не сбиваясь и достаточно хладнокровно. Хладнокровие по-прежнему сохранял и англичанин (а француз — тот аж подпрыгивал от веселого возбуждения). Брайтон рукоятку трости потрогал бритый подбородок. Глянул на Дюваля.

— Не правда ли, месье, такое умение постоять за честь соотечественников достойно понимания?... Спросите у юного россиянина (на вас он смотрит более дружелюбно), сколько он хочет за эту свою находку. И скажите, что я не собираюсь торговаться... — Джентльмен все еще держал медаль в лайковых пальцах.

Коля прыгнул с парапета, встал, положив локоть на ракушечный столбик, изогнул талию с изяществом инфанта. Посмотрел между англичанином и французом, на рыбацьи шхуны.

— Гость нашего города мистер Брайтон может взять эту вещь просто так, на память. Возможно, она принадлежала его знакомому... которого, кстати, никто не звал на наши дикие берега.

Англичанин, не меняя выражения лица, аккуратно согнулся. Аккуратно положил медаль рядом с пулями и осколками. Неторопливо выпрямился. Глядя Коле в лицо, коснулся двумя пальцами полей цилиндра. И пошел прочь — прямой и невозмутимый, как циркуль. А Дюваль на прощанье торопливо развел руками: что, мол, поделаешь с этой британской гордостью.

Мальчишки всю перепалку выслушали с открытыми ртами.

— О чем это ты с ними? — слегка завистливо спросил Фрол.

— Да ну их... Все еще считают себя полными победителями. Забыли, как их тут чистили в хвост и в гриву.

— Ты с ними говорил... будто барон какой-то... — заметил Фрол со смесью уважения и насмешки.

— Почему «будто»? — хмыкнул Коля. — Я и есть барон.

— Ох уж!..

— Ничего не «ох уж», — небрежно отозвался Коля. Запал недавнего спора с иностранцами еще не угас в нем. А насмешка Фрола слегка разозлила. — Барон фон Вестенбаум, последний представитель старинного обрусевшего рода. Черный с золотом дуб на зеленом поле, девиз: «Верность и прочность». По латыни, конечно...

Федюня и Макарка, слушали, мало чего понимая. Фрол неуверенно сказал:

— А чего ж ты тогда... Лазунов?

— Это тетушкина фамилия. По закону нельзя сразу в двух школах, вот она здесь и записала меня Лазуновым. А в гимназии — Вестенбаум.

— Фон? — язвительно сказал Фрол.

— Представь себе... Не веришь, спроси в гимназии. Если будешь в Симферополе, зайди и спроси.

— Ага, когда я там буду... И кто нас пустит в гимназию, с таким рылом... Это же не «ваше сиятельство»...

Пассажиры первой шлюпки уже ушли с пристани, вторая еще не подошла, можно было переруливаться, не отвлекаясь на торговлю.

Коля, демонстрируя хладнокровие (как недавний англичанин), разъяснил:

— Баронам не говорят «сиятельство», не велик титул. Достаточно «благородия».

— Виноват, ваше благородие!

— Тимберс, — сказал Коля и спиной оттолкнулся от столбика.

— Чего?

— Давай я оставлю в сторонке «фона» и «Вестенбаума». Пойдем вон за сарай, стыкнешься с Лазуновым. Думаешь, если выше на полбашки, значит, можешь болтать языком как рында-булинем? Я тебе теперь не тот, что осенью...

Коля понимал, что Фрол сильнее, но страха сейчас не было ни крошки.

— Вы чего! — взвился Поперешный Макарка. — Забыли, что обещались еще зимой жить без ссоры-драки?!

— Пусть тогда не скребет, — буркнул барон фон Вестенбаум и босой пяткой стукнул о парасет.

— А я чего. Я только спросил, — добродушно объяснил Фрол и щелкнул себя по губе. — «Фон» так «фон», мне жалко, что ли...

Снизу от пристани двинулась новая компания пассажиров. Видимо, с американского парохода. Более шумные, чем недавние европейцы, в более пестрой и свободной

одежде. На мужчинах широкие шляпы, у многих вместо галстуков цветные, небрежно повязанные платки... Американцы, бесцеремонно отодвигая друг друга локтями, обступили мальчишек с их товаром. Торговля пошла громкая и азартная. Русские деньги были не у всех. Предлагали американские центы, английские пенсы, французские су и франки, греческие драхмы и даже какие-то монетки с арабской вязью. Ребята не отказывались. Брали всякую «деньгу», прикидывая по размеру и весу ее стоимость в копейках.

После можно будет обменять иноземную валюту у небритых жуликоватых дядек, что ждут иностранцев у гостиничных подъездов и трактирных дверей. Эти дядьки всегда норовят надуть мальчишек, ну да «мы тоже не льком шить».

Колина колониальная медаль мигом ушла за серебряный доллар. Коля уступил ее рыжебородому здоровяку, который оказался из Канады и слепка понимал по-французски. Коля доступно изложил ему историю медали, которую только что слышал от мистера Брайтона. Бородач пришел в восторг, похлопал Колю по плечу, сунул ему монету и бросился догонять спутников. Коля слегка озадаченно вертел доллар с отчеканенным профилем Джорджа Вашингтона и пытался понять: совершил ли он выгодную сделку или оказался в дураках?

— Простите... Я случайно услышала, что вы говорите по-французски... — раздался рядом с Колей чистый голосок. Он вскинул глаза. Перед ним стояла девушка в бело-розовом полосатом платье, в похожей на скомканную газету шляпке и с кружевным зонтиком у плеча. У нее были темные локоны и веселые серые глаза. Коля впервые за все лето застенялся пыльных босых ног. Соскочил с парасета.

— Да, мадемуазель... Я могу быть чем-то полезен?

— Право, я даже не знаю... Я и мой спутник с парохода «Грейт Миссури»...

За девушкой возвышался крепкий румяный мужчина лет тридцати. С шапкой русых волнистых волос и такими же светлыми усами (их концы были чуть загнуты). Он был без галстука, воротник белой рубашки свободно лежал поверх серой куртки, похожей на матросскую. Смотрел незнакомцем добродушно и с легкой виноватинкой: ничего, мол, я не понимаю...

— Значит, вы не из Франции? — уточнил Коля.

— О нет! Мои родители да, из Марселя, но они давно переехали в Штаты и я родилась уже там. А мистер Клеменс вообще всеми корнями в Америке... — Она живо оглянулась на спутника. Тот, видимо, решил, что его представляют юному торговцу сувенирами и нагнул голову:

— Сэмюэль... о Сэм...

— Он говорит, что его можно называть просто Сэм, — разъяснила девушка. — А я... мадемуазель Софи, если угодно. Простите, а как ваша имя?

— Николая, — сообщил Коля и поморщился. Но что он мог еще сказать?

— О, Николая... А можно «Ник»? Как это принято в Америке.

— Разумеется! — обрадовался Коля.

Мадмуазель Софи обернулась к Сэму и указала на Колю:

— Ник...

— Ол райт! — Сэм протянул мимо девушки ладонь. Она была широкая и твердая. Сэм крепко потряс Колину руку — так, что она чуть не выскочила из плечевого сустава. Коля осторожно освободился и спросил:

— Вас, наверно, интересуют сувениры?

— Да... и они тоже, — кивнула Софи. — Но прежде всего мы хотели бы видеть интересные места. Мы много читали про осаду. Она чем-то похожа на нашу недавнюю войну...

— В которой освобождали негров?

— Да-да... Но мы не хотели бы ходить с толпой. Тем более, что мы уже отстали... Не могли бы вы показать нам знаменитый Малахов курган и... вообще, что сочтете нужным. Вам, наверно, известны здешние примечательные места?

— Конечно, мадемуазель!

Прогулка обещала быть интересной. Софи и Сэм казались славными. К тому же — из-за океана, из тех краев, где индейцы, Кордильеры, мустанги, Ниагара...

Софи обернулась к Сэму и что-то пощелкала по-английски. Сэм ответил, озабоченно сведя брови.

— Он говорит, что будет несправедливо, если из-за прогулки ваша коммерция потерпит убыток. Во сколько вы оцениваете весь свой товар?

Будь это англичане или даже французы, Коля не постеснялся бы. Но сейчас он сказал честно:

— Все вместе где-то не больше полтинника. Если вот с этой скорлупой... — и качнул пальцем тяжелый осколок бомбы.

Оказалось, что американцы запаслись русскими деньгами еще у стамбульских менял. Софи аккуратно отсчитала Коле пять новеньких гривенников, а Сэм обрадованно завязал все сувениры в узелок — в ту ситцевую тряпицу, на которой они были разложены. Затолкал узелок в нечто похожее на маленький саквояж (он снабжен был ремнем, чтобы носить на плече).

Они зашагали втроем. Софи посередине, Сэм слева (под руку с ней), Коля справа — чуть забегаая вперед и оглядываясь. Вышли к оконечности бухты, свернули от рынка налево. И еще раз налево. Двинулись вдоль трактиров, лавочек и мелких гостиниц, что облепили исполинские развалины Николаевской батареи. Справа зеленел всяким чертополохом и желтел проплешинами Городской холм. Кое-где на нем алектли крошечные маки.

Коля вел себя как добросовестный проводник. Показал и недостроенный храм-усыпальницу на вершине холма, и памятник Казарскому среди молодых акаций на Малом бульваре, и уцелевший дом Морского собрания, где во время осады

был перевязочный пункт — печальное хозяйство знаменитого хирурга Пирогова.

Через площадь вышли к Графской пристани с ее белой колоннадой и спасенными при осаде двумя статуями и львами. По широкой лестнице спустились к причалу. Под теплыми досками настила хлопала мелкая волна. Иногда выплескивалась через щели и прохладно щекотала ступни. Мадмуазель Софи весело ойкала и подбирала оборчатый подол, показывая белые башмачки с кнопками. Яличники хриплыми голосами наперебой зазывали пассажиров. Пахло копченой скумбрийей — ее тут же продавали словоохотливые тетки. Толстый городской в белой рубахе и при сабле покрикивал на теток, чтобы убирались — не положено, мол. Те отмахивались.

Коля среди яличников увидел знакомого.

— Василий Андреич, туристов везу на Корабельную. Из Америки...

— Ишь ты! Ну, хоть из Америки, все равно пятак. Не обеднеют, небось.

Коля отдал свой пятак — тот, что получил за сардинскую бляху. Мадмуазель Софи, увидев это, замахала руками, полезла в усыпанный бисером ридиколь. Коля решительно покачал головой. Ему нравилось быть хозяином.

Ялик резво запрыгал на мелкой зыби.

Коля не забывал про свою задачу и здесь.

— Вот это, на мысу, Павловский форт. А слева, на том берегу, Михайловский. К нему во время осады протянули наплавной мост, по которому отошла армия...

Софи быстро переводила Сэму Колины слова. Он понятиливо кивал (видимо, слышал про мост раньше). И улыбался Коле глазами.

— Ловко ты с ними чешешь языком, — уважительно заметил Василий Андреич.

— О чем это он? — спросила мадемуазель Софи.

Коля перевел.

— А где вы учились языку?

— Дома...

— О-о... Вы родились в этом городе, Ник?

— Нет, мы переехали сюда прошлой осенью. Из Петербурга... Но я уже привык здесь...

— Вы, наверное, сын моряка?

— Я сын морского врача... А здесь при осаде погиб мой дядя.

— Как жаль, что Франция и Россия оказались здесь врагами, — вздохнула Софи. И перевела Сэму. Тот что-то ответил.

— Сэм говорит, что война это вообще... не знаю даже, как сказать... Сэм, ну как вы можете! Такие выражения при ребенке!.. Конечно, не стану переводить!

— Скажите Сэму, что я понял, — насупленно улыбнулся Коля. — И что согласен...

Ялик ткнулся у к низкому пирсу у Корабельного берега. Отсюда тянулся проход между каменными белыми стенами.

Длинный, чуть не с версту. У стен синел цикорий и росла высокая трава, похожая на крошечные пальмы. С виду красивая, но если сорвешь и разотрешь между пальцами — запах ужасный. Растение это потому и называли вонючкой. Коля это рассказал Софи, а слово «вонючка» перевел деликатно — «неприятный аромат».

Софи все пересказывала Сэму. Тот вдруг заметил:

— Какая длинная дорога...

— Да, это не очень-то интересный путь, — виновато отозвался Коля. — Но зато самый короткий до Малахова кургана.

Сэм, улыбаясь, и глядя на Колю, сказал несколько длинных фраз.

— Он говорит, что не считает дорогу скучной. Она напоминает ему детство. Рядом с его городком были похожие заборы, они огораживали выгоны. По такому проходу Сэм с приятелями бегал в ближний лес, когда удирал с уроков... А вы убегаете с уроков?

— Иногда, — уклончиво отозвался Коля, чтобы не выглядеть пай-мальчиком. И перевел разговор на другое: — Мадемуазель, наверно, невеста мистера Сэма?

— О нет! Мы просто друзья. Познакомились только на пароходе. Мистер Клеменс удивительный рассказчик, а я... видимо, благодарная слушательница... Я чуть не умерла от смеха, когда слушала его историю про новобранцев из Алабамы в военном лагере...

— Значит, Сэм все же был на войне?

— Немного. В армии конфедератов...

— Но... ведь конфедераты воевали за рабство. Неужели он... — в угасшем голосе Коли прозвучало нешуточное огорчение. Софи перевел Сэму. Тот подергал себя за ус. И опять долго говорил на ходу, поглядывая на Колю.

— Ник! Сэм объясняет, что никогда не стоял за рабство. Среди негров у него немало друзей, а в детстве он даже помог одному бежать в северные штаты. — раздобыл для него лодку и одежду. Но все не так просто. Он южанин и говорит: что хорошего, когда на твою землю вторгаются солдаты-янки, топчут поля, жгут дома. Северяне — они ведь тоже не ангелы... Впрочем, Сэм очень скоро покинул армию и стал корреспондентом... А самое главное, Ник, (я в этом убедилась) он остался мальчишкой, который всегда готов устраивать неграм побег, играть в пиратов и совать нос куда не следует. Поэтому за ним нужен глаз да глаз... — И она погрозила усатому другу пальцем.

Софи оказалась права. На Малаховом кургане Сэм в самом деле повел себя как мальчишка. Он лазал по кустам и брустверам, садился верхом на пушки, разрезал башмаками сухую глину, отыскивая пули и осколки. И надо сказать, ему везло! И он радовался совсем как школьник.

— Ол райт, Ник! Теперь мы сядем на пристани рядом и откроем общий бизнес! А?

Оказавшиеся рядом туристы поглядывали на шумного американца со сдержанным неодобрением. К счастью, в этот час народу было еще немного.

Наконец, когда уже спустились с кургана, Сэм отыскал толстенную, похожую на колотушку кость.

— О! Это наверняка обломок французского полковника.

— Как вам не стыдно, Сэм! — возмутилась Софи. — Положите в траву эти... останки...

— Это кость лошади, — снисходительно сказал Коля. Софи насмешливо перевела.

— Я знаю, Ник! — не смутился Сэм. — Но я не для себя, а для мистера Блюхера, своего соседа по каюте.

— Он все равно не поверит... про полковника...

— Неважно! Главное, он сделает наклейку. Он собирает коллекцию для старой тетушки, которая должна ему оставить наследство. Тетушка сходит с ума от заморских экспонатов и верит всему! — И он запихал в саквояж кость несчастной кобылы, посмертно возведенной в офицерский чин.

— Я вам говорила, Ник... — шепнула Софи.

Потом они пешком двинулись мимо остатков Третьего бастиона, вдоль полузасыпанных траншей и батарей. Пересекли глубокую Лабораторную балку, перешли Пересыпь, где еще заметны были остатки батареи Сталя. И наконец по вырубленной в пластах известняка лестнице поднялись к площади, где белели развалины городского театра. Американцы держались молодцами. Софи только с сожалением поглядывала на усеянный колючками и перемазанный сухой глиной подол.

Коля тоже почти не устал. К тому же, он был здесь хозяин.

— А вон там, за театром, дорога к Мачтовому бастиону. На нем воевал граф Лев Толстой, который написал про Севастополь и еще много чего... Это совсем недалеко.

— О да! — закивал мистер Клеменс. — Мы должны туда... непременно... — И вдруг что-то тихо сказал Софи.

— Сэм говорит, что просит у вас прощения, Ник, — сообщила она.

— За что? — изумился Коля.

— За несерьезное поведение. Он понимает, в какие героические места попал, но порой поддается своему легкомысленному характеру...

— Да ладно... — растерянно буркнул Коля. И повел легкомысленного Сэма и Софи на бастион — туда, где весной случилась стычка с «корабельщиками» и где взорвали гранату.

Здесь вперемешку лежали полуистлевшие мешки с землей, громадные корзины со щебенкой, орудийные стволы, разбитые лафеты. Между ними проросли высокие красногловые колючки.

Спустились в ров.

Мистер Клеменс опять превратился в прежнего Сэма:

— Там что? — он азартно смотрел на квадратные норы.

— Минные галереи...

— Туда можно?

— Лучше не надо. Были случаи, когда люди терялись. А кое-кто даже подрывался.

— Но если недалеко...

— Сэм, — категорически произнесла Софи. — Если вы сделаете туда хоть шаг, я немедленно покину вас. И уведу Ника! — Она, забывшись сказала это по-французски, но тут же перевела.

— Слушаю и повинуюсь, — горестно покорился Сэм, — это было ясно без перевода. Затем он все же сказал: — Чисто женская паника... У меня достаточный опыт подземных путешествий. Еще в детстве лазил... Рядом с нашим городком есть удивительнейшая пещера с массой запутанных коридоров, и вот мы с мальчишками... И не только с мальчишками кстати...

— С кем же еще? — подзадорила Сэма Софи, незаметно уводя его от опасного места. И, конечно, все переводила Нику.

— Если хотите знать, это история моей первой любви. Я был как Ник. И она... Ее звали Бетси... Чтобы показать, какой я герой, я увел ее в пещеру на прогулку и сделал вид, что заблудился. Бедная Бетси ударилась в слезы, но я поклялся, что отыщу выход, если она... да, если она поцелует меня. А я ее. И мы поцеловались и даже объявили себя обрученными, хотя не совсем представляли, что это значит... По правде говоря, я и в пещеру-то с Бетси отправился потому, что целоваться на свету у меня не хватало смелости... А заблудиться по-настоящему я не боялся, поскольку прихватил с собой моток толстой нитки от воздушного змея. Один конец привязал к кустам у входа, а другой незаметно разматывал за собой. Бетси ничего не заметила, потому что несла свечку и боялась, что она погаснет...

— А дальше что? — с неподдельным интересом спросил Коля.

— Потом, конечно, мы выбрались. И Бетси объявила меня героем и самым смелым мальчиком в нашем штате. И мы поцеловались еще... Но через месяц она с родителями переехала в Коннектикут, и это была моя первая в жизни душевная драма. Увы...

В конце этого рассказа они опять оказались на площади у театра. Здесь мадемуазель Софи увидела извозчика, который только что привез сюда троих англичан. И сообщила, что ноги у нее ничего не чувствуют и она умирает с голоду.

— Немедленно на пароход!.. Но сначала отвезем домой Ника, он устал не меньше нас...

— Мерси, мадемуазель Софи. Я живу совсем недалеко, мне проще пешком... Извозчик!

Тот послушно подкатил.

— Доставите господ на Графскую, там кликните им яличника, чтобы отвез на «Грейт Миссури»...

Софи подержала двумя ладонями правую руку мальчика.

— Ник, у меня в Чикаго есть такой же, как вы, брат. Чуть помладше. Я буду ему рассказывать про вас... Сэм!

— Да-да... — Тот полез за пазуху. Достал большущую пятидолларовую монету. — Вот...

Коля без обиды, но решительно покачал головой.

— Благодарю, господа, не надо. Вы были гостями...

— Но... — Сэм заговорил быстро и убедительно.

— Ник, он объясняет, что это не плата, а просто подарок. На память. Больше у него ничего интересного нет. И у меня...

— Ничего и не надо. Я запишу про нашу встречу в своем журнале, вот и будет память...

...Он и правда записал вечером:

«М-ль Софи и м-р Клеменс то есть Сэм. Он был конфедератом, но не долго. Они вовсе не жених и невеста. Дорога на Малахов как в Америке. На Четвертом бастионе, Сэм хочет в галерею. Как он и Бетси в пещере (секрет). Ножик»...

А «ножик» вот почему. Схватившись, Сэм вытащил из брючного кармана плоский «складешок» с жестяной рукояткой.

— Вот...

— Ник, Сэм говорит, что этот нож у него с детства. И в той пещере он был с ним. Вещь простенькая, но... возможно, она приносит мальчикам удачу.

Это было другое дело!

— Сэнькю, Сэм!

Колина ладонь утонула в крепкой ладони Сэма.

Извозчик нетерпеливо кашлянул...

Коля помахал вслед коляске которая торопливо покатила меж выбеленных солнцем руин Екатерининской. Было немного грустно. Он покачал на ладони ножик. В самом деле простенькая вещица, будто из ближней скобяной лавки. Если бы не выбитые на плоской ручке заграничные буквы: BARLOW...

Каменный капкан

Коля, разумеется, рассказал приятелям про лаз под камнем-качунном. И про свои догадки. В то, что Девичья бухта и есть Синекаменная, ребята поверили не сразу. Но почесали затылки и... рассудили, что такое может быть.

Ну, а сговаривать народ на экспедицию долго не пришлось. В конце концов, любой подземный ход, любой лаз под скалами обещает приключения и тайны. Если и не удастся найти золото с «Македонца», чтобы помочь Маркельчу, то, может быть, отыщут что-то другое. Например, флаг и вахтенный журнал — их Новосильцев с матросами тоже мог спрятать под землю.

В путь собрались с утра. Взяли еду, корабельный фонарь, заправленный деревянным маслом. Заранее купили в рыночной лавке моток суровых ниток длиной сто саженей. Про-

давец, конечно, решил, что мальчишки будут запускать змея...

Саше про этот поход Коля не сказал. Все равно она с мальчишками под скалы не полезет («страх такой!») да еще и Тё-Тане может проговориться с перепугу. Зато Жене пришлось рассказать про недавнюю прогулку с Сашей. Во всех подробностях.

— Жень... ты не обижайся, что мы тебя не позвали. Просто... так получилось...

Женя не обиделся. Он был понятливый.

До бухты добрались меньше, чем за час. Это определили, зажавши в пальцах травинку, как солнечную стрелку. Коля удивился — так быстро! Когда ходили с Сашей, дорога казалась удивительно длинной.

...Потом Коля с друзьями облазит все эти места вглоть до Херсонесского мыса, где стоит белый каменный маяк. Обойдет по берегам Стрелецкую, Камышовую и Казачью бухты. Будет искать добычу среди остатков французского лагеря-городка, который назывался «Камьеш». И Девичья-Сине-каменная бухта станет казаться ему совсем ближней, ну прямо рядом с домом. И все-таки первую вылазку в Херсонес, когда бродили там с Сашей, все равно будет вспоминаться, как дальний поход...

В бухте никого не оказалось — день-то был не девичий. Поэтому, прежде чем лезть под камень-качун, решили искупаться. А куда спешить? К тому же, подземные поиски требовали сил и свежести, и бултыхание в мелких ласковых волнах должно было эти силы и свежесть налить в мальчишек «под самое горлышко».

Купались долго. Потом долго грелись на песке. Перегрелись, окунулись еще разок. А когда вышли на берег снова, Фрол глянул себе под ноги и озабоченно сказал:

— Ого...

*Как не скажешь «ого-го»,
Коля такое под ногой... —*

И быстро нагнулся. Стал разгребать мелкую гальку. И всем открылась ржавая бомба...

Впрочем, для бомбы снаряд был мелковат. Скорее, артиллерийская граната — вроде той, что взорвали на Четвертом бастионе. То, что не ядро, ясно сразу. Круглое запальное отверстие вызывающе чернело на выпуклом коричневом боку...

Фрол аккуратно взял находку в ладони. Покачал. Проговорил задумчиво:

*Баю-бай, прошли все войны.
Баю-бай, лежи спокойно...*

Коля мельком подумал, что у Фрола это, пожалуй, самые удачные стихи. Но спокойно от такой мысли не стало. Коля сказал сумрачно:

— Тимберс, на кой черт ты ее вырыл? — И тут же незаметно сцепил пальцы: поминать черта в таком положении не стоило.

— А если кто другой выроет? — рассудительно отозвался Фрол.

— Ай, куда ее теперь? — боязливо спросил Ибрагимка.

— Зарыть поглубже, — предложил Женя. — Так, чтобы никто не нашел.

— Давайте рванем! — загорелся Макарка.

— Запала-то нет, — напомнил Федюня.

— Можно утопить, — заметил маленький, но рассудительный Савушка.

Фрол, однако возразил, что на мелком месте топить эту штуку не резон, а на глубину с ней не доплывешь. Лучше все-таки взорвать. Забраться на обрыв и сверху шархануть о камни. Может быть прохнет...

«Это будет третий взрыв в моей жизни», — подумал Коля. И от нехорошего предчувствия заглодело внутри. Потому что известно всем, что на третий раз что-то обязательно случается. Но спорить он не стал, только сцепил пальцы покрепче.

Скальными крутыми тропинками снова поднялись на отвесный берег. Фрол при этом бережно держал снаряд у груди. Коля и Федюня готовы были подхватить Фрола сзади, если вздумает загреметь вниз со своим опасным грузом.

Фрол, однако, не загремел, он был ловкий. И Колино предчувствие тоже не оправдалось. Когда Фрол скомандовал всем «подалее от края», швырнул гранату на нижние береговые камни и отскочил сам, из бухты не донеслось ни звука.

Осторожно глянули вниз. Граната, отскачившая от камня, черной ягодой виднелась на песке.

Спустились. Обступили гранату.

— Не хочет... — сказал про нее Фрол, как про живую.

— Давайте еще раз, — нерешительно предложил Федюня.

— Это опять, что ли, переть наверх? — сказал Поперешный Макарка. — А потом опять сюда, если не строхает?

Все, задрал головы, посмотрели на кромку обрыва. Над ней двигались плотные кучевые облака. Было душно. Совсем недавно купались, а теперь опять плохо дышалось от жары. В бухте среди каменных отвесов было горячо, как в недавно истопленной печке. А над морем легла по горизонту сизая мгла.

Нет, второй раз лезть наверх никто не хотел. Да, к тому же пора было заняться главным делом.

— А если пальнуть по ней из пистоля? — предложил Ибрагимка.

— С издаля не попадешь. А ежели с близи, то самого, кто выстрелит, побьет осколками. Не будешь ведь целиться, спрятавши башку...

Фрол мягко уложил гранату в свою сумку из мешковины,

которую носил через плечо. А пистолет, который до этого был в сумке, затолкал за широкий матросский ремень.

— Ты что, Тимберс, так и будешь ходить с гранатой на боку? — безразличным тоном сказал Коля.

— А куда же ее девать? Вернемся домой — выберем момент и рванем гальванической искрой...

— А сейчас-то зачем таскать с собой? Спрячь где-нибудь, — предложил Женя. Но во Фроле проснулось упрямство. С ним бывало так иногда. Вроде советуешь ему правильно, а он упрется вопреки этой правильности и хоть лбом его колоти о шлюпочный киль. И теперь он только погладил сумку по округлившемуся боку.

— Зачем прятать-то? Потом сызнава и не сыщешь. Надежнее, когда при себе...

Это было глупее глупого. И рисковано и тяжело тащить вверх такую тяжесть. Но Тимберса разве переспоришь? Да и никому не хотелось казаться слишком боязливым.

Коля все же попросил:

— Ты тогда держись подальше от других.... — Это была вроде бы шутка, но в то же время и просьба: «Поосторожнее...»

— Да не вздрагивайте, — хмыкнул Фрол. — Если при бросании не спрохала, то в сумке-то с чего ей взрываться? Сроду такого не бывало...

— Тогда смотри хотя бы, не зацепи за камень, — сказал Женя. Фрол только повел плечом: не учи, мол, ученого...

Стали вновь подыматься по уступам узкой тропинки. Взмощие, добрались до камня-качуга. Заглянули под него. Из черной щели приятно веяло холодком. Однако ясно было, что пробраться в лаз можно только ползком.

Фрол полез первым. Лег на каменную «губу» под нависшим камнем и заелозил по ней животом. А сумку осторожно двигал перед собой. Даже здесь не расстался с ней. Почему? Может быть, он что-то предвидел?.. Как потом все благодарили судьбу за это непонятное упрямство Тимберса...

Один за другим пролезли в прохладный сумрак остальные (Савушка опасливо сопел; ему предлагали подождать снаружи, но он про такое и слушать не хотел).

Сразу за щелью пространство расширилось. Можно было даже стоять, если пригнешься.

Федюня, который притащил с собой круглый корабельный фонарь, деловито сказал:

— Фрол, давай-ка огонька...

Фрол заколотил осколком по кремню (солнце сюда не попадало, линза не годилась). Трут на сей раз не капризничал, загорелся исправно. Засветили под выпуклым стеклом фитиль. В желтом свете выступили грубо отесанные стены. Большущие ломаные тени зашевелили на них руками-щупальцами. «Вот они призраки...» И Коля с легким ознобом понял, что пришло время настоящих приключений. Как в рассказах из журнала «Земля и море».

Федюня с фонарем пошел впереди. Коля за ним, потом

Женя. Как там выстроились остальные, Коля не видел. Заметил только, что Фрол со своей сумкой шел позади всех, в небольшом отдалении...

Каменный потолок стал повыше, можно было не пригибаться

— Федор, ты не спеши, — сказал Коля в спину Федюне. — Освещай помаленьку все стенки. Вдруг тут где-нибудь тайник... — И от собственных этих слов сердце у него взволнованно затюкало.

Но тайника не было. Не было видно ни единой щелки на бутристой поверхности известняка. Коля костяшками пальцев стучал по камню, но звук был тупой и тихий, не выдававший никакую пустоты.

«Ладно, — утешал себя Коля. — куда-то этот ход все равно приведет. Может быть к пещере или таинственному колодцу...»

Шагов через тридцать ход круто, буквой «Г», повернул направо. А еще через два десятка шагов все остановились. Впереди была решетка.

Состояла решетка из вертикальных прутьев, тянувшихся сверху донизу. Ржавых, но крепких. Железные эти прутья... да и не прутья даже, а брусья в два пальца толщиной, расположены были не столь уж часто, однако не пролезть никому, даже Савушке.

Конечно решетку подергали, потолкали, но она не шелохнулась. За ней был мрак. Во мраке наверняка скрывались тайны и, может быть, сокровища, однако попасть к ним было невысказанно. Возможно, где-то прятался механизм отпирания, известный лейтенанту Новосильцеву. Но где? И что за механизм? Брусья казались намертво впаиванными в камень внизу и вверху.

Коля, Женя и Фрол при свете фонаря ощупали стены и каменный пол — не найдется ли выступ, который поддастся нажатую? Не откроется ли углубление с хитрым рычагом? Все напрасно...

— В общем, приехали, — с ядовитой ноткой подвел итог Фрол. — Его благородие были не дурак, заперли за собой ворота накрепко...

Коле хотелось заскулить от досады. И от виноватости. Притащил друзей в такую даль, а зачем?.. Никто Колю не упрекнул ни полсловечком, но от этого было не легче. И с отчаяния Коля предложил:

— А может быть, рванем? Не зря Тимберс бомбу таскал.

Но Фрол на сей раз повел себя разумно. Сказал, что мысль дурная. Взрыв едва ли разворотит брусья, сила его уйдет сквозь решетку, а вот каменный свод может обвалиться. И тогда уж сюда никто никогда больше не попадет.

Коля уныло сказал:

— А зачем попадать-то? Все равно за решетку не сунешься.

Фрол возразил, что можно где-нибудь разузнать секрет. Или раздобыть специальные пилы.

— Такие, которыми раньше узники пилили решетки в башнях, когда убегали...

Но и Коля и другие понимали, что это пустые слова. Где раскопаешь секрет? Где достанешь такие пилы? Да и будет ли охота возиться? После первой неудачи интерес пропадает, а остатки его заслоняются другими делами.

Все разом притомились. Захотелось под открытое небо, на солнце. Можно снова искупаться, смыть усталость и досаду...

Но солнца снаружи не было. Когда выбрались из-под камня, оказалось, что недавние кучевые облака сошлись в потемневшую тучу, сизая мгла от горизонта придвинулась к самой бухте. В туче проскочила кривая молния — такая же ярко-голубая, как искра от батареи Фрола. Зарокотало. Стукнули редкие капли. Потом ударил такой ветер, что легонького Савушку чуть не снесло с площадки — в него вцепились сразу несколько рук.

Фрол хмыкнул.

— Пришла беда — отворяй ворота... Нам теперь ни вверх, ни вниз соваться не след. Промокнем до нитки, а то и сметет под обрыв. Лучше отсидеться под «крышей»...

И все опять забрались в темную щель.

Снова зажгли фонарь.

А снаружи теперь свистело, гремело, и косой ливень полностью заслонил за щелью пространство.

Эта была стремительная гроза — из тех, что приходят не издалека, а быстро собираются над побережьем, выстраивая тучу прямо над головами, в зените. Они бешеными смерчами атакуют берега. И заранее предсказать нападение такой грозы не всегда могут даже опытные моряки...

Стало сыро и зябко. В щель залетали брызги. Все отодвинулись. Сели плотным кружком, поставили посреди него фонарь. Лица в желтом свете казались похudevшими и очень озабоченными.

— Как вы думаете, надолго это? — спросил Коля. Он такой удар здешней погоды видел впервые.

— Не надолго, — зевнул Фрол. — Такие грозы — скорые. За час, небось, отремнит.

«Час — тоже немало, — подумал Коля. — Ну да ладно. Зато похоже на приключение. Как путешественники в африканских горах... Только не опасно ли это»? Но спрашивать про опасность, конечно, не стал.

Ветер смешанным с брызгами шквалом ударил в убежище. При этом в щели вслыхнуло и грохнуло с такой силой, что Коля вскопчил. Брякнулся теменем о низкий свод. Никто на его испуг не обратил внимания — потому что испугались не меньше.

— Давайте, уйдем за поворот, — жалобно сказал Федюня и взял фонарь. Никто не спорил. Гуськом ушли за крутой изгиб коридора. В жидком свете опять проступила та окаянная решетка, зато здесь было не страшно. Какая гроза пробьется сквозь скальный массив!

Теперь удары грома были приглушенными, шум ливня стал тише и ровнее, вой ветра казался отдаленным.

«А может быть, гроза и правда ослабела?» — Коля хотел подползти к повороту и выглянуть. Женя осторожно придержал его за рукав:

— Не надо.

— Я только... — И в этот миг встряхнулась вся каменная толща.

Видимо, удар молнии пришелся где-то совсем близко. Может быть, прямо у входа в подземелье. Скальная порода не смогла на этот раз приглушить грохот — он прокатился по коридору, ушел за решетку и стих лишь очень далеко в каменных глубинах. Эхо его катилось уже в полной темноте — пламя фонаря от удара заметалось и погасло. Почему-то запахло жженой травой.

Все с полминуты молча прижимались друг к другу. Потом захныкал Савушка.

— Ну-ну, без нытья, — сказал в сумраке Фрол. Голос его был необычно тонким. Слышно стало, как Фрол бьет кресалом о кремень. Бил он долго и часто — наверно руки у него тряслись. Искры летели слабые...

Наконец трут затлеел, дал огонек. Снова зажгли фонарь. Савушка тер глаза. Женя сидел, закусив губу. Ибрагимка ладонями сжал щеки и равномерно покачивал головой, глаза его были закрыты... А Коля вдруг услышал, что гул грозы слабеет со скоростью отходящего поезда... Ну и в самом деле пора — хватит уж таких страхов!

Коля на четвереньках подобрался к повороту (Женя теперь не удерживал). Высунул голову. Он думал увидеть если не пробившийся солнечный свет, то по крайней мере струи дождя в пасмурном воздухе грозы. Но мрак был тот же, что и сзади, у решетки.

— Ребята... — осевшим голосом позвал Коля.

Камень, веками торчавший над обрывом и безвредно качавшийся в своем гнезде, сейчас не выдержал попадания молнии. Может быть надломился в скале его корень, как порой ломается в десне корень зуба от крепкого боксерского удара. Многопудовый «качун» всей своей тяжестью осел на торчавшую под ним каменную губу.

Щель все же светилась, но была она теперь еле приметной, шириной в два-три пальца...

Впрочем, когда гроза ушла, щель засветилась ярче, впуская отраженные от скал солнечные лучи. Только от этих лучей не было радости. Тоска была, потому что капкан захлопнулся накрепко. Попробуй сдвинь могучую глыбу!..

Конечно, пробовали. Дружно налегали ладонями на камень: «Раз-два, ухнем! Е-ще раз!..» И раз, и два, и, наверно, тысячу... Глыба лишь чуть покачивалась вверх-вниз — видимо, это было ее памятью о прошлых размашистых качаниях...

Савушка опять захныкал, Фрол сердито цыкнул на него. — Тимберс, ты чего кидаться на малого! — с непривыч-

ной злостью вскинулся Федюня. — Сам затащил сюда всех, а теперь...

— Я затащил?! — взъелся Фрол, словно только и ждал, чтобы сорвать досаду. — Их благородие барон фон Вестенбаум затащили!

— Он первый раз, а ты сызнава, перед грозой! — плаксиво заспорил Макарка. — Лучше бы промокли, чем помирать здесь!

— Ай, зачем помирать? — осторожно сказал Ибрагимка. — Спасаться надо...

— Позови своего Алима, он спасет... — буркнул Фрол.

Тогда заговорил Женя Славутский:

— Ребята, мы же еще зимой, в погребке, обещали не осориться...

— То в погребке, а то здесь! — сварливо откликнулся Макарка. — Здесь хоть кто злей собаки станет.

Женя сказал убедительным тоном:

— Нельзя нам злей собаки. Если мы перегрыземся, не будет спасения. Надо дружно...

«Женька прав... Но как быть-то? — прыгали у Коли мысли. — Хоть дружно, хоть еще в сто раз дружнее, камень не столкнешь... Может всем вместе закричать изо всех сил? А кто услышит? Если и придут девчонки, то не раньше, чем послезавтра... Да и едва ли услышат на такой высоте, из-за камня. А если и услышат, убегут, решат, что их дразнят или пугают. «Ой, страх какой!» Саша может вспомнить про камень, догадается, что мальчишки отправились сюда. Но это лишь тогда, когда их хватятся. А хватятся не раньше вечера. И сперва будут искать по улицам, ходить от одних родителей к другим, а там и ночь наступит. Значит, помощь придет не раньше утра. Это в лучшем случае... А если Саша не догадается?... Кроме нее про щель под камнем не знает никто... Через несколько сотен лет ученые-археологи отвалят на обрыве камень и найдут семь маленьких скелетов. «Наверно, уважаемые коллеги, здесь был детский склеп времен эллинской культуры...» Тьфу, дурак!» — И Коля уже нарочно стукнулся затылком о каменный потолок.

И услышал, как Женя говорит негромко и веско:

— Наверно, Фрол, пришло время для твоей гранаты. Не зря тащил...

И Фрол с той же серьезностью согласился:

— Значит, не зря.

Сразу все стали опять дружными и деловыми.

— А чем запалить-то? — спросил Федюня. — Кабы фитиль...

— У меня маленько пороха с собой, — сказал Фрол. — На два пистолетных заряда. Скрутим из бумаги сигарку, сунем в запал. Сработает небось... У кого есть бумажка?

Ни у кого не было. Даже у Жени, который часто таскал в кармане маленькие листки и карандаш для беглых рисунков.

— Вот незадача! — стремительно впал в досаду Фрол. —

Неужто ни у кого ни клочка? Сейчас бы любую ассигнацию не пожалел, Ей-Богу...

Тогда Коля полез в карман...

Он и сам не знал, зачем постоянно таскает с собой вырезанное из газеты стихотворение. То ли как талисман, то считал это доброй приметой. Положил однажды и с той поры вынимал только перед стиркой... А может, не случайно все это? Также, как не случайно граната Тимберса?

Он протянул Фролу протертый на сгибах газетный кусок. Думал, Тимберс усмехнется, узнав стихи, но тот серьезно кивнул.

Пороховая сигарка получилась тугая, аккуратная. Толщиною в самый раз для запального отверстия. Фрол осторожно ввинтил ее.

Гранату подложили под камень. Там снизу нашелся в одном месте неглубокий проем (неужели опять не случайно?). Шевельнули глыбу, насколько она позволяла, вверх, отпустили, и она прижала снаряд к каменной площадке.

Но теперь открылась новая трудность. Пороху-то осталось всего ничего. Надо было протянуть к запальной трубке пороховую дорожку, чтобы поджечь издалека, из укрытия, а получилась дорожка всего с аршин, как ни экономя.

Фрол шепотом выругался по-матросски. Все долго и озадаченно смотрели то на порох, то друг на друга.

— А если выковырять из пистолета? — предложил Савушка.

— Как из него выковыришь... — сумрачно сказал Фрол, — там пьж забитый. Да и толку-то. Хватит еще на полстолько... Ладно, ребята, я... вот что... Вы давайте за угол, а я зажгу — и следом. Небось, успею...

— Не вздумай, — непреклонно сказал Женя. — Сработает вмиг, тебя разнесет.

Тогда Коля спохватился:

— А если фитиль?!

Все посмотрели на фонарь.

— Да я не про этот! — Коля только сейчас вспомнил про нитки. Вот ведь голова дырявая! Специально покупал, чтобы не заплутать в подземелье, а когда полезли в щель, забыл про них, не зацепил у входа, как собирался. — Где клубок-то?

Клубок нашелся в сумке у Фрола.

— Станет ли гореть? — усомнился Фрол.

Коля возбужденно сказал:

— А если фонарным маслом пропитать? Оно горючее!

Для пущей надежности решили сплести фитиль из нескольких ниток. Очень хотелось на свободу, но лучше уж все сделать как надо, чем из-за спешки провалить дело. Растянули нить от выхода до поворота раз, другой, третий... Так, чтобы рядом легли восемь прядей. Сплели их между собой. Молча работали пальцами, путались иногда, но не досадовали друг на друга. Только слышалось частое дыхание.

Из оставшихся ниток Фрол свил еще кусок, длиной в

сажень — для пробы. Пропитали его маслом и зажгли подалее от пороха. Получилось! Жаркий огонь взметнулся и пробежал по нити за две секунды. А от изгиба коридора до гранаты было саженной десять — значит, двадцать секунд.

Вновь приоткрыли горящий фонарь. Осторожно, неторопливо протянули сквозь емкость с маслом длинный фитиль. Снова разложили на полу. Снаружи, видимо, разгулялось вымытое грозой солнце. Теперь из-под камня пробивался яркий свет. Гранату и место вокруг нее было видно без фонаря. Фитиль концом положили на пороховую дорожку, тянущуюся к запалу.

Все, конечно, боялись: получится или нет? Если граната не рванет, надежды не останется. А если рванет, но не сбросит камень?.. Или вдруг от взрыва обвалится весь проход?.. Впрочем, такие мысли были у Коли. А какие у других, он не знал. Каждый молчал. Наверно, чтобы не слазить...

— Ну, пошли за угол... — как-то нехотя, насупленно проговорил Фрол. — Больше ждать нечего. — Конечно же, он боялся не меньше остальных. И почуяв это, все послушались без спора.

За поворотом сгрудились у фонаря.

— Ну-ка давайте все подалее! Чтoб никто не вздумал сунуться из-за угла! Вмиг башку снесет...

Все отошли на пару шагов.

— Кольчик, помоги, — вполголоса попросил Фрол. — Откинь стекло, а я запалю...

Коля отвернул набок шаровидное, в крупной железной сетке стекло. Коля сунул в широкий язык пламени конец фитиля.

Огонь вцепился в фитиль сразу. И помчался по нему скачками, словно отмеряя сажень за саженью.

— Назад!! — гаркнул Фрол на мальчишек, вытянувших шеи. Послушались все, кроме Коли. А Коля из-за плеча Фрола продолжал смотреть на бегущий огонь. Спрятаться можно будет в последний миг.

Свет из-под камня стал еще ярче. Он рассеивался в воздухе, отражался от желтого известняка боковой стены. Граната была видна отчетливо. Рядом с ней сидел крупный серый котенок.

«Откуда?.. Не может быть!.. Вот не повезло бедняге... Он ничего не почувствует... Будут красные брызги... Ни за что не успеть!..» — Такие мысли прыгали в Колиной голове, когда он прятал ее за каменный выступ.

Это ему казалось, что прятал. А ноги несли к котенку.

— Назад!.. — очень слабо, откуда-то из дальней дали кричал ему в спину Фрол.

Коля обогнал пламя... Самым трудным было, схватив котенка, погасить в себе скорость и набрать ее снова — в обратном рывке... Он налетел на Фрола, упал на него, перекатился, ожидая в этот же миг услышать позади могучий удар. Но было тихо.

Котенка Коля не выпустил. Тот не врывался, только под шерсткой мелко стучало маленькое кошачье сердце. У Коли тоже стучало. А больше ничего не было слышно.

— Загасло, что ли? — наконец озабоченно сказал Федюня. И сунулся, было, из-за угла.

— Назад! — рявкнул опять Фрол. Он уже не смотрел на фитиль, сидел в укрьтии. Сказал уже спокойнее. — Обождем минуту, потом пойду, гляну...

«Это я на бегу погасил фитиль! — с ужасом подумал Коля. — Что же будет? Ниток больше нет, а... — И в этот миг грянуло.

Коля слышал взрыв третий раз в своей жизни. Однако, прежние два звучали приглушенно, почти не страшно, а этот резким треском рванул барабанные перепонки. Свистнула и врззалась в каменную стену у поворота щебенка. Фонарь подскочил, упал на бок и погас. И все упали вниз лицом. И Коля. Правда не плашмя, а на локти, чтобы не придавить котенка. Тот сипло мяукал.

Переждав звон в ушах, Коля поднялся на колени. В каменном коридоре стоял рассеянный свет. Коля с котенком на руках вслед за Фролом вышел из-за угла.

Глыбы на входе не было. В большом проеме клубился пыльный дым. Сквозь него пробивалось влажное солнце.

Та самая девочка?

К вводе спускались долго. Скальная тропинка-лесенка стала скользкой — держись, не зевай! Всем было весело. Казалось бы, с чего? Далеко в подземный ход не попали, ни золота, ни каких-то следов лейтенанта Новосильцева не нашли. Но... ведь что-то все-таки нашли! Приключение, вспоминать о котором потом будут с азартным замиранием души. А еще — радость от того, что дружба оказалась крепче страха: не перессорились, не поддались унынию, вырвались к солнцу!

Солнце швыряло из-за скал тысячи широких лучей. Воздух оставался еще влажным, и лучи в нем были хорошо видны. Туча ушла в правую часть неба и громоздилась исполинскою горой. При солнце она была особенно темной, сизо-черной, но уже не пугала. Впереди тучи сияла громадная радуга.

В воздухе резко пахло водорослями, рыбой и солью. Он искрился мириадами рассеянных в нем крошечных капель. Они покалывали щеки, руки, ноги.

Все скакали вниз быстро и, пожалуй, чересчур бесечно. Федюня уронил фонарь — стекло вдребезги.

— Вот уж дед тебе покажет, как бить фонари! — предсказал Макарка, но без вредности, а так, дурачась.

— А вот и не покажет! Это не дедов фонарь, а наш, мы с Федюней его у пристани за Хрусталкой нашли! — звонко сообщил Савушка. И чуть не свалился, поскользнувшись, — Ибрагимка схватил его за шиворот.

— Ай, какой бестолковый...

Коле было труднее всех. Он держал у груди котенка. Женя двигался чуть впереди — готов был подхватить Колю, если тот вдруг споткнется.

Наконец спустились на песок. И лишь тогда стали разглядывать спасенного котенка, гладили, чесали за ухом. Приговаривали «у, какой мурластый», «хорошая киса»... Никто не сказал Коле, что он герой. И сам он про такое не думал. Хорошо, что все так закончилось. Он впитывал в себя ласковое урчание котенка и был счастлив. Только вот щиколотку жгло надоедливой болью. Кажется, пламя фитиля успело лизнуть Колю по ноге, когда он проскакивал к гранате. Коля потерял одну ногу о другую.

Фрол наконец сказал ему:

— Лихо ты рванул. Я сперва не понял, думал ты спятил. А потом смотрю, этот зверь... И откуда появился?

— Небось, в щель пролез, — догадался Ибрагимка. — Может, думал, что там птички гнезда.

— Он еще малой. Такие не охотятся, — сказал Федюня.

— Не такой уж малой, — сказал Макарка.

Котенок был взрослее того, которого Коля и Оленька нашли весной. Старше, наверно, как раз на те два с лишним месяца, что прошли с той предпасхальной ночи. Если сравнивать с человеческим возрастом, то Оленькин котенок был вроде Савушки, а этот — как Коля или Женя...

— Можно я подержу кису? — попросил Савушка.

Коля отдал котенка — тот пошел к Савушке охотно.

Послегрозовая свежесть таяла. В воздухе опять растворялось горячее тепло. Все решили, что пора снова искупаться.

— Смоем все страхи, — хмыкнул Фрол. — А потом уж перекусим....

Быстро скинули одежду — все, кроме Савушки.

— Я пока не буду. Подержу кошку, чтобы не убежала.

Все сочли это разумным. Только Макарка сказал:

— Это не кошка, а кот...

Купались долго. Коля наконец устал плавать и встал в прозрачной воде по горло. Закашлялся — мелкая волна дурашливо плеснула ему в открытый рот йодистой горькой солью. Рядом оказался Женя.

— Проглоти слюну, чтобы не так горчило.

— А, пустяки! Я люблю морскую воду.

— Какой ты молодец...

— А чего тут такого? — удивился Коля. — Морская соль полезна для здоровья.

— Я не про соль, а про котенка. Как ты здорово рассчитал! Как метнулся...

— Я ничего не рассчитывал! Я... меня будто толкнуло... Как тебя тогда на бастионе. Помнишь, ты говорил?

Наконец, все выбрались на берег. Попрыгали, чтобы выпрягнуть из ушей воду. Стали натягивать штаны и рубахи — жариться на солнце больше не хотелось, будет перебор... Савушка принес котенка Коле.

— Подержи теперь, я окунусь.

— Давай... Далеко в воду не заходи... — Савушка, конечно, умел плавать, но мало ли что, если один...

Женя опять стал рядом.

— А Татьяна Фаддеевна разрешит держать дома котенка?

— Я... не знаю. Разрешит, я думаю... А разве я должен взять его себе?

— А разве нет? Ведь ты же его спас. Он теперь тебе... ну, как родня.

— Ой, и правда... Ну, если родня, то обязательно разрешит. Только не надо ей говорить, как я его спас. А то ужас, что будет... Я знаешь, как его назову? Бусый... Буська.

Котенок на руках у Коли замурлыкал громче и стал тереться усатой щекой о синий галстучек на его груди.

— Ай, а где Савушка?! — звонко сказал Ибрагимка.

Место, где только что мелькала Савушкина голова, было пустым. Лишь рябила и сверкала под солнцем вода...

Федюня и Женя бросились первыми. Фрол следом. Потом и остальные. Коля оказался последним. Когда он забежал в воду по грудь, то понял, что до сих пор держит котенка. Метнулся обратно, посадил котенка на ближний камень и кинулся в воду опять. Запнулся, упал в волну с головой, поднялся и увидел, что Федюня и Женя — уже по пояс в воде — несут Савушку на берег. Остальные шли по сторонам.

Голова Савушки была откинута, глаза полужакрыты, руки и ноги болтались.

Едва ступили на берег, Фрол рывком положил Савушку себе на колено, крепко хлопнул по спине, запустил ему пальцы в рот. Из рта побежала вода, но Савушка не шевельнулась. Фрол бросил его спиной на песок, начал сгибать и разгибать Савушкины тоненькие руки. Видимо, он где-то слышал, как откачивают утопленников... Он старался изо всех сил...

А время бежало. Оно летело со свистом и звоном мимо Колиных ушей, в нем были нарастающий ужас и отчаяние. Потому что Савушка был по-прежнему неподвижный, неживой. Мертво белели из-под прикрытых век глазные яблоки... Коля смотрел будто сквозь мутноватое стекло. И в то же время замечал все подробности: громадно раскрытые, отчаянные глаза Федюни, закушенные губы Жени, плачущую гримасу Макарки, острые ключицы Ибрагимки под облепившей его рубашкой. И даже то, как спокойно, никуда не убегая, смотрит на все происходящее серый худой котенок.

«Можно, я подержу кису?» Ведь это было вот-вот, минутой назад! И вдруг... Господи, неужели Савушки больше нет? Почему?!

Фрол прекратил бесполезные движения. Постоял на коленях, согнувшись. Потом встал. То ли незаметно покачал головой, то ли просто уронил ее. Руки его висели вдоль мокрых штанов.

И все стояли вокруг Савушки. А он лежал со вздернутым острым подбородком и будто прислушивался к чему-то даль-

нему, нездешнему. Руки и ноги его до локтей и колен были очень темными по сравнению с ребристым щуплым тельцем. Словно Савушка недавно бродил на четвереньках в корабельном сурике.

«Больше он нигде и никак не будет бродить...»

«Это еще Савушка или уже не...»

Федюня вдруг завыл и упал рядом с Савушкой, головой ему на грудь.

Макарка тонко заплакал.

...— Эй, мальчишки, что у вас?!

От обрыва бежала девочка. В коротком белом платьице, с красной косынкой на шее, с черной ленточкой на светлых, отлетающих назад волосах. Она очень быстро бежала. Ремешчатые белые туфельки на длинных загорелых ногах мелькали, как клочки бумаги в потоке ветра.

Она с разбега растолкала ребят. Рванула за плечи, откинула от Савушки Федюню. Стремительно и гневно оглядела всех

— Вы что! Распустили нюни!..

Также, как недавно Фрол, она рывком положила Савушку животом себе на колено. Также запустила ему пальцы в рот. Сердито дернула спиной. Вода хлынула из Савушки снова — сильнее, чем в прошлый раз. Но он по-прежнему не дышал.

Девочка перевернула Савушку на спину. Ртом прижалась к его губам. Равномерными толчками дыхания принялась вгонять воздух в его тощенькую грудь... И грудь наконец шевельнулась. Савушка закашлял.

— Кашляй, кашляй. Полезно, — сказала она.. Савушка послушно стал кашлять еще. Девочка хлопнула его по щекам — справа и слева. Савушка наконец открыл глаза.

— Чего дерешься? — сигло сказал он. Девочка засмеялась.

Она приподняла Савушку за плечи, заставила сесть.

— Подержите кто-нибудь, чтобы не лежал больше. И пусть еще поглочет...

Федюня подхватил брата за спину.

Савушка не плевал. Он растерянно оглядывал мир, в который только что вернулся. Потом заулыбался.

— Я, что ли, чуть не потонул, да?

Девочка засмеялась:

— Теперь все в порядке...

Она быстро огляделась.

— Буська! Вот ты где, бродяга!

— Мр-р... — сказал с камня котенок.

— Я думала, ты просто так сбежал, а ты... Вот молодец!

— И подхватила котенка на руки. Потом опять посмотрела на мальчишек. Сквозь упавшие на лицо легкие волосы.

— Оленька... — тихонько сказал Коля.

Она отдула волосы, встретилась с ним глазами. И этими глазами — серыми и лучистыми — сказала ему: «Здравствуй».

— Этот тот самый Буська? — все также тихо спросил он.

— Конечно, — улыbnулась он. И сразу стала озабочен-

ной: — Ладно, мне пора. «Барабанщик» сейчас отходит от пирса...

— Какой барабанщик? — всхлипнув за ребячьими спинами, сказал Макарка.

— Теплоход так называется. Наш, ребячий... — Она снова шагнула к Савушке, тронула зачем-то пальцем его скатый кулачок, махнула рукой и побежала к обрыву. Придерживала на плече Буську.

— Оленька! — сказал Коля. На этот раз громко. Она обернулась на миг, снова махнула ладонью и скрылась за выступом скалы, где, видимо, начиналась тропинка.

Савушка в этот миг заревел. Негромко, но чисто, без кашля. Все, конечно, кинулись к нему?

— Ты чего?

— Напугался?

— Болит что-то?

— Зачем вы ее сюда пустили! — ревел Савушка

— Кого?

— Её... Она девчонка, а я голый...

Всех разом одолел смех. Не удержаться.

— Чего ржете, как жеребцы! — зашелся обидой Савушка.

— Нарочно позвали, да?

— Дурень, — сказал Фрол. — Она тебя от смерти вызволяла. — Было ли ей время тебя разглядывать?

— А и не надо разглядывать, когда и так все видно!.. — не унимался Савушка.левой ладонью он запоздало прикрывал низ живота, а правым кулачком растирал по щекам слезы.

Счастливый Федюня напомнил брату:

— Совсем бестолковый! Ты же в том году вместе с Анфиской купался и не думал ни про что...

— Это в том году, а не в нынешнем... — упрямо гудел Савушка.

Фрол наконец разозлился:

— Хватит пускать соленую воду! Рядом и так целое море! Скажи спасибо, что не потонул!

— Лучше потонуть, чем такой срам...

— Тьфу на тебя! — взвинтился старший брат. — Вот как вмажу по транцу! — Он плюнул на ладонь и, наверно, вмазал бы. Но рядом с Савушкой сел на корточки Женя.

— Не плачь. Она вовсе ни про что такое и не думала. Потому что это... ей все равно. Она ведь не девочка...

— А кто? — Савушка замахал сырыми ресницами.

— Она — ангел.

Савушка перестал мигать. Округлил глаза.

— Сам ты ангел, — неуверенно сказал он. — Врешь все...

— Не вру. Вот Ей-Богу правда, — Женя перекрестился.

Федюня сказал насупленно:

— Зачем ты малого сбиваешь столку? Да божишься еще...

Ангелы — они Божьи, врать про них грех...

— Да разве я вру? — Женя снизу вверх глянул на ребят. — Вы сами-то разве не видели? Она же не по земле бежала, а

по воздуху. И... сквозь нее камни и море были видны. Неужто не заметили?

— Ай, вроде бы я заметил... — нерешительно сказал Ибрагимка.

— Ни-че-го ты не заметил! — строгитивно ввинтился Макарка. Женя встал.

— Если она простая девочка, то откуда взялась? И куда девалась?

Фрол сказал неуверенно:

— Мало ли откуда? Из любопытства спустилась с обрыва да обратно поднялась...

— Где поднялась-то? — спросил Женя. Негромко так, будто жалеючи всех. — Идите... — Он пошел к скальному выступу, за которым скрылась девочка. Оглянулся. — Ну, идите же сюда. Смотрите...

Все подошли. Даже Савушка приковыляла на все еще слабых ногах. За выступом не было ни тропинки, ни ступенек. И никакой щели. Был только голый вертикальный срез известняка.

Все с минуту стояли и молча смотрели на гладкий камень. Потом по одному стали отходить на прежнее место. Остались только Женя и Коля.

— Все-таки это девочка, — осторожно, чтобы не обидеть Женю, — сказал Коля. — Это Оленька. Я ее знаю. Весной я помог ей отыскать котенка. У нее теплые пальцы...

Женя не обиделся. Но и соглашаться не стал.

— Ну и что же, что пальцы? Что же, что Оленька?... А того барабанщика звали Жан. По-нашему Ванюшка...

Обедать никому не хотелось. Только Савушке дали кусок колотого сахара, чтобы сладил во рту и горле горечь и соленость. Помогли ему натянуть штаны и рубашонку.

— И как тебя угородило? — подступил наконец к причине страшного происшествия Фрол. — Мы мигнуть не успели, а тебя уже нет! И сумел враз наплатиться...

— А я не знаю!.. Я нырнул маленько и гляжу — на дне, на голом камне что-то круглое. Гудзик или денежка. Меня к нему кто-то будто потянул. Я его ухватил... А после ничего не помню...

— Теперь и не узнать, что за гудзик тебя чуть не утопил, — проворчал Федюня.

— Как же не узнать? Вот он... — Савушка протянул скатый кулак.

— Что у тебя там? Разожми! — велел Федюня.

Савушка виновато сказал:

— А не разжимается... Никак...

Савушкины пальцы, сведенные крепкой судорогой близкой гибели, разжимали долго и осторожно. Федюня, Фрол, Коля. И ждали, что в руке у Савушки окажется ржавая французская пуговица или черная херсонесская монетка. Но пальцы наконец разомкнулись, в глаза брызнул чистый желтый блеск.

На ладони лежала золотая монета.

Она была большая, размером с российский серебряный рубль. И совершенно чистая. Без всяких прилипших чешуек, песчинок и темных пятен. Словно ее только что вынули из под штампа. На одной стороне отчеканен был профиль какого-то полководца в античном шлеме и надпись греческими буквами: ЭЛЛАДА. На другой — два кентавра. Один — крупный, с курчавой бородой, второй — тонконогий кентавренок-жеребенок. Они стояли рядом, но головами в разные стороны. И кентавр-мальчишка оглядывался на пожилого будто с вопросом: «Ты разрешишь мне поскакать, порезвится?»

— Ай, как живые, — восхищенно выдохнул Ибрагимка.

Фрол задумчиво сказал:

— Правду сказывали, что в Синекаменной бухте случаются чудеса... Вот, нашли все же сокровище. Теперь Савушка с Федюней богачи...

— А почему — они?! — вскинулся Макарка. — Ты ведь тоже Савушку вытаскивал! Значит, и твоя добыча! И другие помогли...

— Ох уж «помогали», — сказал Коля, вспомнив себя с котенком на руках.

— Больше всех девочка помогла, — хмуро напомнил Федюня.

Фрол усмехнулся:

— Где она, та девочка? Да ангелам золото и ни чему. Правда, Женя?

Женя рассудительно сказал:

— Савушка монету нашел. Ему и решать.

Савушка всех обвел влажными блестящими глазами.

— Вы разве забыли?! Говорили же: если золото найдем — Маркельну на корабль!

Монету завернули в мятый, но довольно чистый Колин платок (у других, даже у Женки платков не было). Положили в сумку Фрола, на самое дно. Фрол проверил, хорошо ли заряжен пистолет, вставил кремь. Если несешь сокровище, лишняя предосторожность не мешает.

Когда шли к городу, заспорили: хватит денег, полученных за монету, для покупки тендера. Хоть и золотая, хоть и большая, а все же одна...

— Давайте спросим у отца Андрея, — предложил Коля. — Это монах в здешнем монастыре, он вроде сторожа на раскопках. Все знает про древности...

— А не отымет этот сторож монету? — засомневался Фрол. — Вдруг скажет: казенная...

Коля уверенно мотнул головой:

— Не отнимет. Он не такой... И вообще, здесь особый случай. Ну, как сама судьба...

Решили зайти к отцу Андрею немедленно. Было по пути.

Ребята остались поодаль, лишь Коля и Фрол пошли к сторожке по тропинке среди густой полыни. Навстречу шел мужчина в длинном подряснике и скуфейке. Но не отец Андрей.

— Добрый день вам, — нерешительно сказал Коля.
 — Слава Господу... Далеко ли путь держите, отроки? —
 Монах был еще не стар, с густой бородкой и внимательными карими глазами.

— К отцу Андрею... Он дома?
 — К отцу Андрею? — Монах стал смотреть мимо Коли. —
 А ты, стало быть, его знал?
 — Почему «знал»? — упавшим голосом сказал Коля. —
 Разве...

Монах перекрестился.
 — Царство ему небесное. Славный был брат, добрая душа...

У Коли намокли глаза.
 — Я ведь говорил ему: надо к доктору... — выдавил он шепотом.

— Да не в докторе дело, — вздохнул монах. — Брат Андрей и с кашлем своим прожил бы не мало, если бы на то Божья воля. Да вышло по иному. Две недели назад заштормило, волна прибила на шлюпке рыбаков к ближним скалам. Бросились мы спасать. Бог дал, вытащили всех, да брат Андрей не уберется, ударило головой о камни... — Монах перекрестился опять.

У Коли все же сорвалась слезинка. Упала на босую ступню.

— Ты помолись за него, мальчик, — сказал монах.
 — Помолюсь, — шепнул Коля. Фрол осторожно дышал у него за спиной.

...Нельзя сказать, что гибель отца Андрея сильно огорчила всех — незнакомый же. Только Женя сочувственно подержался за Колино плечо. Некоторое время, однако, шли молча. Потом опять, слово за слово, пошел разговор о прежнем: хватит ли денег?

— Давайте, я посоветуюсь с тетей, — предложил Коля. И стрельнул глазами во Фрола. — Не бойся, не отберет.

— А кто боится? — хмыкнул Фрол. — Только больше никому не надо рассказывать. Мало ли что...

На том и порешили. Все знали, что Татьяна Фаддеевна Лазунова — самый образованный человек в округе. Она и разберется в сложном деле, и худого не посоветует.

Когда были уже у Карантинной бухты, Савушка вдруг взяла Колю за рукав.

— Можно, я спрошу?
 — Что, Савушка?
 — Саша не может ли сшить мне воротник, как у тебя?
 — Нравится?
 — Страсть как нравится.
 — Я ее попрошу. Небось не откажется.
 — Коля, а если та девочка ангел... котенок, значит, тоже ангел?

— Не сочиняй, Савушка, — строго сказал Коля. — Котенок это котенок...

Тендер «Котёнок»

Ветер был самый подходящий. Едва ли он дотягивал до трех баллов, но все же на синей воде там и тут вспыхивали пенные гребешки. Особенно заметны они стали, когда тендер вышел за бывшую линию затопленных кораблей. Дуло с норд-веста. Кораблик шел курсом крутой бейдевинд. Можно было слегка увалиться под ветер, взять левее, но Маркелыч не хотел слишком прижиматься к скальному берегу. Не стоит рисковать даже в малости, когда первый раз пошел с мальчишками на борту.

При крутом бейдевинде, когда ветер чуть ли не в нос, не очень-то наберешь ход. Но все-таки скорость казалось немалой — от того, что резвые небольшие волны бежали почти навстречу. Изопнутый форштвень тендера, словно бритвой, взрезал их бурливые гребешки. Иногда на палубу забрасывало брызги.

Мальчишки и Саша собрались на баке, у шпора бушприта, зажатого крепкими деревянными битенгами. Впереди над бушпритом и утлегарем круто выгнулись треугольные парусиновые крылья — стаксель и кливер. Красота!.. Был конец августа. Встречный воздух прогонял жару, но полуденное солнце уже пропитало теплом палубу, и доски ласково грели босые ноги. Иногда из щелей выступала смола и прилипала к ступням, но это никого не огорчало.

Ветер вскидывал за плечами синие воротники...

Саша после Савушкиной просьбы сшила воротник не только ему. Всем сшила. Их можно было надевать на любую рубашку, завязывая на груди узкие концы (так делали многие иностранные матросы, которых появлялось в городе все больше). Коля был доволен: теперь он не будет выделяться среди ребят. Ему очень нравился его воротник, но порой было неловко: люди часто поглядывали удивленно, а то и косо. Кто-то из полужнакомых мальчишек даже звал его «Колька-голландец». А теперь — нате вам!

Воротники стала носить почти вся компания. Даже Ибрагимка повязывал его поверх замызанной рубашки, похожей на короткий полосатый халат. Конечно, в других ватагах, особенно за Южной бухтой, нашлись вредные люди и начали чесать языки:

*Пушкари-голландцы —
 Сини голодранцы!..*

Однако там, в Корабельной слободке, главной была команда курчавого Филиппа Кучки по прозвищу Цыган и рыжего Буньчика, с которыми «пушкари» Фрола Буденко на Четвертом бастионе заключили вечный мир. Эти «корабельщики» не давали своих союзников в обиду...

Из мальчишек лишь Фрол стеснялся носить воротник. Но сейчас, на палубе, Фрол тоже надел его. И даже Саша, смущаясь, украсила свое платье синим с полосками прямоуголь-

ником. Здесь можно — все свои, никто не скажет, что такой наряд не для девочки...

Ребята не знали, конечно, что через несколько лет синие воротнички-топсы станут частью формы во всем российском флоте. И почти во всех других странах тоже. И что сразу рубашки и блузки с матросскими воротниками сделаются любимой и привычной ребячьей одеждой, мода на которую сохранится на долгие десятилетия. Да и как не сохраниться? Ведь во все времена многие мальчишки, да и девочки тоже, мечтают о дальних морях и парусах...

Дунуло чуть покрепче, снова взлетели брызги, и маленькое одномачтовое судно побежало еще резвее. Или показалось, что резвее...

Вообще-то старый тендер длиною чуть больше двадцати метров и водоизмещением в сто двадцать тонн делал сейчас едва ли больше пяти узлов. Это несмотря на то, что нынче он лишен был чугуниного груза десяти орудий и экипажа в тридцать с лишним человек. Это в прежние боевые времена «Македонец» при крутом бейдевинде давал до двенадцати узлов, а нынче, постаревший, расшатанный, с обросшим днищем, он мог лишь вспоминать лихую молодость. Зимой придется ставить на ремонт (что опять же потребует денег и сил, ну да как-нибудь...)

И все же старый кораблик держался молодцом. И ясно, что со стороны он выглядел красавцем — с изогнутым стремительным форштевнем, с приподнятым бушпритом и откинутой назад мачтой, с освещенной солнцем парусиной кливера, стакселя и широкого гафельного грота.

Облик тендера не портило даже то, что Маркельч не стал поднимать на стеньге рейковый топсель, а на топштаге летучий кливер. Когда идешь с таким юным народом, надо быть начеку. Дунет посильнее, можно замешкаться, убирая лишнюю парусину. Хорошо было Новосильцеву, когда на каждую снасть по служителю. А сейчас на тендере, кроме Маркельча, находились всего трое взрослых — его добрые приятели, которые согласились пойти к нему в матросы за очень даже небольшую плату. Скорее по дружбе и ради вольной жизни под парусами... Один теперь стоял на юте у скрипучего штурвального колеса и нактоуза, двое других приглядывали за парусами.

Маркельч впервые шел на тендере не только шкипером, но и владельцем...

Денег, полученных за монету с кентаврами, хватило. Не так уж много просил старый Федос Макеев. А ценность монеты, как оказалось, была не столько в ее золотом весе, сколько в древности, редкости и удивительном изяществе чеканки.

— Называется «антиквариат», — объяснял Коля приятелям.

Нельзя сказать, что с оценкой и продажей находки все обстояло просто. Но трудности не коснулись Коли.

Они легли на плечи тетушки и (главным образом!) на плечи доктора Орешникова, который проявил немалый энту-

зиазм и умело использовал знакомства среди ученых людей в Симферополе.

А наиболее серьезной трудностью во всем этом деле оказался сам Маркельч. Когда ребята в сопровождении Татьяны Фаддеевны принесли ему несколько крупных ассигнаций, он сперва ничего не понял, потом смешался, покраснел и наотрез отказался брать деньги.

— Да как же я могу... Потом всю жизнь не расплачусь... Люди-то что скажут... Татьяна Фаддеевна, да с чего это все? Чем я заслужил?

Татьяна Фаддеевна уговаривала Маркельча недолго. Через минуту суховато сказала:

— Николай Тимофеевич, это ведь не я придумала. Это решили мальчишки. Они нашли монету, когда купались, они так постановили... Не знаю... Может быть, это та же судьба, как... с Катенькой? Тогда отказываться грех... — И вышла из сарайчика, где шел разговор.

Ребята продолжали уговаривать. Доказывали, что расплачиваться не придется — это же не заём, а подарок. И люди ничего не скажут, потому что ничего не узнают, будут думать, что Маркельч скопил деньги сам. А подросший и ставший дерзким Савушка неожиданно заявил, глядя на Маркельча в упор:

— Ежели не возьмешь, утоплю эти деньги в море, прямо там, где нашел золотую денюгу!

(«Не ты нашел, — мелькнуло у Коли уже не первый раз. — Оленька коснулась кулака, когда уходила...»)

Но даже Савушкины слова не убедили Маркельча. Он держался растопыренными пальцами за щеки и мотал головой.

— Дорогие вы мои... Я вам всей душой за это... Да только подумайте сами: как это взрослый мужик возьмет такие деньги у малых детей?

— Да разве мы такие малые? — сердито сказал Фрол. — Голова-то варит у каждого, сами решать способны...

— Оно так, да только...

Женя вдруг негромко попросил:

— Николай Тимофеевич, послушайте меня...

— Да говори, говори. Я чего... я слушаю...

— Вот вы, когда были такой, как мы... даже меньше нас...

вы дрались за этот город. Значит, и за нас... Потому что он же наш... И вас могли каждый день убить. И вы это знали, и все равно... жизни не жалели... А теперь из-за денег упрямитесь. Разве деньги дороже жизни?

Может, у кого-то другого эти слова прозвучали бы напыщенно и ненатурально. Но это у другого. Смирный ясноглазый Женя сказал их так, что стало тихо-тихо. Только желтая бабочка сфреблась в застекленном оконце. Саша тихо взяла ее в ладонь и отнесла к открытой двери.

Маркельч, съезжено сидевший на кривом табурете, опять помотал зажатой в ладонях головой. Потом откинул руки и выпрямился.

— Ну... коли так, пускай тендер будет общий. Мой и ваш. И ежели у кого какая нужда, сразу подыдем паруса...

Однако общий-то он общий, а документы оформлять пришлось все равно на Маркельча. Оно и понятно — он и шкипер, и главный покупатель.

Он придумал для кораблика и новое название — «Котёнок».

Ребятам сперва показалось — какое-то уж слишком не морское, мирное по сравнению с «Македонцем» и даже с «Курганом». Маркельч, однако, сказал:

— Ну и что же, что мирное? Он в свое время навоевался, теперь у него другие заботы. А «Котёнок»... Я сперва хотел, чтобы «Катёнок», в честь Катеньки, да люди подумают, что ошибка. Ну и пусть пишется с буквой «о», а мы-то будем знать, что к чему... А? — При этих словах Маркельч смущался, как дитя, но никто уже не спорил. А Коля подумал, что название с буквой «о» тоже может иметь смысл, — вспомнил Буську...

Путь от стоянки в Артбухте до мыса Херсонес тендер «Котёнок» одолел за час с небольшим. Прошли за левым бортом знакомые древние берега с недостроенным Владимирским собором. Где-то там, недалеко от собора была могила отца Андрея с маленьким деревянным крестом... Уплыла назад чуть приметная скала у входа в Синекаменную бухту. Вслед за ней уплыли маяки у Камышовой и Казачьей бухт. Стал виден Херсонесский маяк. Ветер был все такой же ровный, но слегка зашел к норду.

Маркельч не пошел близко к мысу, взял мористее. И лишь когда маяк оказался на зюйд-осте, Маркельч скомандовал матросам:

— Ну, братцы, пора! Уваливай! Поворот фордевинд!

Бушприт быстро побежал к зюйду. Солнце весело ударило навстречу. Ветер зашел в корму, потом перевалил на левый галс. Маркельч и два матроса, работая на гика-шкоте и завал-талях, перетянули парусиновую громаду грота на другой борт. Бревно гика тяжело прошло над головами, заскрипели на мачте деревянные кольца-сегарсы, парус гулко ударил о правые ванты. Тендер сразу увеличил ход. Еще бы! Сейчас был полный бакштаг — лучший относительно ветра курс для парусного судна.

Город, видимый теперь с левого борта, быстро уходил за мыс. Белый, освещенный солнцем, с ярусами улиц на холмах, он отсюда, издалека, вовсе не казался разрушенным. Прекрасный приморский город, где на бульварах и площадях множество жизнерадостных людей... Когда-нибудь он обязательно будет таким. Давно закончилась осада, а новые войны и беды городу пока не грозили.

— До свиданья, Севастополь, — не сдержал легкой грусти Коля.

Оказавшийся рядом Маркельч вздохнул:

— Эх, нет у меня больше ни одной кегорны. А то бы

отсалиютовали нашему городу... Миша, голубчик, пропустили и подыми снова флаг!

Матрос Миша исполнил команду. Флаг у задней шкаторины грота скользнул на сажень вниз и снова ушел к ноку гафеля. Весело затрепыхал.

Это был не просто российский флаг, а с короной и почтовым рожекком на верхней, белой полосе. Флаг РОПИТа. Маркельч добился его, подрядившись в правлении Общества доставлять для доков кое-какие грузы. Флаг Общества давал всякие преимущества при стоянках в черноморских гаванях. Кроме того, Маркельч стоворился уже, что к зиме поставит «Котёнка» для ремонта на РОПИТовские стапеля...

Коля, Женя, Фрол и Федюня поглядывали на флаг с гордостью. Как-никак, они имели отношение к РОПИТу — учились в его ремесленной школе.

Правда ученики Лазунов и Славутский со школой уже расстались. В Ялте попечением графа Мордвинова открывалась мужская прогимназия, и на семейном совете Славутских решено было, что Жене там самое место. На испытаниях определяют, в какой класс ему можно пойти — во второй или третий. А жить он будет у тетушки Дарьи Алексеевны, отцовской сестры...

Когда все это определилось окончательно, Женя загрустил. И наконец сказал Коле:

— Там ведь и четвертый класс есть. А из него можно в пятый гимназический, гимназию там тоже скоро откроют... И море там такое же, как здесь... А?... У тети Даши дом большой, у нас была бы своя комната...

И Коля, до той поры думавший, что врос в Севастополь окончательно, заметался в душе.

Жаль город, но он ведь будет неподалеку. Дорога занимает лишь несколько часов. Да и Маркельч на «Котенке» не раз появится в Ялте, может доставить в Севастополь соскучившихся мальчишек.

Жаль друзей-приятелей, но Женька-то самый близкий друг...

А Саша?... Но были слухи, что откроют в Ялте и женскую прогимназию. Если не в том, то в следующем году. Тё-Таня убедил уже Лизавету Марковну, что Саше учиться надо непременно, и обещала помочь в подготовке...

Потом были еще всякие обсуждения, хлопоты по передаче документов в Ялту, разговор с Дарьей Алексеевной, которая приезжала в Севастополь. Женькина тетушка была совсем не похожа на брата, Кондратия Алексеевича. Грузная, громкоголосая и энергичная, она с энтузиазмом поддержала все планы. Заявила, что к обоим гимназистам будет относиться, как к родным племянникам, а ежели что не так, то и попадать будет обоим одинаково. При этом она погрозила толстым веснушчатый пальцем. Женя и Коля одинаково хихикнули. Известно было, что нет добродушнее существа, нежели эта грозная с виду тетя...

Татьяна Фаддеевна старательно скрывала грусть близ-

кого расставания. На этот раз грусти у нее замечалось больше, чем перед Колиным поступлением в корпус. И это несмотря на недавнюю свадьбу. Кстати, венчание было очень скромным и малолюдным, и после него ничего не изменилось. Пристройка к дому не была еще готова, супруги Орешниковы по-прежнему жили порознь и главные силы отдавали не семейной жизни, а обустройству городской больницы. Борис Петрович все-таки выхлопотал у городских властей кое-какие деньги и домик, в котором решено было разместить двадцать коек для мужчин и пять для женщин. Это немного даже для нынешнего малолюдства, но все-таки...

Колю доктор Орешников излишне чинно спросил:

— Николай, я надеюсь, причиной вашего решения стало не наше с Татьяной Фаддеевной бракосочетание? Вы, насколько я знаю, не были против?

— Да что вы, Борис Петрович! Просто надоело быть экстерном, надо же когда-то учиться как все... Ну и Женька... Да к тому же, летом и в зимние каникулы я все равно буду здесь!

И вот теперь они плыли в Ялту окончательно. Татьяна Фаддеевна, чтобы проследить за обустройством Коли, тоже уехала туда, но сухопутной дорогой. После плавания на «Андрее Первозванном» ей при одной мысли о морском путешествии становилось дурно. А Коля и Женя в сопровождении друзей-приятелей совершали свой первый в жизни парусный рейс. И, скорее всего, последний в это лето.

Что поделаешь, все в жизни кончается, и это лето тоже бежало к концу. И, возможно, кончалась история дружной компании — той, что сложилась прошлой зимой в Ботманском погребке.

Будет, конечно, еще теплый сентябрь. И в октябре тоже будут еще зеленеть деревья и цвести палисадники. Да и позже, говорят, случаются совсем летние дни. Но эта — пусть даже теплая пора — будет уже иной. С иными заботами и тревогами, с иными радостями.

К вечеру «Котёнок» придет в Ялту. Завтра Маркелыч возьмет в ялтинских пакаузах попутный груз, а на следующий день отправится в обратный рейс. Коля и Женя помашут с пирса друзьям, и это будет, конечно, грустно. Может быть, даже слеза набегит. Но... это будет еще не сегодня. А сейчас была звонкая радость парусного плавания. И летело навстречу высокое солнце. Взглянешь сквозь ресницы — оно похоже на рыжего всадника-мальчишку.

...Разве обязательно каждую минуту думать про то, что будет, если есть такое сейчас!

Все равно никто не ведает своего будущего.

И они не ведали...

Макарка не знал, что, сделавшись матросом на броненосце, он даст по зубам сволочному, ненавидевшему нижних чинов лейтенанту и за то окажется под судом. Бежит из военной тюрьмы, будет пойман и пойдет в сибирскую каторгу. Поперешный характер, однако, не позволит Макару Калужному послушно тянуть каторжную лямку. Он уйдет от стражи в

тайгу, смешается там с вольным, недоступным властям народом, будет охотиться, жить по заимкам и глухим деревням, потом с чужим паспортом окажется в Тюмени, станет матросом на пароходе «Отец» и будут ходить на нем от этого города и до самого Ледовитого моря. Потом женится, заведет детей и внуков, которым на старости и откроет полную историю своей жизни и настоящее имя...

А у Ибрагимки вскоре умрет дед, объявятся кредиторы и тут же приберут к рукам лавку, а сердобольные турецкие рыбаки, которых шторм загонит к Севастопольским берегам, пригреют мальчишку и на своей фелюге тайно переправят в Стамбул. Там Ибрагимка отыщет дальних родственников, и они не прогонят его. Устроят учеником к чеканщику, и станет Ибрагим стамбульским ремесленником — одним из многих тысяч. И так же, как все они — то в горестях, то в маленьких радостях — проживет свою жизнь, рассказывая своим сыновьям и дочкам о разбойнике Алиме и о детских приключениях на российском берегу...

А Саша... Саша сейчас стояла рядом с Колей и боялась, что он поранит руку. Дело в том, что Женя забыл дома свой ножик и попросил у Коли. Женя хотел очинить карандаш, чтобы сделать набросок мыса Фиолент. Вот Коля и достал свой «складень» фирмы «Барлоу» и прежде, чем дать Жене, раскрыл, подбросил и ловко поймал за рукоятку. И еще раз...

— Не балуй, — сказала Саша. — Он же острый! Страх какой...

— Опять? По носу...

— И ничего не по носу! Сам получишь! Будешь дурачиться с ножом, отберу и выкину за борт!

— Не вздумай! Это же американский подарок! Сэм подарил! Забыла, что ли? Я тебе рассказывал в Синекаменной бухте. Когда мы первый раз... — Он хитро глянул и замолчал.

Саша быстро оглянулась на присевшего у бушпритного битенга Женю. Порозовела. Быстро сказала:

— И не было там ничего... И про Сэма ты все выдумал...

Кажется, и впрямь она не верила, что Коля встречался с американцем Сэмом. С тем, который в пещере целовался с девочкой Бетси. Не верила больше двадцати лет, до восьмидесяти девятого года, когда из дальнего плавания к островам Тихого океана на Севастопольский рейд пришел военный клипер «Кречет».

Молодой профессор гидробиологии, сотрудник Севастопольской биологической станции Николай Федорович Лазунов-Вестенбаум, съехал на берег в первой же шляпке. Крепко обнял жену, присел на корточки перед двумя мальчишками в широких шляпах с лентами и белых матросках.

— Господи, большущие какие... Ну и понятно, ведь почти год...

Сыновья, роняя шляпы, повисли у него на плечах...

Потом, когда в обширной пролетке ехали на Морскую, к дому, братья сидели против родителей, к извозчику спиной, и неотрывно глядели на отца, явно торопясь что-то сказать.

Младший открыл рот, но старший — личность солидного девятилетнего возраста — толкнул его локтем и заспешил:

— Папа, если появилась в доме интересная книга, кто должен читать первым? Ведь старший, не так ли?

— Нет младший! — подскочил на сиденье брат и ухитрился лягнуть старшего исцарапанной, кофейного цвета ногой. — Младшим надо уступить!

— Перестаньте сейчас же! — мать сморщила переносицу с чуть заметными, проступившими сквозь крем конопушками. — Николай, они сведут меня с ума. Они скандалят из-за этой книги третий день!.. Кончится тем, что я приглашу для них гувернантку с самым свирепым нравом. Родом из Германии.

— Не надо, — быстро сказали оба брата.

— Нет надо! Потому что у меня уже нет сил...

— А что за книга? — любуясь присмирившими (надолго ли?) детками, спросил Николай Федорович.

— Американское издание. «The adventures of Tom Sawyer», автор некий Mark Twain... Хорошо, что дети овладели английским чтением, но этот их неугасимый спор... Говорю: «Читайте вместе, вслух». Однако же произношение у каждого такое, что не понимают друг друга. Текст разбирают прекрасно, а говорить не научились. Я вчера взялась читать им сама, но и меня они на слух воспринимают с трудом... Зато, когда уснули, я одна дочитала книгу до конца. И... знаешь что?

— Что дорогая? — встревожился профессор ее необычным тоном.

— Там я прочла о мальчике Томе, который в пещере (и не только в пещере) целовался с девочкой Бекки. Почти Бетси, верно?.. Коля, того американца, о котором ты не раз говорил мне, звали точно Сэм? А не Марк?

— Сэмюэль... Ты покажи мне потом эту книгу.

Вечером, после чая, о книге вспомнили снова. В ней был и портрет.

— Милая, конечно это он. Только чуть постаревший. Те же усы. И глаза... А Марк Твен это не что иное, как псевдоним. Странный, кстати. Увы, я не столь хорошо знаю английский, но, по моему, в переводе это означает «Вторая марка» или что-то подобное...

— Похоже, что так... Но где же наши пираты?

Братья тут как тут:

— Папа, а кому же сегодня можно читать? Ему или мне?

— Сегодня никому, — находчиво разрешил спор отец. — Потому что скоро пора в постель. Лучше я перед сном расскажу вам о Сандвичевых островах. А завтра все определит честный жребий. Так решают все сложные вопросы настоящие моряки...

— Брысь умываться и укладываться, — добавила мать. — Помните о гувернантке. И если сейчас опять начнете бузу, я каждому надеру уши.

Мальчишки ускакали с песней «Спасите наши уши, спасите наши души!»

Профессор Лазунов-Вестенбаум сказал.

— Фи, сударыня! Драть уши неаристократично. Не забывайте, что вы баронесса. — Эта была его давняя шутка.

— Ага, баронесса с Карантинной слободки! — охотно откликнулась Александра Григорьевна.

— С Артиллерийской, сударыня!

— «С Артиллерийской» звучит претенциозно. А «с Карантинной» — в самую точку. К тому же, они все равно были рядом, а теперь уже слились.

— И тем не менее я патриот Артиллерийской слободки и более никакой. Ее переулков, трапов, погребков и косогоров.

— Увы, наши дети тоже. Когда они живут у бабушки Лизаветы, она позволяет им играть с мальчишками в «кранцы-транцы» и бегать босиком.

— Какой ужас!

— Не смейся. Твоя тетушка и ее супруг не лучше. Доктор научил их делать оружие из старых подтяжек. И они выставили стекло в особняке контр-адмирала Зарубина.

— Представляю, какой был скандал!

— Нет, не представляешь! Более, чем скандал! Адмирал повел себя как мальчишка. Хохотал и просил обучить его стрельбе из этой штуки...

Профессор поцеловал жену.

— Мир прекрасен, — сказал он.

Но все это будет еще не скоро... А пока тендер «Котёнок» бежал вдоль южного берега, и сердца радовались сбывшейся парусной сказке.

— А что, братцы, не поставит ли брифок? — спросил Маркелыч. Взрослые матросы отозвались со сдержанным почтением: «Как скажете, шкипер». А ребята, даже Саша, радостно завопили, что «поставить непременно!»

Маркелыч и два матроса по вантам забрались на длинный, подвешенный под салингом рей. Взяли еще и Фрولا, чтобы с каждого конца было под два человека.

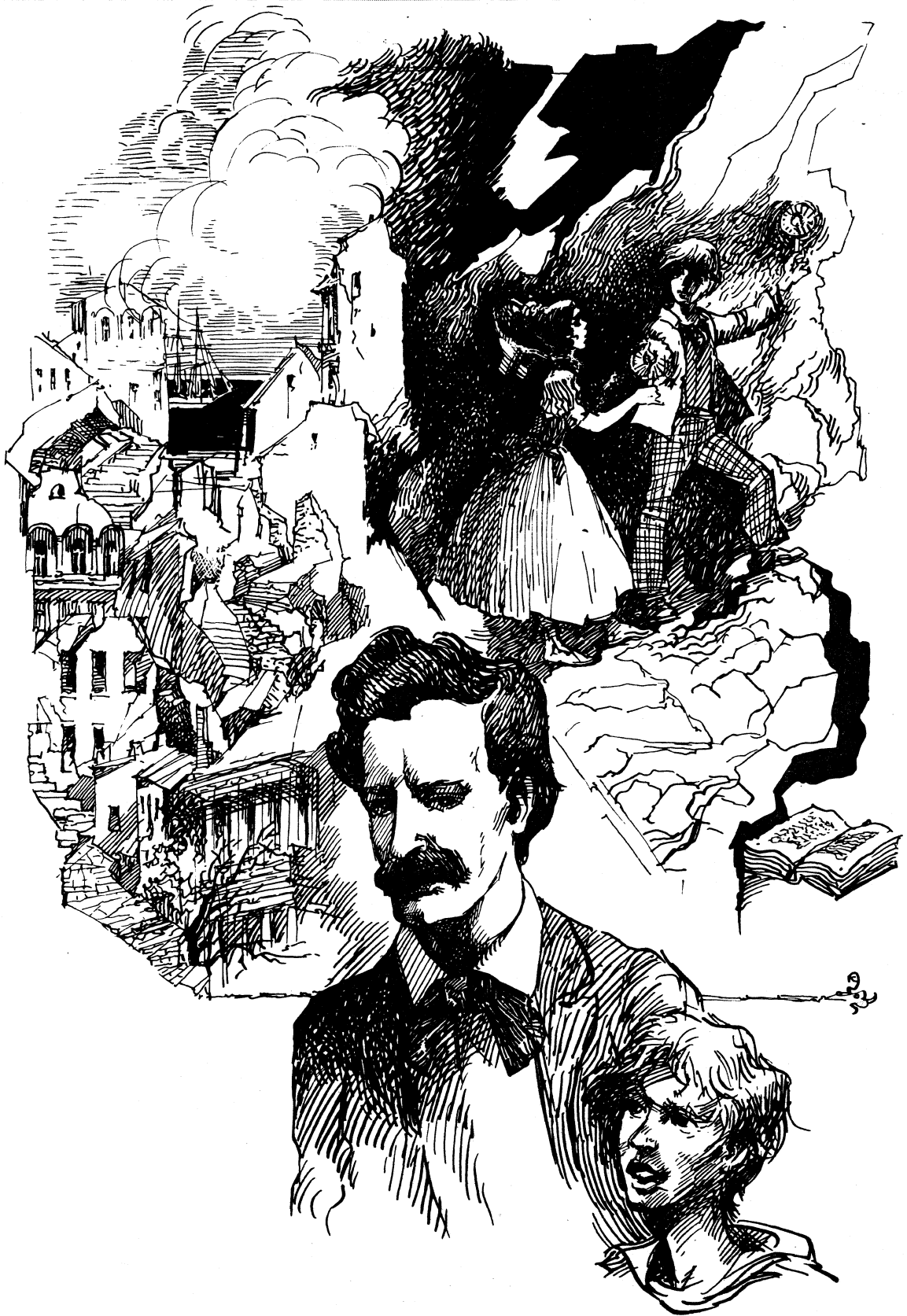
— Не боишься? — сказал Маркелыч.

Фрол только хмыкнул.

...Потом он три года будет ходит на «Котёнке» юнгой и матросом, пока не уйдет на завод в механический цех. Уйдет же потому, что у матроса на крошечном паруснике заработок с гультин нос, а родители стали хворые и надо ставить на ноги подрастающую сестренку...

Но опять же это потом. А пока освобожденная от сезней парусина взметнулась по ветру.

— Живо выбирайте шкоты! — заголосил с высоты Маркелыч. Мальчишки и Саша потянули снасти. Не очень умело потянули, но все же брифок взял ветер. Мигом спустившиеся матросы, Маркелыч и Фрол помогли. Рей был обрасоплен как надо, концы брасов и шкотов закреплены на кофель-нагельях. Прямой, как на фрегате, парус теперь стоял упруго, без полосканья и дрожи. Заполоскали было впереди брифока стаксель и кливер, но тут же опять натянулись.

Чтобы лучше видеть паруса, все перешли на ют.
Навстречу тендеру, хлопая колесами, шел против ветра
небольшой пароход «Русь».

— Небось, папенька на нем, — вздохнула Саша. — Да
только не увидит нас, он внизу, у топок...

— А что такое «теплоход»? — вдруг вспомнил Федюня. —
Девочка тогда сказала: теплоход «Барабанщик»...

— Небось, она про пароход так, — рассудил Фрол. —
Пар-то получается от тепла, вот и выходит «теплоход».

Женя оторвался от рисунка.

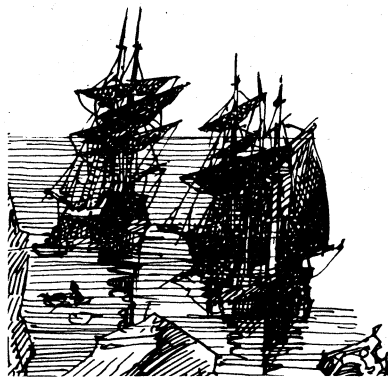
— А разве есть пароход «Барабанщик»? Я не слышал
про такой...

— Да мало ли их нынче, — сказал Макарка. — Про все
разве услышишь...

«Котёнок» слепка кренился на правый борт и все больше
набирал ход. Ветер дул слева и со спины, кидал на затылки
синие воротники. Встречные лучи просвечивали парусину, и
казалось, она упруго звенит от солнца.

Все опять замолчали. Шумел в снастях догонявший парус-
ник, ветер, бурлила кильватерная струя. Не отставая от тен-
дера, неслись рядом с мачтой несколько чаек. Мальчики и
Саша смотрели на них, запрокинув головы...

Что будет впереди? Сейчас никто не думал об этом. Им
хватало нынешних — просвеченных синевой и солнцем, про-
дутьих теплым ветром, подхваченных парусным бегом — бес-
конечных минут. И может быть минуты эти как раз были тем,
что называется «счастье».

Виталий КАПЛАН

Тебя берут

Он щелчком согнал с колени рыжего муравья и отвернулся. Говорить не хотелось, хотелось лечь в сухую траву и смотреть на раскаленную монетку-солнце. Пускай жжется.

— Кирилл, ну не притворяйся ты дебиллом. Сам же видишь, надо ехать, здесь все равно будет только хуже. А другого раза может и не представиться.

Марина говорила терпеливо, размеренно, точно объясняла таблицу умножения заторможенному второкласснику. Говорила — а сама то и дело поглядывала на липкое от зноя шоссе. Сегодня было уже два автобуса, но оба раза обломилось, не взяли.

— Марина Викторовна, — нудным голосом протянул Кирилл, — да на фиг мне они сдались, эти севера? Что я там не видел? И абрикосов там нету.

— Ну, не в абрикосах счастье, — уверенно перебила его Марина. — Там все-таки жизнь, не то что... — недоговорив, она мотнула головой в сторону городка. Вернее, того, что когда-то было городком Оллар-Сарга. Развалины дымились уже неделю, уцелела, по глупой прихоти судьбы, лишь городская баня, да еще мэрия. Хотя именно по городскому центру метрополы садили особенно рьяно.

— А я не хочу счастья, я хочу абрикосов, — улыбнулся Кирилл. — Это вот им счастья надо, они еще маленькие.

Им, стайке нахохлившихся воробышек, каждому не было и девяти. Второй класс, жалкие его остатки, трое мальчишек и пятеро девчонок. Сидят у обочины, вцепились в узелки, выжидательно смотрят на учительницу. Они еще верят в обещанный автобус.

Кирилл не верил. Ни бандитам, ни тем более армейцам-метрополам ни к чему лишняя головная боль. Ну ладно малыши, а ему-то уже пятнадцатый год. К тому же вылитый агхар, отцовская кровь. Значит, до первого же блок-поста, а там без базаров в фильтрацию. И на что надеется Марина?

Та, однако, оживилась.

— Вот и я про что тебе толкую, Кирюш. Они же маленькие, и их восемь, а как я одна с ними? На тебя вся надежда, сможешь, приглядишь. Хватит ерунду пороть, о них лучше подумай. Кроме нас с тобой некому.

Она была права. От тридцати с лишним человек 2-го «а» остались только эти. Кого еще весной, когда все начиналось, увезли в Метропо-

лию родственники, кто ушел с родителями в горы, а кто остался там, под бетонными плитами. Там же, где и его мама, и сестра Фатима, лучшая Маринина подруга. Тоже в школе работала, шестиклашек математике учила. Недоучила...

А эти воробышки — уцелели. Кое-кому даже повезло, у них и родители живы. Вот, снарядили свою мелочь в путь, с Мариной Викторовной. Какой-никакой, а шанс.

Кирилл вздохнул, поправил съехавшую на плечо майку и принялся рыться в своем вещмешке. Раньше вещмешок был наволочкой. К ней даже и подушка имелась — вынесло, видно, взрывной волной в раскрытое окно.

— Ну что, договорились? — не отставала Марина. Она присела рядом и коснулась ладонью его щеки. Ладонь у нее, несмотря на клубящуюся жару, была прохладной и пахла яблоками. Откуда сейчас взяться яблокам? — удивился Кирилл, но потом понял, что это скорее всего какой-то крем для кожи. Они просто помешались на всяких кремах, шампунях, лосьонах — что Марина, что Фатима.

Чем сейчас пахнет от Фатимы, Кирилл не хотел думать. Неделя... Целая неделя. И тридцать два по Цельсию. Только вот некому вытаскивать тела из-под обломков. Народу осталось раз-два и обчелся, да и те одни старики с бабками. Мужчин помоложе еще в мае увел Имран-ага. Сражаться под зеленым знаменем. А кто выеживался — на тех и патронов жалели. Стреляли только солдат-северян, своих — резали. И Аслана, говорливого мужа Фатимы, он вел у Кирилла физику, и Равеля с электростанции, и даже старого муллу Ибрагима. Того Имран-ага объявил еретиком, злонамеренно искажавшим слова Великой Книги. Резал своей рукой, во двореке, кривым дедовским кинжалом. А дядя Керим сам пошел с зелеными. Сказал, за веру и свободу...

— Ладно, кончай зудеть, — вывернулся из-под Марининой ладони Кирилл. — Договорились. Поеду. Мне все равно.

— Ну и прекрасно! — сейчас же расцвела Марина. — Там ведь совсем другая жизнь, мирная, там трамваи ходят и горячая вода... Ой, ладно, не в том счастье.

— Оно в абрикосах, — мрачно заметил Кирилл, перебирая вещи. Все какая-то случайная мелочь — набор гаечных ключей, лянцевая открытка с медведями в сосновом бору, шланг от велосипедного насоса... Что удалось собрать. Не

уйди он тогда в лес, поругавшись с мамой из-за порванной футболки... Не было бы сейчас ни одуряющей этой жары, ни дымящегося асфальта, ни колючей льдинки где-то внутри.

...А земляника тогда уже поспела, раньше обычного, и от пахучих сладких ягод он оторвался, лишь услышав грохот. Лупили откуда-то с холмов, километров за двадцать. А что это для дальнбойной артиллерии? Так, пустячок.

Где-то вдали, у плывущего в синей дымке горизонта, послышалось рычание мотора. А потом он и сам показался, выкрашенный в бурую зелень армейский микроавтобус-«таблетка». Третий за сегодня. Марина тотчас выскочила на дорогу и принялась отчаянно махать руками. Малышня тоже настрополилась ехать, загалдела, похватила узелки, и Кириллу пришлось даже цыкнуть на них — мол, не трепыхайтесь раньше времени, еще ничего не ясно.

Автобус плавно притормозил, из приоткрытого окна водительской кабины высунулся тупорылый ствол автомата, поерзал взад-вперед, примеряясь. Потом дверь раскрылась наружу и с подножки на асфальт скособоченно вылез плотный хмурый парень в новеньком камуфляже. Марина подлетела к нему и принялась что-то негромко втолковывать, показывая то на малышню, то на Кирилла.

Он отвернулся, вытирая о джинсовую ткань шортов ставшие отчего-то потными ладони. Не хотелось слушать, что говорит Марина, но звуки все равно порой долетали:

— ...с какой радости?..

— ...говору же, вот они все вписаны, и печать школьная. И свидетельства...

→ ...не хватит расплатиться...

— ...агхар? И кого колышет? Стремно...

— ...на блок-посту ни одна...

Все было бесполезно, Кирилл понял это с самого начала, но Марина долго еще препиралась с пятнистым, пока, наконец, тот не вскочил на подножку и дверь за ним не закрылась с сухим треском, точно ломается кость. Мотор зафырчал, и автобус, постепенно набирая ход, покатился дальше — на север.

Марина понуро отошла к обочине, присела возле Кирилла.

— Ну я же говорил, не возьмут, — ухмыльнулся тот и сорвал высокий стебелек травы-зайчатки, оборвал нижние листья и сунул в рот. — На фиг я вам сдался, великовозрастный? От меня одни неприятности будут!

— Не смей так говорить! — сейчас же окрысилась Марина. — Честное слово, так и влепила бы по шее. Не раскисай, уедем мы отсюда, и очень скоро! И все будет хорошо!

— Ага, как же. Так нас там и ждут, в Метрополии. С цветами, с шампанским...

— Представь себе! — Марина даже покраснела от возмущения. — И хотя до шампанского некоторые великовозрастные еще не доросли, все остальное гарантирую. Я же тебе сто раз объясняла, нас примет Наталья Николаевна, она директор интерната в Барсове, а еще она моя бывшая институтская преподавательница, я у нее диплом защищала, если хочешь знать! И в понедельник я до нее дозвонилась, этот, помнишь, корреспондент дал мобильником попользоваться.

Корреспондента Кирилл помнил. Действительно, на следующий день после обстрела приезжали какие-то штатские. Покрутились с камерой, побазарили с людьми возле «Продтоваров» и скоро укатили. Может, и не врет. Может, и правда лысый очкарик дал ей сделать звонок.

— Ну вот, она нас ждет. Нам бы только за кордон переехать, а там сразу в Семеновске на вокзал и общим вагоном до Барсова, это всего пятьсот кэмэ, полдня езды. И нас в интернате встречают именно распростертыми объятиями, у них там куча пустых ставок, меня без вопросов берут воспитателем, ребятишек в школьную группу. Наталья Николаевна все оформит, это, знаешь ли, такая тетенька, что ух... ей палец в рот не клади, она все ходы-выходы знает. Так что поживем, а потом все это кончится... должно же оно хоть когда-нибудь кончиться...

— На билеты-то хватит? — усмехнувшись, перебил ее Кирилл.

— Глупый ты, Кирюша, — Марина поднялась, взьерошила ему волосы и пошла к детям. Вскоре те окружили ее плотным кольцом. То ли сказку завела, то ли игру — в слова там или в города.

Что на билеты хватит, было и так понятно. Собрали люди, что у кого осталось. И деньги, и золото с камешками. Марина надеется, что побрякушками можно расплатиться за проезд по Арге, а там уже, в Метрополии, можно будет трахать рубли.

Вот только не верил Кирилл этим пятнистым водилам. Кто они такие — солдаты или зеленые, понять было почти невозможно. Да и какая разница — бизнес делали все. Если заставы на блок-постах у них в доле, то катись хоть до самого Семенова, никто не возбунтует. Другое дело, что до заставы можно и не доехать. Очень даже свободно. Отберут цацки, дадут по голове, выкинут в кювет — и жалуйся хоть Единому Богу, хоть Президенту. Будь с собой граната, еще можно было бы в случае чего возникать. Но не было гранаты.

А других вариантов ноль, или рискуешь — или сидишь тут, на обломках, и подъедаешь уцелев-

шие продукты из разбитого магазина. В ожидании то ли нового обстрела, то ли новой зачистки. На юг, в горы? Толку-то? Шило на мыло. На север? Пешком тащиться сорок километров до ближайшего блок-поста... А там, конечно, на фильтрацию. Что это такое, знали все — в мятежной Дар-Арге, Земле Солнца, слухи расползались безо всякого телефона, причем существенно быстрее.

...Марина что-то весело рассказывала детям, и те вскоре ожили, заверещали, втянулись в очередную игру, хором выкрикивая считалочку:

*Вышел из лесу медведь,
И давай вовсю реветь:
«Кто сорвал мои цветы?
Это, верно, сделал ты?»*

А его повлекло в сторону от шоссе, в молодой сосновый лесок. Организм требовал внимания и заботы. Пришлось отойти подальше, чтобы уж совсем скрыться за невысокими еще стволами.

Оросив смолистую, пружинящую под ногами хвою, Кирилл двинулся обратно. Правда, не слишком торопясь — то и дело среди травы помаргивали алыми маячками ягоды земляники, и как тут удержаться, чтобы не сорвать одну-другую-десяток? Тогда, неделю назад, их было еще немного, а сейчас, куда ни кинешь глаз — спелые, сочные. Как рассыпанные бусинки. Одну такую, мамину, он нашел вчера. Где-то среди бетонного крошева остались и другие... Если хорошенько порыться...

Крики он услышал не сразу — наверное, задумался. И только выходя на опушку увидел, что на шоссе стоит зеленый автобус. И Марина энергично машет руками:

— Кирилл! Кирилл! Ну где же ты? Скорее! Тебя берут! Берут!

Из окон, вдавливая в стекла носы, тарачилась на него малышня, а Марина делала яростные знаки руками — торопись, мол, дурень!

Возле нее топталось двое плечистых мужиков в пятнистых, без погон, куртках, то ли слегка бородатые, то ли просто сильно небритые. На груди у них болтались короткоствольные автоматы «эвкалипт», у пояса висели кривые ножны. По всему видать, не метрополы. Свои — то ли зеленые, то ли так просто... гуляют...

— Тебя берут, давай же, быстрее, — суетилась Марина возле открытой двери. Один из мужиков успокаивающе улыбнулся ей, второй что-то хмыкнул — издали Кирилл не разобрал что — и слегка хлопнул ее широкой ладонью по талии.

Ясно было, что кольцами и брошками плата

за проезд не ограничится, а по тому, что Марина не дернулась и не сбросила игривую лапу, Кирилл понял, что она с самого начала это знала. Но восемь детей... или девять... смотря как считать.

Он подбежал к обочине, схватился за свою наволочку — но схватился, видно, слишком резко. Узел неожиданно развязался — и все его хозяйство полетело в пыльную траву.

Неслышно ругнувшись, Кирилл опустился на колени и принялся неспешно собирать рассыпанное.

От автобуса послышалось гортанное восклицание, беззлобный смешок. И сдавленный крик Марины:

— Господи, да брось ты это барахло! Кому оно нужно, дуралей? Ну что ты копаешься, что ты копаешься — времени нет!

Гаечные ключи разлетелись широко, но они большие, блестящие, их легко найти. И открытка тоже. А вот бусинка... Она была в самодельном бумажном пакетике, и вот пакетик есть, а бусинка... ну как ее отыскать в высокой, выше колена, траве? А надо.

Кирилл выпрямился. Посмотрел на стоявшую у двери Марину, на куривших возле кабины мужиков.

— Вы езжайте, ничего, — очень спокойно и даже весело произнес он, откидывая ладонью лезущую в глаза челку. — А мне некогда, у меня тут... в общем, дела.

— Ты что, обормот, с ума сошел? — потерянно выдохнула Марина и рванулась к нему, на целых полшага. — Мы же договорились, тебя же берут! Тебя берут!

— Марина Викторовна, ну что вы в самом деле как маленькая, — прищурился Кирилл. — Ну не поеду я. А вы езжайте, их у вас восемь. Вы не думайте, вы и без меня справитесь.

— Однако, время, — неторопливо выплюнув окурочек, сообщил один из пятнистых. — Время! — повторил он и пощелкал ногтем по стеклышку наручных часов.

Долгую, очень долгую секунду Кирилл смотрел, как Марина застыла на подножке, готовая рвануться к нему, обхватить, потащить дурака за ухо — или подняться в салон.

Она поднялась в салон. Молча, без слез. Кирилл догадывался, что слезы будут потом.

— Что ж, бывай, пацан, — не слишком и удивляясь хмыкнул мужик, тот, что постарше. Его напарник молча полез в кабину.

Снова сухой, жесткой треск двери — и автобус, испортив воздух облаком бензиновых паров, дернулся и, постепенно ускоряясь, покатился прочь. Туда, на север. Где нет абрикосов.

Кирилл недолго глядел ему вслед. Важнее было найти красную бусинку.

Евг. АЛЕКСАНДРОВИЧ

А В ЭТО ВРЕМЯ...

Черт явился к Ивану в самое премерзкое время — утром. Через полчаса после пробуждения. Когда башка раскалывалась, организм крутило, а нутро выворачивало.

Похмелье — сволочное состояние.

И вот явился черт. Со всеми своими атрибутами — рылом, шерстью, хвостом и прочим.

— Ну, человек..

— Пшел ты! — рупнулся поначалу Иван, но потом вдруг встрепенулся: — Ты черт?

— Нуда.

— Ты ведь многое можешь?

— Многое.

— Слушай, сделай так, чтобы я не страдал... но и не умер бы, — вспомнив анекдот, добавил он.

— Пожалуйста, — сказал черт.

В голове у Ивана вдруг прояснилось, а про все остальное уже и не вспоминалось.

— Здорово!

— Еще чего изволите? — тут же подлез к человеку черт-ка. — Я много...

— Да понял уже, понял... Ты вот чего. Ты дай-ка мне капусты...

Тут же посреди комнаты начала материализовываться деревянная кадушка, наполненная янтарной, мелко нашинкованной и явно маринованной капусточкой...

— ...Тысяч так пятьдесят баксов, — завершил свою просьбу Иван. Черт рупнулся, махнул когтистой лапой — и кадушка растворилась в воздухе. А на стол из ничего выпало несколько тугих пачек слепка зеленоватых банкнот.

— Готово. Какие еще пожелания?

— Э, мохнатый, тут что-то не так. Ну-ка, говори, в чем дело. Чего это ты приперся ко мне со своими «извольте» и «пожалуйста»? Какую хитрую вредность ты задумал?.. Быстро колись!

Черт помялся, однако отпираться не стал.

— Я, это, за душкой твоей, собственно... Если три желания твоих выполню...

— Что, всего за три желания хочешь оттяпать мою душу?!

— Так ведь не сейчас, — заторопился с ответом черт-ка. — Только после твоей естественной смерти. Когда уже никакая материальная оболочка...

— Ладно-ладно, понял. Сколько у меня еще осталось?

— Так ведь последнее, кхе-кхе. Посчитать?

— Сам вспомню. Баксы... Похмелье, что ли?

— Оно самое.

— Ладно, понял. Договорились. Теперь вот что. — Иван подошел к столу, потрогал деньги, подержалих на весу. — Жену хочу. Красивую. И чтоб с квартирой, с машиной и всем необходимым. И чтоб мне простила мои загулы, а чтоб сама ни-ни!

— Прямо сейчас?

— Не. Пусть я с ней завтра познакомлюсь.

— Все. Продано. Душа моя.

Черт радостно усмехнулся, крутанулся вокруг оси, чуть не задев хвостом человека, и исчез.

— Вот и все, — сказал Иван. — Обломался чертик.

Он бросил доллары обратно на стол. Открыв подпол, выволок из него бесчувственное тело, очень похожее на него самого. Тело положил на лавку.

— Спи, соколик. Твоя душа в полной сохранности.

И тут он, этот просящий у черта «Иван», стал превращаться в существо с белыми одеждами и с крыльями за спиной. В ангела. Крылышки затрепетали, и ангел начал воспарять.

А в это время черт, потирая лапы, по селектору передавал своему начальству рапорт:

— Шеф! Несмотря на отличную маскировку, ангел-перехватчик был мною инфернически опознан. На пачки заказанных им денег мною были нанесены вирусы «антисвят», разработанные недавно в родной адской лаборатории. Заразившись, ангелочек принесет на свое небо опустошительную эпидемию. Вот уж когда мы...

— Стой! — раздалось из динамиков. — Кто разрешил тебе рассуждать о том, что произойдет? Разве это твоя prerogativa?

— Нет, — испуганно помотал головой черт.

— О чем и речь, о чем и речь... Итак, что же все-таки на небе произойдет, когда туда попадет твой зараженный подопечный?..

А в это время ангел, возносясь над землей, скинул с себя верхнюю оболочку, оставшись тем не менее все в том же ангельском обличии, и шжег зараженную материю одним лишь своим свято-лазерным взглядом...

А в это время на близлежащей горной вершине два черта-снайпера, страхуя докладывающегося начальству товарища, целились из винтовок в возносящееся к небу существо — начиненные вирусом ампулы должны были попасть точно в цель...

А в это время четыре ангела-истребителя неслись к земле, растягивая между вершиной горы и воспаряющим ангелом невидимую чужому взгляду бронематерию, предварительную политую святой водой...

А в это время...

Михаил МИРКЕС, г. Новосибирск

«Урания - 2001»,

или несколько дней из жизни фантастов

Поэт известный писатель и фэн-бард «Воха» Васильев

Вот уже второй год подряд земля сибирская принимает у себя в гостях представительную группу российских писателей на фестивале фантастики. В наше удивительное время этот слет, пожалуй, последний, оставшийся за уральским хребтом. Не только потому, что трудно найти спонсоров для культурных мероприятий, но и из-за отсутствия поддержки на государственном-административном уровне. В стольном городе Томске, называющем себя «сибирскими Афинами», именно мэрия дала добро на проведение конвента (так во всем мире называются встречи писателей и любителей фантастики). Теперь любой сибиряк может гордиться тем, что не одни Москва и Питер могут порадовать читателей самого популярного жанра. А при определенной сумме затрат на оргвзнос и поучаствовать в фестивальной программе. Правда, в нынешнем году сделать это уже не удастся, так как фестиваль фантастики «Урания-2001» прошел в Томске с 18 по 21 июля.

Программа подобных конвентов изобилует разнообразными сюрпризами. Это может быть карнавал, или прогулка на яхтах, или приезд именитых зарубежных гостей, таких как Роберт Шекли или Пол Андерсон. Но, как правило, главным мероприятием становится вручение литературных премий. В Екатеринбургe награждают «Аэлитой» - первой из отечественных писательских наград. Кстати, новосибирский мэтр Геннадий Прашкевич, получал этот престижный приз в 1994 году. В Санкт-Петербурге «Бронзовой улиткой» премирует лично Борис Стругацкий. А в Москве, в январе этого года, вручала премии актриса Наталья Гусева, сыгравшая Алису

Селезневу в фантастическом сериале «Гостя из будущего» и в фильме «Лиловый шар».

Название томских призов «Большая Урания» и «Малая Урания» взяты из романа томского же писателя Юлия Буркина «Цветы на нашем пепле». Это - оригинальные бронзовые статуэтки, изображающие людей-бабочек на овальном основании из серпентинита (змеевика), работы скульптора Дмитрия Курамшина. Вручались они по итогам голосования всех участников и гостей («Большая») и по итогам голосования присутствовавших писателей-профессионалов («Малая»). И те, и другие были достаточно единодушны. Писатели выбрали лучшим произведением прошлого года роман «Лужайки, где пляшут скворечники» Владислава Крапивина, а читатели, к изумлению самого автора, уже упомянутый роман «Цветы на нашем пепле».

В президиуме сидят Василий Головачев и Геннадий Прашкевич, а у микрофона - Юлий Буркин

Современная пресс-конференция: оба Олди беседуют по Интернету с любителями фантастики

Несколько ошавевший от организационных забот и неожиданного результата голосования Юлий Буркин оправдывался прямо со сцены, получая из рук мэра А.С. Макарова заветную награду. Но автор этих строк, состоявший в счетной комиссии, может подтвердить, что все было по-честному.

Еще было море интереснейшего общения в разных интерьерах: на загородной базе отдыха «Наука», в книжных магазинах и на интернет-конференции, в гостинице и на улицах. Произошло немало курьезов и рассказана масса баек. (Писатель Святослав Логинов из Санкт-Петербурга, давля комаров на базе: «Это у вас разве комары? Да их здесь нет совсем. Вот у нас считается, если надавил на себе 400 за час, то это уже комары!»)

Сюрпризы тоже встречались. Например, одним из спонсоров фестиваля (кроме томского «Издательского дома «Вабанк», «Альфа-банка», авиакомпании «Сибирь» и других серьезных организаций) оказался томский пивзавод «Утесовский» со всеми вытекающими отсюда последствиями...

На расстоянии «вытянутой руки» находились и сами писатели - Геннадий Прашкевич и Владимир Клименко из Новосибирска; красноярец Михаил Успенский; Василий Головачев, Павел Кузьменко и Ант Скаландис (Антон Молчанов) из Москвы; петербуржец Святослав Логинов; Г.Л. Олди (Дмитрий Громов и Олег Ладыженский) из Харькова; московско-николаевский писатель Владимир «Воха» Васильев, получивший в прошлом году сразу обе «Урании» - большую и

малую; Наталия Ипатова из Екатеринбурга; а также хозяйеватомичи Юлий Буркин и Константин Фадеев, Александр Рубан. К общему сожалению, не смогли приехать Евгений Лукин и Леонид Кудрявцев, а также Сергей Лукьяненко, который срочно сдает сценарий сериала по своей книге «Ночной дозор».

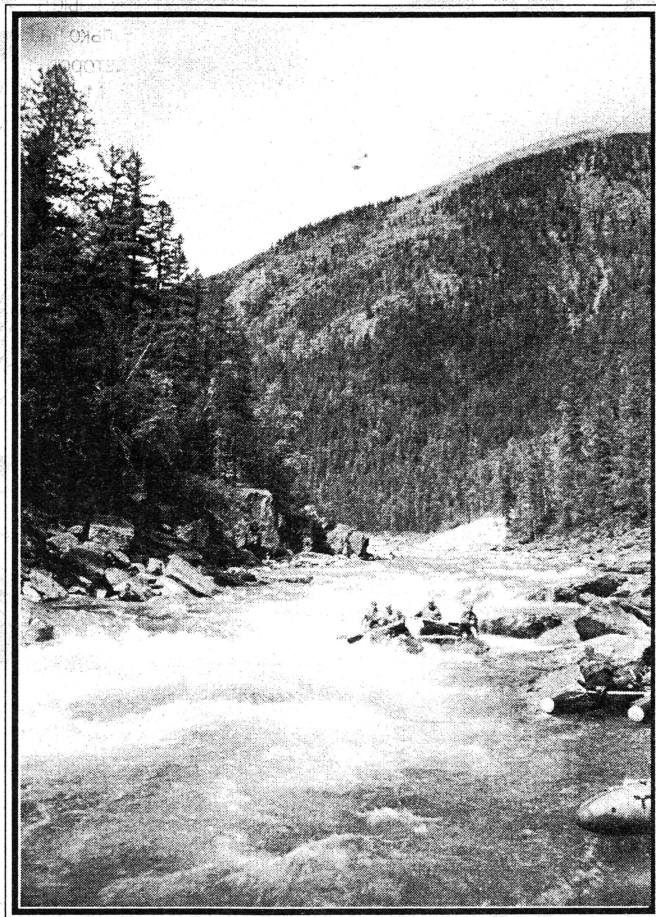
Писатели, будучи «инженерами человеческих душ», люди разносторонние и зачастую работают в смежных жанрах. К примеру, Ю. Буркин, В. Васильев и О. Ладыженский пишут и исполняют собственные песни (и какие!), но услышать их можно чаще всего только на конвентах. Антон Молчанов, продолжавший в соавторстве с самим Гаррисоном знаменитый цикл последнего «Мир смерти», оказался автором популярного сериала «Салон красоты». Сценарист комедийного сериала «Семейка», готовящегося к выходу на РТР этой осенью - Павел Кузьменко. Его детективы издаются под псевдонимом Павел Васильев, что не дает покоя Владимиру Васильеву. Любители детективов знают Геннадия Прашкевича под именем Николай Осянин, а ценители поэзии - под собственным именем. Отменный сатирик Михаил Успенский известен еще и тем, что когда-то «запустил в народ» крылатую фразу «Аллах акбар». - «Воистину акбар!» Таким образом, фантастами, приехавшими на фестиваль, освоены все жанры, кроме пошлого и скучного.

Увы, все хорошее имеет обыкновение кончаться, закончился и праздник фантастики в Томке. Заключительным аккордом для гостей прозвучал концерт талантливых томских музыкантов и знакомство с автором уникальных механических кукол В. Захаровым. Как ни грустно было расставаться, но пора, пора было домой. Правда, как поется в популярной песне, «есть приятное обстоятельство» - мэр обещал, что конвент станет традиционным. Это здорово!

А это все тот же Буркин - но уже получающий приз

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	62
Леонид ДОРОНИН «Лето - это маленькая жизнь»	63
Яна ТАМПЛОН «Урал-трофи-2001»	67
Юлия СУДЬИНА «Лошадиная песня»	70
Юрий НИКИТИН «Горячее лето «Каравеллы»»	73
Александр ПОЛЕЖАЕВ «Удар, еще удар!»	76
Анкета «Уральского следопыта»	79

Один мой знакомый рассказывал, что у него на стене дома висела старинная фотография. С нее на людей смотрели офицеры с пиками — они сидели на конях, лихо заломив фуражки набок. А внизу была подпись: «Военные сборы. 1913 год, город Оренбург». На фото были деды моего знакомого — и парню, смотрящему на них, невероятно хотелось научиться скакать на лошади. Но по настоящему это желание он смог исполнить только в другой стране — там, где в каждом втором частном доме были кони. И что особенно поразило моего знакомого — ухаживали за этими лошадьми только молодые девушки.

Потом он продолжал обучаться езде — уже в горах Абхазии, Узбекистана, Туркмении — и всегда мечтал о том, что эта песня, состоящая из звука летящего навстречу ветра и гулко-го, барабанного боя копыт, песня, соединяющая потомков с предками, будет разноситься в нашей жизни. И вместе с этой музыкой в нашей жизни, где-то рядом, вдруг появятся юные, сильные и прекрасные амазонки, увлекающие мужчин за собой, в новые путешествия — например, в мрачные каньоны реки Китой, — и их сияющие глаза будут заставлять тебя делать привычную работу быстрее и надежнее обычного — а также соревноваться с другими мужчинами. И недалек тот день, когда не только репортажи с ежегодной российской гонки на внедорожниках «Урал-трофи» будет вести девушка, но и на равных начнет соревноваться с отчаянными ребятами женский экипаж, как это делает наша землячка, четырехкратная чемпионка мира по высшему пилотажу Светлана Копанина.

Владимир ИСТОМИН

Самая мирная «охота»

«Охота на лис» переросла в отдельный, требующий к себе особого внимания спорт. Если говорить по-научному, то сейчас «Охоту на лис» моднее называть **РАДИОПЕЛЕНГАЦИЕЙ**.

С 27 по 30 июля на базе Свердловской специализированной детской и юношеской спортивно-технической школы по радиоспорту проводился финал Чемпионата России по спортивной радиопеленгации. Соревнования проводились в лесном массиве озера Песчаного: в первый день — в районе Чертового городища, а во второй день — близ Соколиного Камня.

В Уральском регионе соревнования подобного масштаба проводились впервые, так как они являлись отборочными для кандидатов в сборную России, которая в конце сентября должна поехать во Францию на Чемпионат Европы по спортивной радиопеленгации. Организаторы соревнований объясняют свой выбор Уральского региона в качестве местности для проведения отборочного тура тем, что наши горы отчасти похожи на горы во Франции, где состоится Чемпионат Европы. Место его проведения нам пока неизвестно.

Соревнования проходили на должном уровне и получили очень высокую оценку по уровню технического обеспечения со стороны и столичного клуба по радиопеленгации, и ведущих спортсменов различных регионов. Всего же в соревнованиях приняло участие 12 регионов, а от Свердловской области выступала команда в количестве шести человек.

Леонид ДОРОНИН, Екатеринбург

Лето — это маленькая жизнь

***

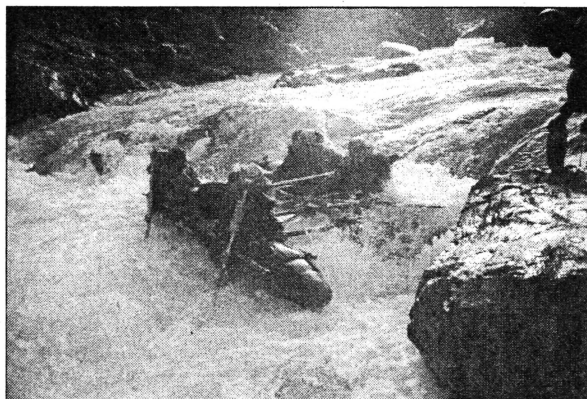
Сегодня я вернулся из отпуска. Как бы вернулся, потому что на самом деле я все еще где-то там, в походе, на реке. Здороваюсь, отвечаю на вопрос, как отдохнул, выясняю состояние дел, и все время ловлю себя на мысли нереальности происходящего. Слишком недавно были пороги, перевороты, поломки и ремонты, скалы и горы, внезапно расступившиеся и выпустившие нас из своих тисков, стокилометровый пробег последнего дня и долгая-долгая дорога домой. Все это закончилось. Сегодня жизнь закончилась, когда, махнув на прощанье рукой, свернула в свой двор Танюшка, наш завхоз и моя соседка, и я остался один в большом и многолюдном городе Екатеринбурге. Это и был для меня конец лета — моей очередной маленькой жизни.

«Лето — это маленькая жизнь». Эта песня преследует меня уже лет 7-8. Иногда я чувствую себя старым, убеленным сединами и уставшим от жизни аксакалом. Впору садиться где-нибудь возле сакли и, перебирая четки, думать о смысле жизни и вспоминать дела давно минувших дней. Сегодня день прощания. Завтра все будет по-другому. Вернется старая жизнь, окружит и заполнит своими делами и заботами. То, что

было, станет просто очередными воспоминаниями и уйдет в прошлое. Только когда мы будем собираться нашей компанией, эта наша маленькая жизнь будет возвращаться к нам. И сегодня эта жизнь, ещё полноплавная хозяйка моей души, здесь, со мной, и я пытаюсь передать свое ощущение её.

***

Китой с его каньонами-щеками и порогами 5-6 категории-сложности — суровая река. Наша группа необычна. Вокруг нас много групп сплавщиков, соответствующих общепринятым представлениям о такой реке, — суровые кондовые мужики с красными мордами и здоровыми веслами, поющие под гитару вечером у огромных костров песни о крепкой мужской дружбе и трудностях походной жизни. Наши мужики тоже не лыком шиты — ни ростом, ни весом многих бог не обидел, но трое наших девчушек в мрачных каньонах неизменно вызывают у тех самых кондовых мужиков желание задержаться, пообщаться, прикоснуться к нормальной, без особой суровости, жизни. Кончается это тем, что все эти криворожцы, кузбассцы и уфимцы, оказавшись на стоянке неподалёку, неизменно вечером заглядывают к нам на огонек с уго-

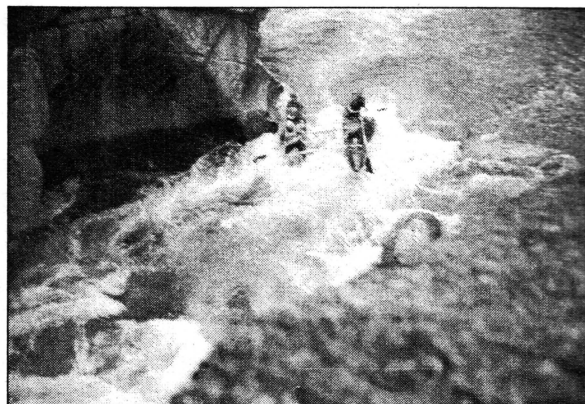
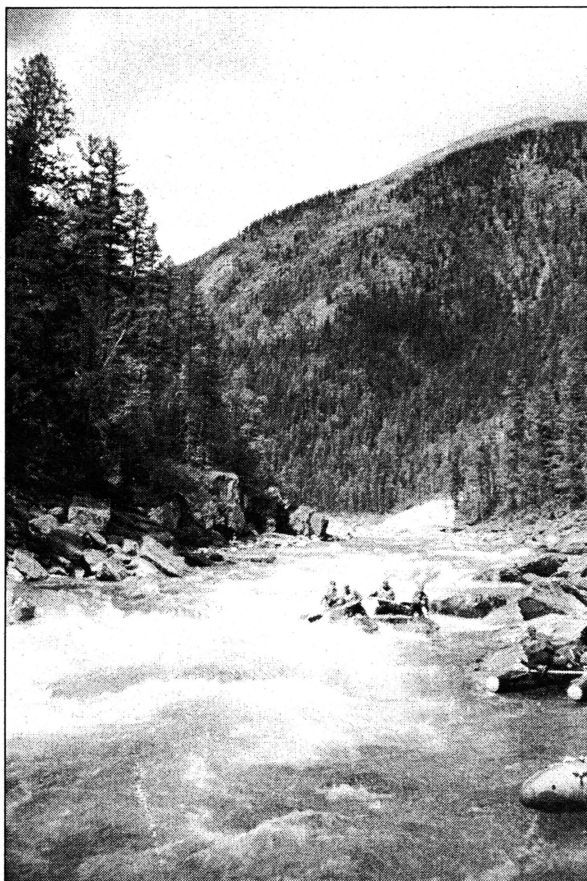

щением и засиживаются за полночь, слушая Верочкины и Юлькины песни и ведя со всеми нами душевные разговоры. Суровый уфимский руководитель, не признающий женщин на маршруте, ничего не мог поделать со своей группой, и раз за разом наши стоянки оказывались почти по соседству. Зато в трудный для нашей группы момент отсутствия продуктов именно они нас накормили-напоили, за что им и наша благодарность.

***

Жизнь у наших девчонок была трудной. Первая картинка перед глазами: нас с Колей, посиневших от холода после аварийного прохождения, Верочка с Татьяной, с огромными сочувствующими глазами, тормозят, и, ничего не соображающих, заставляют переодеться в сухое. О, блаженное тепло Верочкиного свитера... Он согревал потом меня почти до конца маршрута.

Только ради их сияющих глаз стоило сделать почти невозможное и за 5 часов, почти полностью перестроив катамаран, заклеив дыры в баллонах после его заклинивания в пороге и почти в полной темноте пройдя последние пороги, все-таки дотащиться до лагеря, где девчонки ждали нас уже два дня, огорошенные только что полученным от уфимцев известием, что мы, скорей всего, сегодня не дойдем из-за поломок.

А еще в нашей группе три Сереги — Головлин, Ступин и Туржевский. Если Ступин давным-давно стал Студентом, то Головлин и Туржевский вынуждены обозначаться просто собственными фамилиями.

Еще картинка перед глазами. Верочка летит по тропе вниз ко мне с криком: «Леопольдик!!!», и с ходу кидается на шею. Бежит дальше — встречать остальных. А за спиной у меня только что остался треугольный обелиск с табличкой — шестнадцатилетний пацан сорвался со скалы при спуске к реке, а спуск — метров 100 с использованием веревок. Вообще, КитоЙ характерен обилием таких обелисков, табличек и почерневших от времени крестов. Некоторые из них описаны в лоции как приметы порогов.

***

При выходе на маршрут наш руководитель Челноков Александр Сергеевич для большинства участников провел процедуру принесения плановых жертв богам воды, земли, неба, огня: участники соответствующего знака Зодиака выпивали из общей кружки по глотку разведенки (разведенный спирт), а остатки выплескивали в воду (соответственно — на землю, в небо или в огонь).

Первая жертва на маршруте (после 5-6 дней пути со сравнительно простыми препятствиями — до 4-5 категорий сложности). В первом шестерочном (6-я к.с.) пороге под кодовым названием «Винт» жертвами стали катамаран и заодно мое совсем новое весло. Обид-

но. Правда, с другой стороны, члены экипажа остались живы-здоровы за исключением мелких телесных повреждений в виде побитых о камни и раму катамарана рук и ног. В бочке под главным сливом порога только силой воды в один момент были переломлены все поперечины рамы нашего катамарана, изготовленные из сырой лиственницы — единственного подручного материала в начале сплава. При этом катамаран даже не перевернулся и всплыл из пучины как бы в нормальном состоянии. Первые два рубежа страховки успеха не принесли, и только на третьем (последнем) рубеже Коле удалось поймать выброску (веревку), крутануть ее вокруг рамы и одной рукой зажать получившуюся петлю, остановив и удерживая катамаран до момента, когда он был надежно привязан к берегу дополнительными веревочками. Я же в это время, не удержавшись у катамарана, пошел выяснять свою судьбу ниже по течению, где была приличная суводь. При этом весло, которое было бережно хранимо при нырянии, самосплаве и ползании вокруг катамарана, в последний момент зацепилось ручкой за раму, вырвалось из рук и ушло гулять по речке.

А чуть позже наступил момент второй жертвы. Не вписавшись в узкий проход, один из катамаранов был расклинен между береговой скалой и здоровенным бульжником, и в мгновение ока его дюралевая рама оказалась укороченной почти на метр.

***

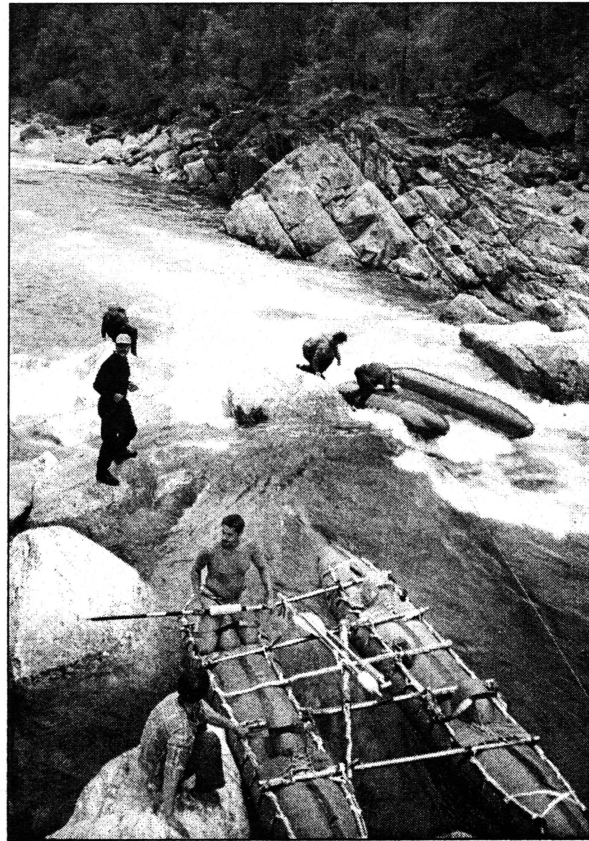
Два дня идет дождь. На третий день он затих, а ближе к обеду мы все увидели кусочек голубого неба. Из дневника похода:

К концу третьего дня уровень воды понизился метра на полтора. Сроки давят. Надо идти. За поворотом — порог. Ниже — сильный прижим к скале. Чтобы уйти от него, надо пересекать струю с приличными валами. По такой воде, после дождя, проходить его — нет никакого желания.

Проводим катамараны. Места у воды для одного катамарана. Спускаем на воду первый. Вдруг раздается крик:

— Выброску!!!

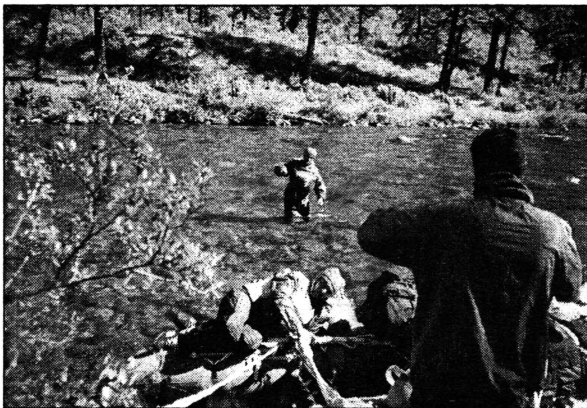
По реке летит лодка, обычная одноместная резинка. Лодку несет в прижим. Рядом с лодкой — человек в

оранжевом спасательном жилете. Подальше — еще один? Нет — рюкзак и еще сидушка-надувашка.

Наш Денис (травматолог) прыгает на Юлькино место, рвет запасное весло, ему кидают другое, и катамаран уже летит прямо в прижим — некогда выбирать — в крене вылетает из него и вслед за лодкой исчезает за поворотом...

На нас, оставшихся перед порогом, обрушивается пустота и тишина... Появляется время подумать — что дальше? Первая мысль — надо спешить следом, помочь, если что... Но самый сильный наш экипаж — там. На две оставшихся посудины — три девчухи. И паводок, повывисший сложность порогов. Скорее им придется спасать еще и нас. Единственный реальный выход — идти по берегу, искать наших и надеяться на благополучное окончание погони. Времени в обрез: у нас часа полтора-два светлого времени, а ночью по скалам не попрыгаешь... Вдвоем с Туржевским ищем выхода наверх. Поднимаемся по ручью, потом по расщелине и попадаем в тупик метров за пять до верха. Щель образована рассыпающейся при нажатии породой, левее — камни, покрытые мхом. По очереди пытаемся подняться по щели — бесполезно. Здоровый каменный выступ при попытке опереться на него с грохотом обрушивается вниз. До ближайшей березы метров пять вертикалки — близок локоть... Брошенная из неудобного положения выброска не долетает, да еще и при падении цепляется за гнилой пенек метрах в четырех от нас и заклинивается. Освобождая

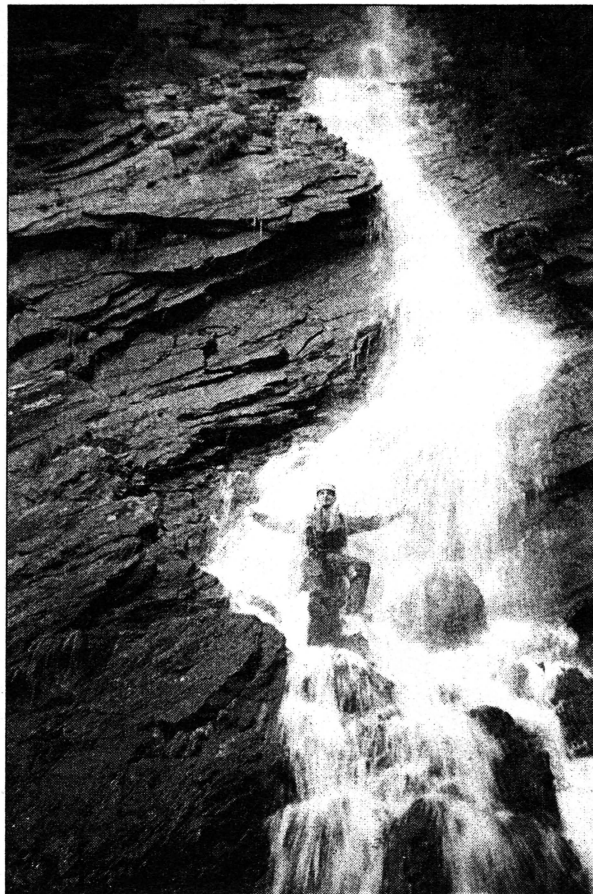
выброску, вдруг нахожу пару мелких зацепок на склоне. Обвязываюсь веревкой и ползу вверх. Находятся новые зацепки. Дотянувшись до березы, вяжу веревку. Первый этап есть. Поднимаемся наверх и через семь минут пути поверху слышим голоса наших: «Как вы?» «Нормально, один раз на дыбы поставило», «Догнали?» «Догнали», «Что с мужиком?» «Жив, даже не наклебался. Живой».

Что касается спасенного, то бедолага изрядно накувыркался, замерз. И катамаран он не видел, в то время, как ребята наши за ним гнались, криков их ободряющих не слышал. От лодки его оторвало в бочке, спасилет пенопластовый воды набрал. А когда ребята его догнали — только нос над водой был. Увидел их, только когда катамаран над ним завис и стал его к берегу подталкивать. У берега спросил только: «Вы откуда, ребята?»

Слава Богу, жизнь снова налаживается.

Познакомились со спасенным Володей из Ангарска. Повезло ему — в рубашке родился. Деваться ему некуда — взяли с собой — тринадцатым.

Аккуратно прошли оставшиеся пороги Моткиных щек и, наконец-то, на восьмой день вышли из них на простор. Через 15-20 км какой-то Билютинский каскад, по описанию — простенький (3-4 к.с.). Расслабились, повывлазили из дуг, кто фотоаппарат подсушивает, кто со спиннингом возится, «кто кивер чистит, весь избитый». И тут Китой в очередной раз погрозил пальчиком: короткая суета на передовом катамаране по залезанию в дуги (у нас, в 10 метрах за ними — тоже), и вдруг они проваливаются в яму, катамаран взлетает вертикально и падает на спину. Классика поворота. Мы успеваем только убежать чуть влево от главной бочки, удачно попадаем в стык двух других и проскакиваем первую ступеньку порога. Можно приступать к спасательным работам. Подбираем пльвущее весло, не успеваем поймать ныряющий как поплавок спиннинг (жалко Серегу — привязал плохо) и минут через 7-8 катамаран зачален к берегу, поставлен на ноги и готов к выходу (рама, баллоны и рюкзаки целы). Единственная потеря — спиннинг.

И вот он настал — последний день. Впереди 100 км без порогов: одни перекаты да несложные прижимы. Но вдруг за поворотом на перекате — куча народу. Подходим, какое-то пацанье стаскивает с мели деревянный плот! Зачаливаемся ниже, там еще два таких же чуда!! Так и есть: группа пеших туристов, да еще в большинстве своем малолетних, из Москвы, решила сэкономить время и поплавать по Китою. Решаем для начала помочь стащить плот с мели, навалившись всей толпой. Пускать малолеток по воде нельзя — это очевидно. Единственный вариант — отправить по берегу. Придется переправлять через реку. 19 человек — 19 рюкзаков. Кто-то из наших подбрасывает мне мысль, что я уже ходил когда-то на плоту. Взыграло, и я решил попытаться. Набрал два экипажа покрепче, остальных перевезут наши. Подготовились и пошли, но дальше 5-ти метров от берега так отойти и не смогли (впрочем, и подойти обратно тоже). Плот связан бельевой веревкой, гребь в подгребнице не закреплена, а лопасть к гребю тоже привязана веревочкой (без единого гвоздя). Строители!.. Пришлось выбрасываться на отмель, второй плот все же пристал к берегу (естественно, правому). Дальше начались нормальные перевозки пешей группы, нет чтобы сразу — быстрее и проще. Перевезли последнюю партию (как приятно на своей посудине и на своем месте), помачали ручками и разбежались.

Дальше мы полетели по реке, как на крыльях, со скоростью 10-15 км в час.

А потом пришли к концу эти 100 км, этот длинный день, закончились жертвы, новые знакомства и спасательные работы. Подходил к концу маршрут. И никто так и не смог пока сказать про него, как про прежние походы — хороший, веселый, плохой, страшный, легкий, мокрый, холодный. Единственное определение, которое мы всей группой сумели подобрать, — он не ТАКОЙ, как все остальные. ОН другой. Может быть, потому, что это лето — не маленькая, а просто наша Жизнь. И она удалась.

Яна Тамплон

ДНЕВНИК

«УРАЛ-ТРОФИ - 2001»

ПРОЛОГ

«Урал-трофи» — ежегодная российская гонка на внедорожных автомобилях, проходящая в нашем регионе. Впервые такие соревнования проводились в 2000 году. В гонке 2001 года приняло участие 40 экипажей, 12 из которых сошли с трассы. Кроме машин-участников на «Урал-трофи» приехало несколько машин техпомощи, в задачу которых входило вытаскивать застрявшие на спецучастках (участки трассы, где фиксируется время преодоления) автомобили. Помимо гонки на скорость (другое название гонки на скорость — «спорт»), «Урал-трофи» включает в себя еще две зачетные группы: туризм (прохождение трассы без учета времени) и командный заезд, в котором все участвующие экипажи обязаны друг другу помо-

гать.

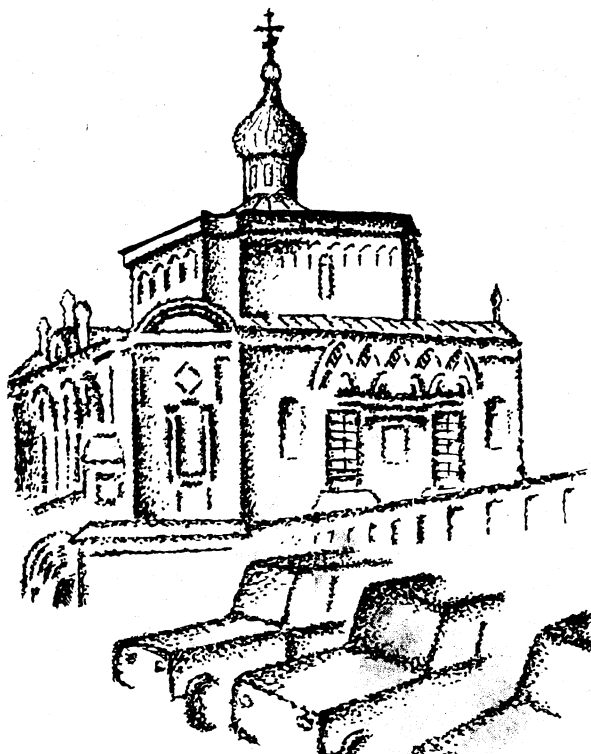
ДЕНЬ 1-Й

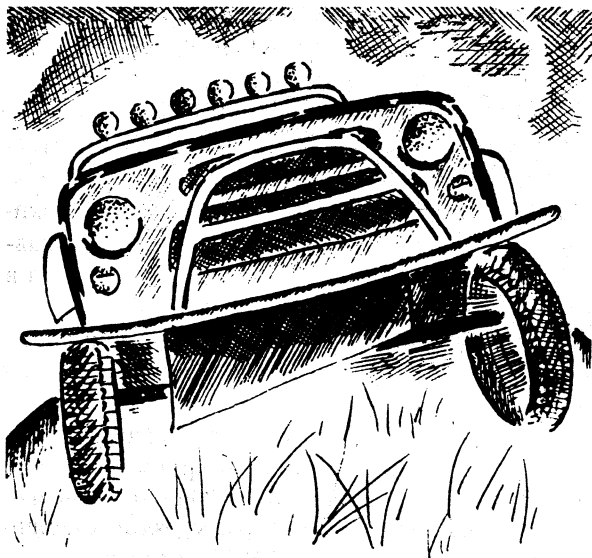
Открытие III этапа Кубка России по трофи-марафонам состоялось 4 августа на главной площади г.Верхотурье. На открытие специально был приглашен священник, который окропил святой водой все машины участников. Под знаменем «Урал-трофи» собрались экипажи-участники из разных городов России: Тюмени, Москвы, Екатеринбурга и др. Были и новички марафона (№32 — мотовезвезд, №10 — «Toyota» — экипаж из Москвы), были и участники прошлогоднего трофи (семья Трусовых — команда «Бухенвальдские малыши»).

После освящения машин и экскурсий по городу Верхотурью, его многочисленным монастырям и таким церквям, как храм Святой троицы, участники направились к месту начала первого спецучастка. Наконец, старт дан, и экипажи машин, строго соблюдая очередность выездов, ринулись на освоение этого спецучастка.

Как и бывает во все дни проведения трофи-марафонов, первый день тоже не обошелся без поломок машин. Буквально через 45 секунд после старта машина под номером «17» сломалась, влетев в большую яму. В процессе починки выяснилось, что у этого автомобиля надломилась полуось, в следствие чего отлетело переднее левое колесо. После того, как 17-й автомобиль был налажен, он все-таки встал в строй, но перешел из спортивного разряда в разряд «Туризм».

Первые лидеры прибыли к месту финиша этого спецучастка через 1,5 часа после старта, а последние машинки подъехали только глубокой ночью. За исключением трех экипажей, которых поехала вытаскивать техпомощь, остальные 37 добрались до финиша благополучно. Местом первой ночевки стал берег реки неподалеку от Верхотурья. А что такое первая ночевка, мы знаем: это мытье машин, ужин на кострах, и согласно отпущенной норме распитие горячительных напитков. Затем отход ко сну. Завтра -2-й день.

ДЕНЬ 2-Й

Старт назначен на девять утра. Каждая машина должна стартовать через 10 минут после предыдущей, поэтому время выезда значительно растянулось. На сей раз спецучасток выдался сложнее, чем в прошлый день. Машины вязли в грязи по самый капот, наклонялись по отношению к уровню земли под углом 40°. Но все же, не смотря на это, участники, сами вымазанные по уши в грязи, упорно боролись за первое место.

В конце этого спецучастка на «легенде» (по-ясняю: это что-то типа схемы трассы прохождения), находящейся в руках у штурмана, значилась небольшая линия с невинной подписью «Ручей». На самом же деле этот «ручей» оказался таким жутким болотом, что в нем сразу же застряло аж четыре машины. Две машины (самые длинные) из застрявших в болоте, точно пробки в бутылке, вклинились в берега «ручья» так намертво, что достать их оттуда быстро не представлялось никакой возможности. Единственной машиной, прошедшей без проблем это препятствие в виде ручья-болота, можно назвать только восьмиколесный водоплавающий автомобиль — вездеход, прозванный за свою резвость самими трофистами «тараканом». Правда, обидно, что он шел вне зачета: не попадал под условия соревнований по причине своей «вездеходности».

ДЕНЬ 3-Й

В принципе, день выдался спокойным. Единственное, что можно отметить, это то, что стояла невыносимая жара. Лагерь после гонок разбили между двумя горными речушками. Народ пошел купаться. Холодная водичка мгновенно подействовала на разгоряченный пыл марафонщиков. Стали подкидываться различные идеи по поводу способов купания, начиная от массового заплыва и заканчивая плаванием на скорости. Но почему-то ни один из этих светлых замыслов не был осуществлен.

ДЕНЬ 4-Й

Это был интересный день. Если раньше спецучастки состояли исключительно из грязи, болот, то в этот день ландшафт резко поменялся на горный. Дорога стала вроде сухой, но при этом очень крутой, и к тому же была завалена деревьями.

Вечером же того дня был проведен сеанс карточной игры. Все! Дело — швах! Всем спать!

ДЕНЬ 5-Й

В этот день добрались до Ольвинского камня, на вершине которого и решено было разбить лагерь. Но далеко не все смогли преодолеть горную кручу. Машины техпомощи, к примеру, так и остались у подножья гор (а это 20 км от лагеря). На месте новой ночевки напрочь отсутствовала трава, но из растительности все же рос мох вперемешку с черникой, голубикой и прочей вкусной ягодой.

ДЕНЬ 6-Й

Доехали до Дома Рыбака, двухэтажного домишка, куда приезжают погостить рыбаки, туристы, да и просто любители природы. Здесь можно взять лодки напрокат, чем немедленно и воспользовались некоторые участники «Урал-трофи», естественно, во время досуга. В тот же вечер обнаружилось, что у одного из участников день рождения, и поэтому весь лагерь не гулял всю ночь. По палаткам разошлись лишь под утро.

ДЕНЬ 7-Й

Давно продолжающийся спор между владельцами «Тойот» и УАЗиков достиг сегодня, наконец, своей кульминации. Суть спора заключалась в том, что владельцы «Тойот» доказывали, что именно их машины лучше всяких там УАЗиков, которые решили доказать обратное не словом, а делом. Владельцы УАЗов нашли большое поле с огромными ямами неподалеку от лагеря, и как давай по нему ездить вдоль и поперек, периодически проваливаясь в эти самые ямы. Продолжалось это «шоу» достаточно долго, и, в конце концов, уже весь лагерь стал принимать участие в этом странном заезде. Смешалось все. К счастью, никто не пострадал, а чем закончился спор, выяснить так и не удалось. Можно только добавить, что впоследствии, на финише всего «Урал-трофи» I, II, III места заняли именно машины марки «Toyota».

ДЕНЬ 8-Й

Утро последнего дня началось бурно. Накануне вечером команда Суперстрога начала негодовать

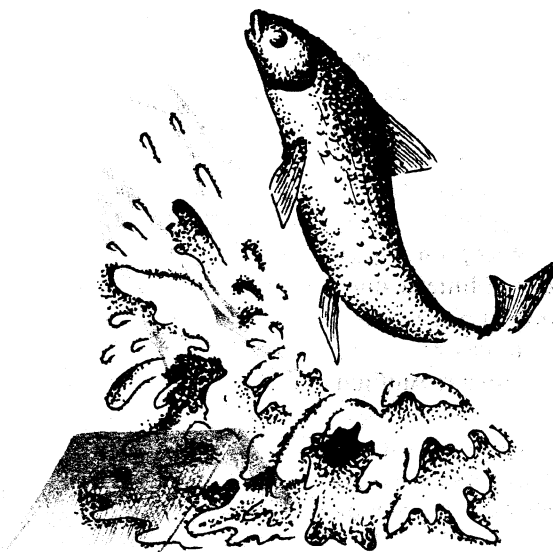
из-за того, что проходимость дорог, по их мнению, слишком легкая, препятствий и трудностей мало, а им ой как хочется в болото. На этот вызов незамедлительно отреагировал один из организаторов «Урал-трофи» Олег Майоров. Он усложнил трассу, добавив к ней дополнительный спецучасток. Примечателен тот факт, что хорохорящийся экипаж Суперстрога, с пеной у рта ранее доказывавший простоту трассы, дольше всех и просидел в болоте нововведенного спецучастка.

Но к концу дня все прибыли-таки на жигаланские водопады. Остался последний, финальный, спецучасток. Этот участок представляет собой дорогу к вершине хребта Кваркуш, осложненную большим количеством бульжников и крутостью подъема. Машина №35 сломалась за 200 метров до финиша. Примерно на таком же расстоянии до финиша сломался и автомобиль №13, который до этой минуты стабильно шел первым. Теперь точно экипажу 13-й машины пальму первенства пришлось сложить. А у экипажа Мультиков неожиданно закончилась солярка. В общем, долго ли, коротко ли, но вот и финиш.

ЭПИЛОГ

Помимо наград за занятые I, II, III места вышеупомянутым «Тойотам» были еще номинации типа «Серебряный дятел», который достался экипажу №35, «Серебряный бультерьер» ушел в команду № 32, а «Серебряную улитку» получили москвичи.

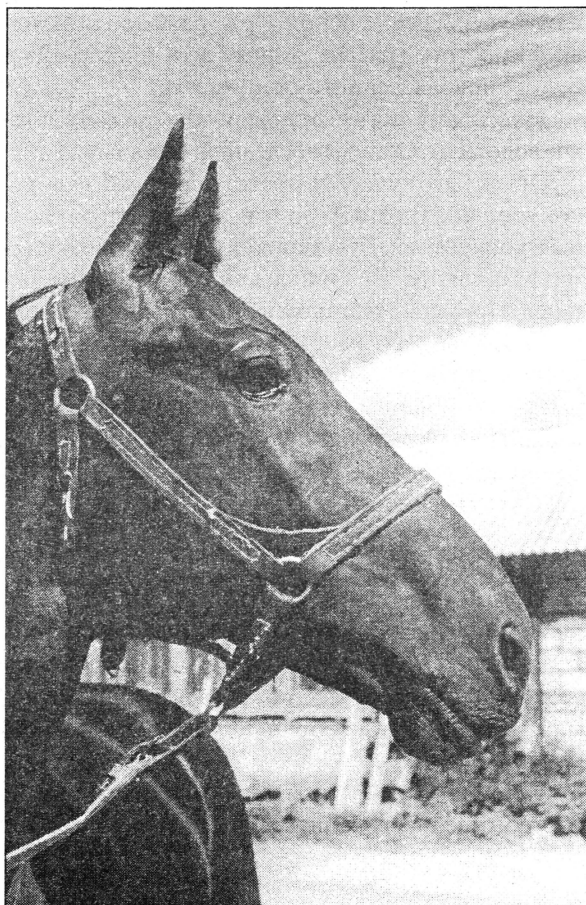
Теперь домой — отдыхать, чинить машины и, соответственно, готовиться к следующему трофи.

Рисунки Яны ТАМПЛОН

Юлия СУДЬИНА, Екатеринбург

Лошадиная песня

Он танцевал танго на белой траве. Черные копыта вонзались в мягкую, нагретую землю. Жар его тяжелых крыльев стянул мне руки. Клич его разбил мои глаза навсегда... и навсегда ветер из гривы его впился в мою душу, поющую в унисон с его песней. Да, я больше не вижу, не могу поднять рук. Но... это не слишком большая цена за невозможность забыть... забыть песню моего коня.

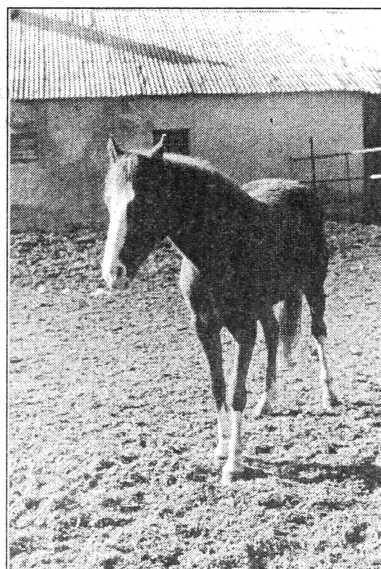
Однажды я написала: «У каждого из нас свои просторы, над каждым из которых собственная луна». Однажды мы, подкинутые в седла тренерским «Смена, меняемся», оказались наверху, на той самой высоте над уровнем манежа, где на глаза набегают горизонт, кусками открывая нам «просторы». Теперь «наша» луна, не замеченная городскими окнами, каждую ночь поднимается над ко-

нюшной, собирая тонкие осколки лошадиных глаз.

Мы учимся верховой езде. Это звучит как удар копыт о сорокасантиметровый барьер, как тепло поводьев, оставленное кем-то до тебя, как боль от падений, колючая опилочная пыль на ресницах.

И вместе с этим, как страх. Никто не знает о нем больше нас. Сначала он заставляет поворачиваться спиной к деннику, потом к манежу, а потом ты оказываешься напрямик на дороге к дому без права повернуть назад. Но мы учимся любить страх и заставляем его любить нас. Посмотри, он уже сам вкладывает в наши руки стеки, безошибочно заводит на препятствия. Сам твердит заповедь: «Не останавливайся...» Остановишься, там глаза тренера — как стена — разобьешься.

Повторяем про себя: «Я все смогу». Надо смочь. Это длинная дистанция с «мертвыми» препятствиями. До финиша дойдет тот, кто сильнее. Не сильнее лошади — сильнее себя. Оказывается, дать шен-

кель пятистам лошадиным килограммам значительно легче, чем «сдвинуть с места» несколько граммов человеческой души.

Но отчаянное неумение побеждать себя происходит. В один момент что-то отхлынет, сползет, как старая кожа, ляжет у ног вечным бессилием. И на завтра, даже если врезался в желтый пол манежа, влетел головой в сугроб — все не так. Нет, страх не уходит, но он уже другой, влюбленный в тебя, и слезы есть, только теперь они всего лишь смывают ненужную пыль и синяки, просто ты их больше не замечаешь, потому что нет тебя, прежнего. Тебя, не знающего занесенной снежными буранами дороги на конюшню. Есть ты сегодняшний, настоящий — бегущий сейчас через поле с оттопыренными щетками карманами, с пакетом мокрой морковки для того гривастого, который, может быть, через несколько минут скинет тебя из седла на землю. И все равно каждой из них, «козлящих», «несущих», «встающих в свечку», наступающих нам на ноги, мы верим. Верим бархатному теплу их боков, шевелению чутких ушей, их сенному дыханию, врезающемуся в наши лица. Верим и потому снова и снова встаем, цепляемся за стремяна, пропускаем между пальцев поводья... Снова и снова учебная рысь, галоп, препятствия...

Подседлать, расседлать, почистить, отбить ден-

ники, вывести навоз. После — посидеть, помолчать, около глаз погладить его, дохрумывающего твои последние конфеты, а потом закрыть решетчатую дверь на кривой крючок и пойти переодеваться. Идешь домой, оглядываешься: где-то за серой деревянной стеной конюшни высунется из денника лошадиная голова, встряхнется, фыркнет от солнечного зайца, забившегося в раздувающиеся ноздри, посмотрит сквозь доски тебе вслед.

И ночью ветер занесет в форточку влажный запах распаренного овса, окрики управляющихся конюхов, посапывания жеребят и нервный стук копыт молодой не уснувшей кобылы.

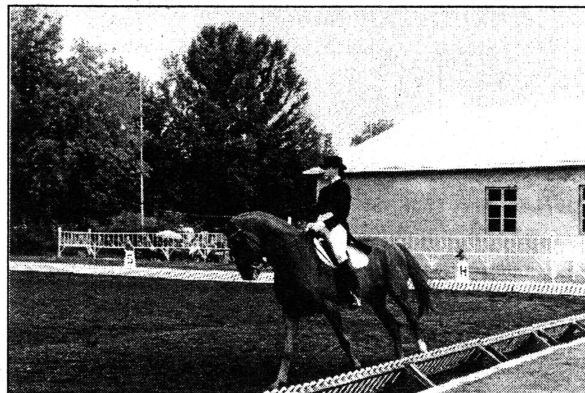
Все это о школе. О тех самых двух длиннющих конюшнях ДЮСШ олимпийского резерва в Уралниисхозе, которые тавром легли на мое неумное сердце. Вот и сейчас Вика сказала мне: «Если не прыгнешь, никогда больше с тобой разговаривать не буду...» Я прыгнула. Без седла, как положено. Прыгнула, потому что она была моим тренером. Когда-то я думала, что она не умеет тренировать, все больше молчит, стоя посередине манежа, и многое у нее зависит от настроения. Но наступил момент, когда осознала: нет человека, которому бы верило твое сердце больше, чем ему, тренеру. Он учит нас, как любит и понимает. На тренера нельзя обижаться, потому что он тебе верит. И если ты

едешь в смене и думаешь, что про тебя забыли, что имени твоего так и не знают — это неправда. Так не бывает, чтобы тот, кто стоит в середине, на оплочном насте, не видел и не знал. Тренер замечает каждого, так что не психуй, не дергайся, не бойся, просто делай, что знаешь, спрашивай, что не знаешь.

Год назад мы сдавали экзамены: теория (породы, масти, отметины, виды конного спорта), пресс, отжимание, вольтижировка (гимнастика на лошади). Потом ждали списков. Кто хорошо сдал, попадал в конноспортивный лагерь. Водили пальцами по листу с отпечатанными фамилиями. И даже тем, кто в лагерь не попал, все равно нашлось дело. Мы носили землю, отбивали денники, ходили за травой, убирали территорию, разгружали опил. И, сидя в КАМАЗе, по уши в свежей стружке, за три часа до тренировки занимали очередь на любимую лошадь. Получалось по пять человек на место. Правда, на некоторых кобылок желающих было поменьше, может, из-за скверного характера, может, из-за «неподвижности». Но все равно каждая из наших «сменных» была любимой. Каждая из них занимала свою долю привязанности в наших наезднических сердцах.

Теперь в моих руках лейца, на которой идет моя собственная лошадь. Я выпускаю ее в загон и смот-

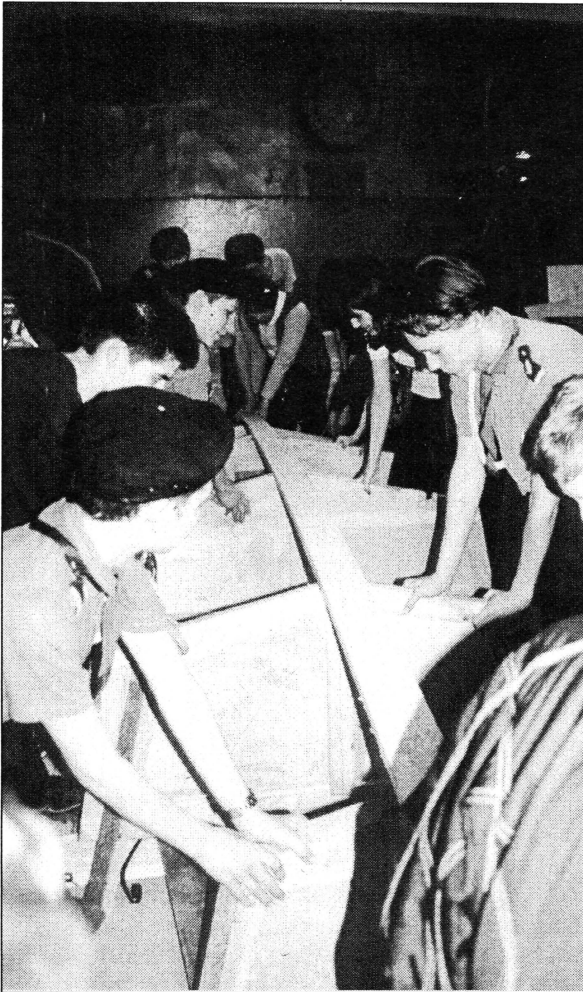
рю, как струйки песка разбрызгиваются из-под ее копыт. Я завязала на себе новую жизнь. Но не забыла, какой голос у Ганки, как двигается Исток, или как Графиня шелкает губой. Не забыла боль от езды без седла, лагерную суматоху и своего первого тренера.

Лошадь, которую я тогда любила, любит сейчас кто-то другой. Школа выращивает спортсменов. И кто знает, может, то место, куда я однажды не пришла, досталось будущему мастеру спорта. А я буду смотреть соревнования и болеть за него, потому что мы с ним одно целое — связанные лошадиной песней.

Юрий НИКИТИН

«Горячее» лето «Каравеллы»

Закончилась парусная практика, пора подводить итоги. Чем жили каравелловцы этим летом? Чему радовались, чему огорчались? Какие впечатления увезли с собой многочисленные гости из разных городов? Пожалуй, никто не расскажет об этом лучше их самих.

С чего начинается практика? Конечно же, с ремонта яхт. В этом году ремонт начали раньше обычного — ещё в феврале, в помещении отряда.

Саша Орлов (12 лет, звание — штурман):

В этом году решили сделать часть ремонта в отряде. В отряд привезли яхты, которые были в самом плохом состоянии. Это «Суок» (он вообще

недостроен), «Гек Финн» и «Пеленг». Мы распределились по яхтам, купили инструменты, и закипела работа. Я решил пойти на яхту «Суок». Здесь собралась очень неплохая команда: Я, Олег Митяев, Илья Гришин, Галя Суслопарова, Вова Зотов, Валера Лопатин и Егор Фирсов. Работаем мы все с удовольствием, потому что, конечно же, каждый ждал ремонта всю зиму. Какая же это все-таки радость! Ремонт напоминает о том, что совсем скоро лето, скоро начнётся практика, гонки...

ЗДОРОВО! Работы было «завались»: мы поменяли палубу по правому борту, выпилили лист на корму, поменяли заднюю переборку, сделали степс... На «Пеленге» полностью меняли транец, на «Геке Финне» тоже, и ещё сделали крышку для форпика.

Но несмотря на ремонт, в отряде занимаются и другими делами. Кто-то верстает газету «Бермудский треугольник», кто-то вахтит. Одно другому не мешает. Совсем скоро равноденствие! Только возникает один очень интересный вопрос: а куда мы будем девать яхты? Ведь сбор надо проводить в «муравейнике», а там сейчас стоят яхты и занимают большую его часть.

Саша зря волновался насчёт Равноденствия: яхты расставили вдоль стен, и традиционный отрядный праздник прошёл как надо.

А вот что рассказывает один из новичков.

Вова Зотов (11 лет, матрос):

Я работаю на яхте «Суок». На яхтах «Гек Финн» и «Пеленг» заменили транцы, а на яхте «Суок» — часть палубы. На «Геке Финне» и «Пеленге» в течение трех дней соскребали старую краску. Скоро конец ремонта этих яхт, и мы поедем на базу ремонтировать другие. Не могу дождаться, когда мы будем ходить на яхтах!

Яхта «Суок», о которой говорят ребята, была заложена ещё в 1997 году, но тогда её строительство так и не смогли завершить. И только в этом году она, наконец, была достроена и торжественно спущена на воду. Правда, уже под новым именем: «Рафаль». Но это была не единственная новая яхта флотилии в этом году. Ещё одна была построена «с нуля», причём, всего за полтора месяца!

Татьяна Зотик (капитан-инструктор):

В апреле-мае в отряде прошло первое в этом веке строительство новой яхты. Построили, ни много, ни мало, очередной «штурман». Сколько на это было потрачено нервов, сил и средств... А все началось с мечты о новой яхте двух людей: Саши Дедюхина и Коли Голикова. И вот корпус уже заложили на стапель. Дни пролетели как один. Лично я была только на закладке этой яхты и больше никакого участия в ее строительстве не принимала, да и к самой идее строительства отнеслась с изрядной долей недоверия. Но со временем это недоверие таяло, и в конце концов исчезло совсем. Да и как ему было не исчезнуть! Рождение новой яхты — как рождение ребенка. Она кажется хрупкой, беззащитной, маленькой, но подающей надежды. С особым трепетом ей выбирают имя-название, ведь «...как вы яхту назовете, так она и поплывет...». Вообще, предлагалось огромное количество названий, но в конце концов выбирали из трех: «Уктус» (там родился и существовал пер-

вое время наш отряд), «Мушкетер» и «Ветер» (названия отряда в разное время). И вот после бурных дебатов и голосования яхту было решено назвать «Ветер».

Теперь эта яхта уже летает над ВИЗ-овскими волнами, поражая рулевых своей скоростью и легкостью. Она обходит даже те яхты, которые до этого года считались самыми быстроходными.

«Ветер» и вправду получился очень удачной яхтой. Он является 13-м в серии «штурманов», начатой ещё в 1981 году, но имеет более лёгкий, собранный по новой технологии корпус с обшивкой из водостойкой фанеры, а также сшитые по специальному заказу паруса из современного материала.

Но не будем забегать вперёд... В самом начале лета, 1 июня, «Каравеллу», как всегда, ждало ещё одно дело: участие в мероприятиях, посвящённых Дню защиты детей. И в этот же день свой юбилей отмечал журнал «Уральский следопыт».

Альбина Абдулина (14 лет):

1 июня, в день защиты детей, в «Белом доме» проходил Форум юных граждан Свердловской области. Это уже четвёртое мероприятие такого рода в нашем городе. На форуме собрались ребята из разных городов области, а так же из Перми. Выступали депутаты и министры образования и культуры, детские группы показывали театральные и танцевальные номера, пели народные песни.

Почти у всех участников Форума были галстуки с белой, синей и зелёной полосками — цветами флага нашей области. После концерта нас разделили на 3 группы и мы начали обсуждать некоторые важные вопросы, интересующие молодёжь. Например, где и каким образом возможно достать деньги, с какими фирмами и организациями можно взаимодействовать, на что потратить свой капитал.

Форум продолжался около 2 часов. А когда мы собрались уходить и идти в библиотеку на юбилей «Уральского следопыта», начался сильный дождь. Нам пришлось его пережить. После библиотеки, поздравив «Уральский следопыт», мы, шлёпая по лужам, промокшие и голодные, направились к театру Драмы. Там наши барабанщики сыграли свои марши, фехтовальщики продемонстрировали показательный бой, и после всего этого мы, наконец, отправились домой. Вот такой у нас был насыщенный день!

Итак, ремонт и строительство заканчиваются, и все мысли — о предстоящем лете. Вот что

писали ребята в начале июня, накануне открытия практики.

Сергей Фирсов (13 лет, матрос):

«Лето, любил бы я тебя, когда б не комары да мухи...» У меня насчет лета другое мнение. Да, комары надоедают: не дают спать, на улице жизни не дают, пока домой не зайдешь. Но к этому можно привыкнуть. А летняя жара, купания в озере, походы в лес и вообще все то, что можно сделать летом (ведь в другие времена года это вряд ли получится) — все это не может надоесть. Тем более, если есть сад — это самое подходящее место для жизни летом. К тому же с приходом лета в отряде «Каравелла» открывается парусная практика, а в школе начинаются самые длинные каникулы — целых 3 месяца. И поэтому лето — это самое прекрасное время года. Особенно, когда лето жаркое и не дождливое. К сожалению, это лето не такое, но и ладно: лишь бы оно не быстро проходило!

Оксана Вершинина (11 лет, матрос):

Наконец-то пришло лето! Закончилась школа, написаны итоговые контрольные, сданы экзамены.

Лето — это самое прекрасное время года. Я всегда его жду. Можно выспаться, погулять. Конечно, когда приезжаешь с базы, часиков так в восемь, много не погуляешь. Но и на базе я хорошо отдыхаю. А еще я всегда жду хорошей погоды, чтобы искупаться, поплавать, а на базе это обеспечено. Вообще, летом можно заниматься множеством интересных дел: гулять, купаться, загорать, спать, читать весь день, встречаться с друзьями, играть во всякие разные игры, сидеть на скамейке, смотреть телевизор, болтать по телефону, ходить в гости и т. д., и т. п. А главное, летом — практика. Ходить на яхтах... гонки... палаточный лагерь. Я просто обожаю лето, жару, яркое солнце, проливные дожди и свежий, теплый воздух лета.

Владик Железников (10 лет, матрос):

Вот и лето пришло, как долго я этого ждал! Настроение стало хорошее. Как же мне не радоваться, ведь летом у меня день рождения.

Летом в «Каравелле» спускают яхты, и теперь я наконец-то посмотрю, как ходит «Гек Финн» — моя самая любимая яхта. Я думаю, ей удастся доказать всем, что она не «дырявое корыто» (так его называют). Также скоро я узнаю, как ходит «Экватор», ведь я буду ходить в его экипаже. В конце практики у меня будет две звездочки на берете.

И вот 8 июня открылась 32-я парусная практика «Каравеллы». Пожалуй, в этом году она требовала от ребят особенного напряжения сил. В июне занятия проходили почти каждый рабочий день, а в июле, когда начались гонки, а потом ещё и приехали гости — свободного времени не стало и в выходные. Хорошо хоть с погодой повезло: большую часть дней был хороший ветер, и почти не было сильных дождей. Июнь был посвящён в основном обучению новичков и учебным гонкам. Почти каждый день приходили гости — в основном ребята из различных детских клубов. Их распределяли по экипажам, катали, учили вооружать яхты. 1 июля был «родительский день», когда ребята могли покататься на яхтах своих родителей и друзей. А 2 июля, как всегда, открылись гонки на первенство флотилии. Они прошли за два дня и были очень драматичны: лидеры прошлых лет, вопреки ожиданиям, уступили менее опытным рулевым. А за первое место шла суровая борьба.

Продолжение в следующем номере.

Александр ПОЛЕЖАЕВ

Удар, еще удар!

Сентябрь выдался на удивление теплым, настоящее бабье лето. Поэтому тренер вынес занятия на улицу, в небольшой скверик рядом со стадионом. Пять кругов по беговой дорожке вокруг футбольного поля, потом разминка в скверике и спарринг. Тренер обычно сам составлял пары, руководствуясь своими планами, опираясь на свой опыт. Лысоватый, полноватый, добродушный и, в то же время, сам себе на уме, очень похожий на Леонова, он ходил среди молодых спортсменов и указывал пальцем кому с кем нынче тренироваться.

Витек ждал, когда дойдет очередь до него, перебинтовывая руки эластичным бинтом, но больше любовался чудной погодой: лето прошло, но солнце еще пригревает, даже клонясь к закату, легкий ветерок приятно освежает разогретое тело, роняет пожелтевшую листву с деревьев и гонит бело-ватные облака по синему, бездонному небу. Немного грустно, что уже осень, что уже десятый класс, последний, а что дальше... Даже думать не хочется так далеко. На удивление себе, кстати, очень приятное, Витек подрос за это лето весьма значительно и, как оказалось, стал самым высоким в школе, почти под метр девяносто, и как-то остро почувствовал, что он уже не мальчик, что детство укатилось куда-то под гору, что его уже и не вернуть, и даже если жалко чего-то, но и возвращать это чего-то не хочется, хотя и грустно от того, что если и захочется, то не вернешь. Он третий год занимается боксом и, как никогда, чувствует себя здоровым, сильным, достаточно ловким и совсем неглупым, судя по успехам в школе. Да, последний год — он решающий, но Витек чувствует, что готов к нему, хотя и не определился еще, что будет дальше.

От этих мыслей его отвлек тренер.

— Так, — сказал он, подойдя к нему и улыбаясь про себя чему-то. — А поработайка ты сегодня с Валерой. Ему выступать, а он что-то лениться стал, к тому же ты и вес набрал, и росту. Так что ему полезно будет, да и тебе, Виктор, думаю тоже, — он махнул Валерке, чтобы тот подошел.

Витек сначала вздрогнул от неожиданности, словно вспомнил детский страх и беспомощность, забыв, что он уже совсем не тот, что был три года назад. Но потом даже улыбнулся про себя, все вспомнив и осознав. Раз тренер сказал, что нужно, значит так оно и есть, и если не только Валерке, а и ему тоже, то значит помнит, хитрюга, все.

А три года назад Витек пришел впервые в секцию бокса. Странно, но из школы их было человек восемь, а взяли только троих, причем самых дохлых: его, Юзика и Паштета. С Вовкой Юзифовичем они были из одного двора, а Пашка учился в параллельном классе. Он был мелким и вредным, страдая, видимо, от комплекса неполноценности, но жутко ершистым и занозистым, что тренер и подметил, поэтому и взял. А что он разглядел в Витьке и Вовке — непонятно.

Начались тренировки, и Виктор обнаружил, как он слаб, даже подтянуться больше трех раз не может. Но тренер молчит, гоняет, учит, советует, а не выгоняет, как некоторых. Значит, нужно стараться.

Проходит месяц, два — все освоились, втянулись в ритм, а тут тренер устраивает спарринг, но не между новичками, а с ребятами постарше и поопытней. «Это же несправедливо! — думает Витек. — Мы же еще ничего не умеем». Но с тренером не поспоришь, если хочешь заниматься! И Витьку попадается Валерка, на голову выше, на

пару лет старше и со стажем.

Страх нет, так как все свои, хотя Витек и понимает, что Валерке надо на ком-то потренироваться перед соревнованиями, может, поверить в себя, а может, и поучить новичков. Короче, у тренера свои цели и задачи относительно подопечных.

И вот Витек выходит на ринг. Звучит гонг, они с Валеркой начинают кружить по площадке, ограниченной канатами. Обмениваются ударами и Витек вдруг замечает, что Валерка ведет себя с ним, как с мальчишкой, совершенно не заботясь о защите. Играть, так играть, и Витек несильно, но точно наносит несколько ударов сопернику в голову, а именно в подбородок. Несильно, как своему, но четко и, если считать баллы, то он уже в выигрыше, так как ловко уходит от ударов противника и хорошо защищается руками. «Ты смотри, — мелькает у него в голове, — оказывается это не так уж и сложно — переиграть противника!» Но после очередной удачи вдруг замечает неприкрытую злобу в глазах Валерки. Так бывает, когда достаешь кого-нибудь, пока он не психанет и не кинется в отчаянии на обидчика. Важно не допустить этого момента, а Витек заигрался, успел раз восемь попасть опытному, самоуверенному бойцу в голову, совсем забыв про этот важный момент, когда «пере...». И вот, Валерка, весь вспыхнув от злости, начинает просто молотить Витьку. Даже глухая защита, в которую он уходит, не помогает: слабые, тонкие руки не сдерживают мощных ударов и даже через них он ощущает толчки по голове. В нем закипает злость, но против силы не попрешь. Не зря в боксе существуют весовые категории, он просто бессилен против Валерки, а тот, похоже, не может уже остановиться. Хорошо, что вмешался тренер и остановил бой, больше похожий на драку. Витек еле сдержался, чтобы не расплакаться, хотя и чувствовал, что глаза уже мокрые. Удерживало его только то, что он все-таки переиграл Валерку, не пропустив ни одного удара, а победила

только грубая сила. Еще бы, сила есть — ума не надо!

Потом на ринг вышел Юзик, тоже с партнером постарше и посильней. Тот после вздрючки откровенно расплакался, а петом перестал ходить заниматься вообще. Зато Пашка, как Моська на Слона, кидался на противника, сколько его не лупили.

Все это вспомнилось сейчас Виктору, сначала легким страхом, а потом самоуверенной усмешкой. Валерки он сейчас был сам выше почти на голову и хотя тот был уже разрядником, в весе явно превосходил. Ну, а опыт, хоть и кос-какой, уже имелся.

— Только аккуратно, — заметил тренер, отходя к другим спортсменам, словно представлял один на один двух заклятых врагов.

— Ну что, поехали? — спросил Валерка и пошел в атаку.

Здесь не было канатов, так, небольшая полянка между деревьев, но убежать никто и не думал. Удар — защита, серия — опять защита, контрудар, контрсерия... Все мягко, как на тренировке, хотя, похоже, Валерка забыл напрочь, что когда-то было, а если и было, то не с ними и не с тем. Он стал заметно опытнее в смысле защиты, но манера осталась прежней, да и удары его уже не пробивали рук Виктора. «Конечно, если попадет удачно в челюсть, то будет ощутимо, — прикидывал Витек. — Но свалить, не свалит — маловероятно». Поэтому он берег подбородок, встречая более легкого противника, а также атакуя. Витек потихоньку усиливал удары, особенно когда находил брешь в защите, пытаясь разозлить Валерку. От ударов у того встряхивалась голова, но он все еще не мог себе позволить разозлиться по-настоящему. Хотя и был немного ошарашен такой откровенной заявкой на победу еще недавно слабого партнера.

— Передохнем? — попросил он после очередной стычки. — Ты что-то, Витек, размахался в полную силу. Это же тренировка.

— Да брось, — отмахнулся простовато Витек. — Какая полная сила? Так, вполси-

лы, чтобы ты не раскрывался. Ты меня учишь, я тебя.

Они немного передохнули, отдышались и сошлись по-новому. Теперь уже Валерка относился ответственнее к бою: лучше защищался и жестче бил, как в настоящем бою. «Давай, давай!» — про себя подзадоривал его Витек, уходя, защищаясь и нанося ощутимые удары своими более длинными руками. Теперь он играл с ним, уже не дохлый мальчишка, а опытный тяжвес против легковеса. Он проводил серии в корпус, в голову, но больше для отвлечения, весь в ожидании, когда Валерка раскроется по-настоящему. Бил Витек действительно вполсилы, но это пока, пока не было возможности влепить от души, врезать как следует за ту несправедливость, в которой нынче оказался его старый обидчик. Вот один удар прошел хорошо сбоку, так что голова дернулась от сотрясения, вот второй... Ну, наконец-то! У Валерки в глазах зажглись злые огоньки и он бросился в атаку, казалось, круша все перед собой, прямо как в старые времена. Витек спокойно ушел в сторону, прикрывшись руками и телом, ожидая таким маневром еще одной злобной атаки, провоцируя на это противника своей мнимой слабостью, либо трусоватостью. Он уже проиграл в голове ход событий и когда Валерка снова кинулся в бой, мощно встретил его прямым в голову, как бы для остановки ее движения, а вправо нанес мощный хук прямо в подбородок.

Валерка упал как подстреленный кабан в еще зеленеющую траву. Витек застыл над ним, с одной стороны, сожалея, что переборщил, а с другой, про себя отсчитывая время — неужели нокаут?

— Я же сказал аккуратней! — подскочил тренер к Валерке, который зашевелился, силясь подняться. — Ему выступать, а ты

его здоровья лишаешь!

Витек тоже стал помогать, скинув перчатки.

— Так, продолжаем заниматься, — крикнул тренер ребятам, прекратившим было тренировку. — А ты посиди, подыши глубоко, — сказал он Валерке, пришедшему в себя.

Они вдвоем с Витьком прислонили его к дереву и сидели перед ним на корточках, наблюдая за его состоянием. Наконец Витек поймал Валеркин взгляд, уже осмысленный после нокдауна, но ни страха, ни злобы в нем не прочел.

— Все нормально! — сказал Валера и даже улыбнулся, с достоинством принимая свой новый статус. «Как, наверное, — подумалось Витьку, — в стае волков матерый, но ослабевший уступает место более сильному, так же среди мальчишек, если нет явного соперничества, то оно все равно подразадается».

— Так, — тренер встал, как и Витек, — десять кругов, а потом в зал, к груше, — приказал он Витьку. — Тоже готовься на город выступать, — он усмехнулся иронично, похлопав Витьку по плечу, до которого пришлось дотянуться, — уж лучше чужих, чем своих, да и проку больше! Хотя, — он глянул на Валерку, стоявшего в расслабленной позе под деревом, — и своих не мешает, чтобы чужие боялись!

— Так он горяч, а про защиту, как всегда, забывает! — заоправдывался Витек, чувствуя еще некоторую неловкость.

— Как всегда, говоришь? Припомнил, значит? — вдруг цепко окинул его взглядом тренер, прищелкнул языком, будто знал, что этим все когда-то кончится и махнул рукой. — Ладно, пошел на десять кругов!

Уважаемые читатели!

Редакция обращается к Вам в нелегкое для журнала время. Едва ли нужно объяснять, почему — нелегкое. Но, напротив, обязательно нужно сказать, что, несмотря на все финансовые перипетии, журнал «Уральский следопыт» жив, остается верным своей тематике, культурно-просветительскому направлению и не намерен на своих страницах поощрять бытующий ныне в литературе нравственный беспредел.

Казалось бы, не много прошло времени после «Анкет-98», на которую отозвались несколько сотен читателей. Но наше время столь быстротекуще, что не поспевает за календарем, и периодическому изданию, которое пытается держаться «на плаву» и не терять подписчиков, приходится как можно чаще сверять свои дела и намерения с интересами и чаяниями читателей и авторов. Тем более, что минувшие после «Анкет-98» годы заметно проредили число наших подписчиков.

Редакция и владельцы журнала, тем не менее, полны решимости продолжать издание «Уральского следопыта» и добиться позитивного перелома в подписке. Надеемся на помощь наших авторов и читателей.

Итак, после того, как Вы прочтете «Анкету — 2002», выберите все вопросы, на которые Вы готовы ответить «Да» и сделайте пометки в квадратиках рядом. Заполненную таким образом АНКЕТУ вышлите по адресу редакции. За нами — анализ Ваших ответов (в том числе и на страницах журнала), уточнение редакционных планов на новый, 2002 год. И небольшой приз: авторы присланных в редакцию ответов становятся участниками мини-лотереи. Трех ее победителям будет предоставлена БЕСПЛАТНАЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ НА ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ 2002 года.

СКОЛЬКО ЛЕТ ВЫ ЧИТАЕТЕ
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»?

- Более года
 Более пяти лет
 Более десяти лет

ГДЕ ВЫ ЧИТАЕТЕ ЖУРНАЛ?

- В библиотеке
 Получаю по подписке
 _____

ЧТО ВАС БОЛЬШЕ ВСЕГО УДРУЧАЕТ
В ЖУРНАЛЕ?

- Неудовлетворительное содержание
 Несвоевременный выход номеров
 Черно-белый вариант оформления
 Сдвигание и страивание номеров

КАКОЙ РАЗЕЛ БОЛЬШЕ ПРИВЛЕКАЕТ?

- История и краеведение («Река времени»)
 Фантастика («Азлитка»)
 Путешествия. Приключения («Встречный ветер»)

КАКИЕ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЕ РУБРИКИ
ПРЕДПОЧИТАЕТЕ?

- «Краеведческая копилка»
 «Тропой поиска»
 «Клуб собирателей»
 «Версия»
 «Портреты»
 Литературное краеведение

КАКОЙ ВЫ ВИДИТЕ ФАНТАСТИКУ В ЖУРНАЛЕ?

- Крупные жанры
 Малые жанры
 Отечественная
 Зарубежная
 Всякая, но преимущественно молодых авторов

ЧЕМ ИНТЕРЕСЕН РАЗДЕЛ «ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР»?

- Путешествия
 Экстремальные ситуации
 Спорт

КАКОЙ ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ВИДЕТЬ ПРОЗУ ЖУРНАЛА?

- Историческую

Детективную
 Разную, но открывающую молодых авторов
КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К НЕУРАЛЬСКИМ ТЕМАМ В
РАЗДЕЛАХ

- Темы должны быть только уральскими
 Частично может присутствовать и неуральская
тематика

КАКИХ ТЕМ НЕ ХВАТАЕТ ЖУРНАЛУ?

- Политика
 Экология
 Молодежная субкультура
 Музыка
 Юмор

ЖУРНАЛ ОРГАНИЗУЕТ И ПРОВОДИТ КОНКУРСЫ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЗНАЧИМЫЕ ПРОЕКТЫ. КАКИЕ
ИЗ НИХ ВАС ЗАИНТЕРЕСОВАЛИ?

- «Большие надежды»
 «Уральской тропой»
 Проведение благотворительных концертов в
Госпитале
 Никакие

СКОЛЬКО ВАМ ЛЕТ?

- До 18
 До 35
 До 55
 После 55

В КАКОМ НАСЕЛЕННОМ ПУНКТЕ ВЫ ЖИВЕТЕ?

- В городе
 В сельской местности

ВАШЕ ОБРАЗОВАНИЕ?

- Высшее
 Среднее, средне-специальное
 _____

ЧЕМ ВАМ ИНТЕРЕСНА ИНТЕРНЕТ-ВЕРСИЯ
ЖУРНАЛА?

- _____
 Не имею доступа в Интернет

Не интересна

СПАСИБО ЗА УЧАСТИЕ!

ПОДПИСКА 2002

ПОДПИСКА В РЕДАКЦИИ

Сейчас подписка в редакции оформляется с января 2002 года. Оформив подписку через редакцию, Вы будете получать наш журнал в конверте. Вы можете подписаться за наличный и по безналичному расчету.

Как подписаться за наличный расчет.

Если Вы хотите оплатить подписку наличными, Вам нужно прийти в редакцию. В Вашем присутствии сотрудник отдела подписки оформит абонемент на издание и выдаст Вам квитанцию об оплате.

Жители г. Екатеринбурга могут вызвать курьера из редакции и оформить подписку на месте.

Как подписаться по безналичному расчету.

Если Вы хотите оплатить подписку по безналичному расчету, это можно сделать платежным поручением, в котором необходимо указать реквизиты редакции (приведены ниже); в графе «Назначение платежа» написать: журнал «Уральский следопыт», период подписки и адрес, по которому будет доставляться журнал.

Частные лица могут оформить подписку почтовым переводом.

Обратите внимание на то, что, подписываясь в редакции, Вы сможете воспользоваться 10% скидкой!

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ ЧЕРЕЗ РЕДАКЦИЮ

	по России	по СНГ	за рубежом
1 номер	30 руб.	52 руб.	3\$*
6 номеров (полугодие)	180 руб.	312 руб.	18\$*
12 номеров (год)	360 руб.	624 руб.	36\$*

* оплата в рублях по курсу ММВБ на день оплаты.

Наши реквизиты:

Общество с ограниченной ответственностью
«Редакция журнала «Уральский следопыт»
Расчетный счет: 40702810301010000519
Кор. счет: 30101810600000000781 в ОАО «ВУЗ-банк»
г. Екатеринбург, БИК 046577781, ИНН 6661014243

Лиц, заинтересованных в профессиональных контактах с авторами материала номера, просим обращаться в редакцию. Тел. 22-36-62

При перепечатке и использовании материалов ссылка на журнал «УС» обязательна

УРАЛЬСКИЙ ISSN 034-240X
следопыт

8"2001

Учредитель:
000 «Редакция журнала
«Уральский следопыт»

Редакция:
Александр СИНИЦЫН
(директор)
Анна КОСТРИКОВА
(компьютерная верстка)
Юний ГОРБУНОВ
(зав. отделом истории и краеведения)
Евгений ПЕРМЯКОВ
(зав. отделом фантастики)
Владимир Чудинов
(зав. отделом экстремального туризма
и спорта)

Председатель наблюдательного
совета журнала «Уральский
следопыт» - **ФИРСОВ М. Ю.**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виктор АСТАФЬЕВ,
Кир БУЛЫЧЁВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ,
Владислав КРАПИВИН,
Станислав МЕШАВКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЁБИШЕВ,
Геннадий ПРАШКЕВИЧ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

Адрес редакции: 620142,
Екатеринбург, ул. Декабристов, 67
Тел. редакции: (3432) 224-501
E-mail: info@uralstalker.ekaterinburg.com
Адрес в Интернете:
<http://uralstalker.ekaterinburg.com>

Регистрационное свидетельство № 441, выдано 13.12.90
Министерством печати и массовой информации РСФСР.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением автора
статей.
000 «Редакция журнала «Уральский следопыт» обладает
исключительным правом собственности на логотип и
название журнала.
По вопросам подписки и доставки обращаться в
районные отделения «Росвязьинформа».

Подписано к печати
Формат бумаги 84x108/16
Бумага газетная. Печать офсетная.
Тираж 2 000. Заказ № 50
Отпечатано в типографии
«Уральские военные вести».
Екатеринбург, ул. Народной воли, 62.

Цена 30 руб.

© 000 «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»,
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 8-2001

УРАЛЬСКАЯ ГОРНАЯ СТРАНА

СРЕДНИЙ УРАЛ

ГОРА ВОЛЧИХА

Очевидно, когда — то здесь было много волков. И не удивительно : кругом густые труднопроходимые леса и рядом река Чусовая, куда приходили животные на водопой. Но теперь гора с трех сторон окружена автомобильными и железными дорогами и на ней круглый год можно встретить туристов и просто отдыхающих с детьми.

С вершины, рядом с которой установлен ретранслятор, со скал открывается круговая панорама на Волчихинское водохранилище, города Ревду и Первоуральск, окрестные горы.

Евгений САВЕНКО. Фото автора.

Начало серии заметок «Уральская горная страна» в № 3, 2001 г.

